

Министерство культуры Ростовской области
Государственное бюджетное учреждение культуры Ростовской области
«Донская государственная публичная библиотека»

Д

ОНСКОЙ Временник

В

Краеведческий альманах
Выпуск тридцатый

Ростов-на-Дону
2021

К ЧИТАТЕЛЮ

Тридцатый выпуск «Донского временника» представляет собой сборник краеведческих статей, не публиковавшихся ранее, и отражает новые исследования учёных и краеведов о донском крае, его истории и культуре.

Читателю откроются неизвестные факты биографий Бориса Орлова и Веры Флёровой, первооткрывателей молибдена (рубрика «Заботники Отечества»); Харитона Попова, создателя Донского музея; Ильи Вельницкого, вернувшего из небытия многие имена незаконно репрессированных земляков (рубрика «Наши краеведы»); Ефрема Цимбалиста, американского скрипача с мировым именем (рубрика «Мир искусства»). Евгений Церковников, один из тысяч русских беженцев, вынужденно покинувший родину в 1920 году, стал героем рубрики «Человек в истории». Его воспоминания для «Донского временника» переведены с хорватского. Продолжаем публиковать и воспоминания профессора А. М. Ладыженского, на этот раз о Ростове 1930-х годов.

Событием в культурной жизни области стали Седьмые Коршиковские чтения «Краеведение: история и современность», состоявшиеся на двух площадках в Ростове и Таганроге. Несколько статей в альманахе подготовлены по материалам Чтений.

Библиографические ссылки в примечаниях к статьям альманаха выполнены в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5-2008, сокращения — с ГОСТом — Р 7.0.12— 2011. Дополнительно принятые сокращения приведены в Списке сокращений.

Отдельным приложением к юбилейному выпуску подготовлены «Указатели к статьям альманаха "Донской временник"» за 30 лет издания.

РЕДАКЦИЯ

Составитель, редактор Л. А. Штавакер
Ответственный за выпуск Е. М. Колесникова
Сборник подготовлен при участии Ю. А. Безугловой и Н. Н. Зайцевой

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А. В. Венков
Л. Ф. Волошинова
Е. Д. Ломановская

ISBN 978-5-904079-44-4

© ГБУК РО «Донская государственная публичная библиотека», 2021
Перепечатка и воспроизведение материалов, а также их фрагментов возможны только с письменного разрешения редакции

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАБОТНИКИ ОТЕЧЕСТВА

МИХАЙЛОВА Н. А. «Молибден будет разведан. И это сделаем мы!» (Вера Флёрова и Борис Орлов) Предисловие Л.А. Штавгакер	5
---	---

ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ

ГРУБМАЙР И. И. Воспоминания Е. Т. Церковникова	19
ЦЕРКОВНИКОВ Е. Т. От Дона до Адриатики. Из воспоминаний (1919–1966). Перевод с хорватского и публикация И. И. Грубмайр	20

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

КАЗАРОВА Н. А. Воспоминания о Ростове профессора Ладыженского	36
ЛАДЫЖЕНСКИЙ А. М. Арест и следствие. Публикация Н. А. Казаровой	37

ПОСЕЛЕНИЯ

Сохраним исторический центр Ростова!: Волошинова Л. Ф. Первомайский парк в зеркале городского бытия. — Волошинова Л. Ф. Сад у Нахичеванской межи. — Миноранский В. А. Озеленение и здоровье населения	41
---	----

НАШИ КРАЕВЕДЫ

ЩЕРБАК Д. А. Харитон Белов. К биографии и родословной Х. И. Попова	64
ВАЛУЙСКОВА О. В. Красное колесо Ильи Весельницкого	72

МУЗЕИ

СЕДИНКО С. А. Атаманский дворец. Рождение музея	78
---	----

МИР ИСКУССТВА

РИМСКАЯ З. Н. Ефрем Цимбалист. Ростовские страницы жизни и творчества	85
---	----

ГЕНЕАЛОГИЯ: СЕМЕЙНЫЕ ТАЙНЫ И ИХ РАЗГАДКИ

ВЫСОЦКАЯ Е. П. Неуловимый полковник Перич	91
---	----

СЕДЬМЬЕ КОРШИКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

СЕМЁНОВА О. В., ВОРОНИН К. В. Краеведение на Дону: история и современность (Ростов-на-Дону — Таганрог, 16–17 сентября 2021 г.)	114
ТОКАРЕНКО С. Ф. Археологические находки в Семикаракорске (2020–2021 гг.)	120
КОЗОРЕЗОВ В. А., СКОРИКОВ Д. Д. «...На реке Белой Калитве в урочище Дёхтеве». К истории первоначального заселения слободы Дёхтево	126
ИВАНЧЕНКО В. А. Сплав антрацита по реке Грушевка	131
ЦЫМБАЛ А. А. Судьба таганрогского гимназиста (Н. Ф. Орем)	135
ШАДРИНА А. В. Журнал «Донская христианская мысль» (1917–1919)	141
КОЛТУН О. Н. Ростовские «спецы»	145
ПЕРЕПЕЧ Л.Н. Ушедшие в бессмертие (По материалам Книги памяти Сальского района)	152
ФЕДОТОВА Т. А. Павло-Очаковский узел обороны. 1942 год	156

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	162
-------------------------	-----

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	163
------------------------------	-----

Мой соплеменник, современник,
Читатель потаённых книг
Сидит безвыходно, как пленник,
И пишет новый временник.
<...>
О чём подумает потомок,
Вникая в этот временник?

Леонид Григорьян

ЗАБОТНИКИ ОТЕЧЕСТВА

Н. А. МИХАЙЛОВА

«МОЛИБДЕН БУДЕТ РАЗВЕДАН. И ЭТО СДЕЛАЕМ МЫ!»

(Вера Флёрова и Борис Орлов)

Южно-российский государственный политехнический университет имени М. И. Платова – вуз с богатейшей историей. И эта история бережно сохраняется в стенах его музея, который был открыт в 1975 году. Сегодня музей существует как учебно-методический кабинет истории ЮРГПУ (НПИ). В его фонде – документы, фотографии, артефакты, связанные с жизнью и деятельностью учёных, студентов, рядовых сотрудников, чья жизнь была отмечена замечательными достижениями, подвигами во имя науки, во имя Родины. Такие учёные, как П. Н. Чирвинский, А. Г. Кобилев, А. А. Скочинский, П. А. Православлев, Н. М. Абрамов, И. Ф. Пономарёв, А. Г. Белявский, П. П. Сущинский и многие другие, создали сильнейшую научную школу, прославив и родной вуз, и страну.

Среди документальных материалов музея – небольшой архив семьи Флёровых: отца – профессора А. Ф. Флёрова, геоботаника, учёного с мировым именем, и дочери – Веры Флёровой, с чьим именем связана история открытия месторождения молибдена на Северном Кавказе.

Последним хранителем семейного архива был Владимир Александрович Флёров (1901 – после 1988)[1], сын А. Ф. Флёрова и брат Веры. Выпускник Донского сельскохозяйственного института (1929), Владимир, как и отец, избрал делом своей жизни ботанику. Работал в Ростовском государственном университете (с 1946 г.) старшим научным сотрудником отдела физиологии растений НИИ биологии РГУ, доцентом кафедры ботаники (до 1 июля 1971 г.); в начале 1980 года занимался учебной работой. Тогда же он передал семейный архив музею Новочеркасского политехнического института.

Среди книг, фотографий, писем – альбом «Память о Вере Флёровой вечна» [2], оформленный В. А. Флёровым¹, и два его стихотворения, отпечатанные на пишущей машинке, одно из которых «Сестре моей, Вере Александровне Флёровой», датировано 2 августа 1988 года. Приведём его полностью.

Нежный, душистый, неведомый ране
цветок распустился нежданно
среди луга нагорного
солнечным утром.

И солнца лучами согретый,
к нему потянулся доверчиво он, ожидая,
что неге и ласке
не будет конца.

Но солнце, поднявшись высоко
лучами его опалило, и он, опустившись
на землю горячую,
горькую гибель воспринял...

Семя ж, в цветке зарождѐнное,
в новый цветок претворилось,
обликом дивным чарующий жадные взоры
гошедших сюда пилигримов.

Старший брат сравнивает юную, безвременно ушедшую, сестру с цветком, распустившимся нежданно и сторевшим в лучах солнца. Но не пропал этот цветок. Его семя «в новый цветок претворилось».

Вера Флёрова и её муж Борис Орлов – первооткрыватели. Благодаря им, их энергии и настойчивости, самоотдаче и самопожертвованию появился на карте страны Тырнауз – город, возникший вместе с самым высокогорным горно-обогачительным комбинатом. Но вначале была геологическая разведка этих труднодоступных мест, и был подвиг, который его участники не называли подвигом. Они называли это просто работой.

О них рассказывает нашему читателю Наталья Анатольевна Михайлова, ведущий библиотечарь научно-технической библиотеки ЮРГПУ (НПИ). Статья проиллюстрирована фотографиями из семейного архива Флёровых с подписями, сделанными на обороте.

Л. А. ШТАВДАКЕР

¹ Материалы, включённые в альбом, предоставлены музеем Владимиром Александровичем Флёровым 24 марта 1980 г.

В. Флёрова с мамой. 1914 г.

Вера родилась 16 декабря 1913 года в Новочеркасске. Она была четвёртым ребёнком в семье учёного-ботаника Александра Фёдоровича Флёрова и его жены Елизаветы Вениаминовны.

Родители и старшие дети — Владимир, Надежда и Борис обожали маленькую Веру.

С ранних лет девочку интересовали не только ботанические коллекции и атласы растений её отца, но и геологические коллекции. Загадочный мир минералов и горных пород постепенно вошёл сначала в сферу школьных интересов, а позже — профессиональных.

В доме Флёровых помимо единомышленников, профессоров Донского политехнического института Д. И. Компанского, П. Н. Чирвинского, К. И. Лисицына, бывали и студенты. Атмосфера особого отношения к науке, научные споры, экспедиции, в которые А. Ф. Флёров брал своих детей, безусловно, сформировали в них и характер, и стремление к творчеству.

По воспоминаниям старшего брата Владимира, который пошёл по стопам отца и стал учёным-ботаником, Вера в возрасте десяти лет принесла игрушки своей маме, Елизавете Вениаминовне, и сказала, что они ей не интересны [3]. Заметив интерес дочери к минералам, отец подарил ей геологический молоток и стал брать с собой в поездки на Черноморское побережье Кавказа, на Северный Кавказ, в окрестности Минеральных вод.

1-я советская трудовая школа (бывшая гимназия Е. Д. Петровой). В центре директор Василий Сергеевич Розов. В первом ряду справа В. Флёрова. 1-я Новочеркасская объединённая школа, 6 группа. 1927–1928 учебный год

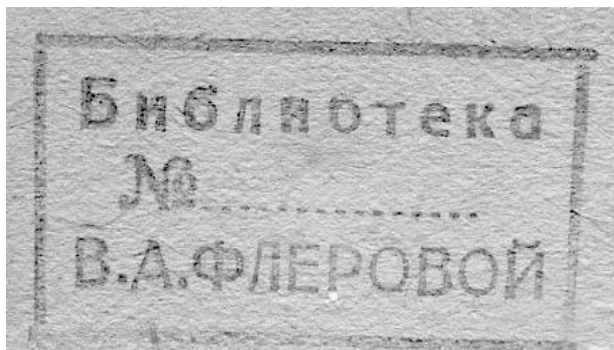
Веру отдали учиться в Первую объединённую советскую трудовую школу 1-й и 2-й ступеней (см. фото на с. 6).

До 1920 года это была частная классическая гимназия Е. Д. Петровой с совместным обучением детей обоего пола, одно из первых учебных заведений нового типа в России. Оно славилось своим европейским подходом к образованию, воспитанием гармонично развитой личности. Система обучения в гимназии ломала все стереотипы, в том числе, и стереотип, согласно которому девочки менее развиты, чем мальчики, и им не под силу программа мужских гимназий. В 1921 году, после смерти основательницы, председателем школьного совета, завучем школы был избран Николай Сергеевич Розов, бывший преподаватель психологии и логики гимназии, племянник Е. Д. Петровой. Традиции и дух гимназии передались и трудовой школе. Поэтому Вере с её сильным характером в школе было комфортно.

Помимо учёбы Вера активно занималась самообразованием, была председателем кружка мирознания при Донском обществе любителей астрономии, математики и естественных наук, которым руководил профессор П. Н. Чирвинский, посещала кружок любителей астрономии (см. фото на с. 8).

В 1929 году Вера окончила также курсы подготовки санитарок первой помощи (см. фото на с. 8).

Вера собирала книги по естествознанию, геологии, минералогии. И даже имела свой экслибрис.

Экслибрис В. Флёровой

Своё дальнейшее образование она мечтала продолжить в Ленинградском геолого-разведочном институте, но возникли определённые сложности. Выяснилось, что учащиеся её группы (класса) должны будут в соответствии с разрядкой учиться в консервном техникуме. Это никак не входило в планы Веры. И она, исполненная решимости и настойчивости, ушла из школы по окончании восьмого класса.

Вера поступила на подготовительные курсы при городском комбинате рабочего образования.

Этот факт в её биографии подтверждает справка, выданная «гр. Флёровой Вере Александровне в том, что она окончила курсы по подготовке рабочих в ВУЗы и ВТУЗы Новочеркасского комбината рабочего образования по программам, установленным для этих курсов Наркомпросом для подготавливаемых в ВУЗы и ВТУЗы, и выдержала испытания по следующим предметам: математика, физика, русский яз. и обществоведение. Согласно постановлению СНК СССР от 2/1-30 г. гр. Флёровой предоставлено право поступления без испытания в высшие учебные заведения. Решением Курсового совета гр. Флёрова В. А. направляется в Геолого-разведочный институт, что удостоверяется подписью и печатью» [3].

Но кроме отличной учёбы в то время совершенно необходимо было заниматься общественной работой. И Вера Флёрова стала членом Общества содействия ликвидации неграмотности «Долой неграмотность» (ОДН).

В июле 1930 года ей была выдана справка, что она работала секретарём ячейки ОДН при Первой школе девятилетке. «К своим обязанностям тов. Флёрова относилась добросовестно. Все задания, даваемые РайСоветом, выполняла, ячейка ОДН одна из лучших ячеек в городе. На одном из заседаний оргкомиссии тов. Флёрова кооптирована в члены Ревкомиссии» (орфография и пунктуация подлинника. — Н. М.).

После отличного окончания курсов Вера решила поступать в Москву или Ленинград. Но для этого требовалось представить ходатайства, справки, путёвку.

В документальном архиве Флёровых сохранился черновик её заявления в местное бюро Секции научных работников Северо-Кавказского института водного хозяйства и мелиорации, где работал отец, профессор А. Ф. Флёров, с просьбой о ходатайстве её приёма в геолого-разведочный институт городов Ленинграда или Москвы [3].

В письме в приёмную комиссию Ленинградского геологоразведочного института от местного бюро Совета народного образования и Северо-Кавказского института водного хозяйства и мелиорации говорилось о заслугах профессора Флёрова, о его роли в науке и в народном хозяйстве страны и содержалась просьба «принять в число студентов ЛГРИ дочь члена Секции научных работников, профессора А. Ф. Флёрова — Веру Александровну Флёрову» [3].

Кружок любителей астрономии. В центре В. К. Черкас, во 2-м ряду третья слева В. А. Флёрова (стоит). 29 января 1931 г.

Вера Флёрова в группе санитарок, во втором ряду третья слева

Ответ на вопрос, почему Вера не была принята в столичный вуз, кроется в маленькой открытке с ленинградским штемпелем от 23 апреля 1931 года: «В ответ на В/запрос от 9/IV-31г. Отдел кадров Ленинградского геологоразведочного ин-та сообщает Вам, что весеннего приёма в указанный институт не будет; возможен осенний приём, но условия такого пока неизвестны. В газетах центр. органов «Известия» и «Правда» будет объявлено о приёме» [3].

В 1930-е годы приём в вузы осуществлялся два раза в год: стране нужны были специалисты в большом количестве, но условия приёма менялись часто. В связи с потребностью в инженерных кадрах из среды рабочего класса и крестьянства в вузы массово шли посланцы ленинского комсомола, которых принимали без конкурсных экзаменов. Поэтому заранее не было известно, сколько свободных мест останется в вузе после такого «целевого» приёма [4, с. 36].

Из Постановления Совета Народных Комиссаров «О контингенте приёма в высшие учебные заведения, техникумы и на рабочие факультеты в 1930–1931 гг.»: «При комплектовании высших учебных заведений студентами должно быть принято... служащих и детей специалистов и служащих – до 15% в индустриальные высшие учебные заведения».

Вузовские преподаватели в то время приравнивались к специалистам и служащим, то есть, несмотря на отличные характеристики, путь в столичные города Вере был закрыт.

Очевидно, на семейном совете решено было ходатайствовать о поступлении Веры в новочеркасский вуз.

В апреле 1930 года на базе Донского политехнического института были созданы семь самостоятельных вузов, в числе которых был и геологоразведочный. Через три года по приказу наркома тяжёлой промышленности С. Орджоникидзе часть вузов соединились в один – Северо-Кавказский индустриальный институт (туда вошёл и геологоразведочный на правах факультета). В 1934 году СКИИ был переименован в Новочеркасский индустриальный институт. В этом же году ему присвоили имя С. Орджоникидзе [4, с. 38].

Из обращения от 13/VIII.1931 года в Крайсовнарпроф городского бюро Новочеркасской секции научных работников: «Городское бюро просит не отказать в выдаче путёвки в СК геолого-разведочный институт Флёровой Вере Александровне, дочери профессора С.К. Института Водного Хозяйства и Мелиорации Александра Фёдоровича Флёрова» [3]. На сей раз путёвка в вуз была получена.

В биографии Веры Флёровой, написанной её братом Владимиром, есть фраза: «Она преодолела и ряд других встретившихся препонов и добилась приёма в 1931 г. в Северо-Кавказский геологоразведочный институт, преобразованный впоследствии в горный факультет, вошедший в состав Новочеркасского индустриального института» [3].

Учёные горного факультета наряду с изучением геологии страны большое внимание уделяли исследованию геологических особенностей Донского края, Кавказа. Стремясь быстрее открыть для молодой индустрии богатства недр, в стране были сформированы двенадцать тысяч отрядов геологов-поисковиков. Новочеркасский индустриальный институт не отставал от вела времени.

Внимание учёных института было обращено на исследование комплексных проблем, связанных с развитием народного хозяйства, особенно Северного Кавказа. Слабая изученность этого региона породила мнение о его бедности полезными ископаемыми, особенно рудами, о его бесперспективности,

О том, что в недрах Приэльбрусья таятся богатые месторождения цветных металлов, местные жители знали ещё в конце XIX века. Но недра эти оставались неразведанными. Предварительные исследования показали, что зона Тырнауза является очень перспективной и заслуживает самых детальных геолого-поисковых работ.

Геологи Новочеркасского индустриального института исследовали Хопёрское железорудное месторождение, медные месторождения бассейна Терека, четвертичные отложения Приазовья и Нижнего Дона, вели геолого-поисковые работы в Приэльбрусье. Профессором К. И. Лисицыным впервые была высказана идея о климатической зональности грунтовых вод, установлена геоморфологическая закономерность минерализации грунтовых вод сухих степей и полупустынь, проведено первое гидрогеологическое районирование Прикавказья. Для научно-исследовательской работы геологов 1920–1930-х годов была характерна тесная связь с производством [4, с. 39].

Используя горно-геологический справочник профессора П. Н. Чирвинского и ряд исследовательских данных, Северо-Кавказский горно-разведочный трест в Новочеркасске развернул в 1930–1933 годах целеустремлённые поиски цветных и редких металлов. При этом на Кавказе было выявлено большое количество неизвестных ранее рудопроявлений цветных металлов. Работы эти проводились молодыми

геологами Новочеркасского индустриального института. К 1930 году количество рудных точек на Северном Кавказе возросло до десяти.

Выявленные рудные точки вольфрама и молибдена, схемы геохимии, предложенные Л. А. Варданянцем и Д. П. Сердюченко, позволили выбрать для поисков наиболее перспективные участки Северного Кавказа. На один из таких участков в верховьях Баксана была направлена геологическая партия, которую возглавил Борис Орлов, выпускник горного факультета Донского политехнического института.

Борис Владимирович Орлов родился 27 сентября 1908 года в Екатеринбурге в семье учёного агронома, приват-доцента университета Владимира Сергеевича Орлова (1880–1927) и его жены Марии Александровны (1881–1942), врача-стоматолога.

Борис Владимирович Орлов. Фото 1937 г.

Семья была высокообразованной, носительницей прогрессивных идей, с революционным прошлым и опытом партийной работы. Детство и юные годы Борис провёл на юге, в Ростове-на-Дону и Новочеркасске, где обосновалась семья родителей. Школьные годы — в Ростове [5, с. 1]. Борис унаследовал лучшие черты родителей, и, по отзывам друзей, был честным, общительным, прекрасным товарищем. Борис любил поэзию, сам писал стихи, отлично рисовал, окончил музыкальную школу в Ростове, любил юмор, спорт [5, с. 1].

Друзья отмечали его творческую энергию, принципиальность, трудолюбие и исключитель-

Семья Орловых. Отец Владимир Сергеевич, мать Мария Александровна, сыновья: старший Александр, младший Борис у мамы на руках. 1910 г.

ную любовь к геологии. Он окончил горный факультет Донского политехнического института в 1930 году. Учился одержимо, считался одним из лучших учеников.

Донской политехнический в 1930-е годы высоко котировался среди вузов страны.

В 1930 году в вузе открылась аспирантура, в которую старались поступить наиболее одарённые выпускники. Первыми аспирантами стали сокурсники Бориса Орлова Г. П. Алферьев, Г. М. Ефремов, А. Г. Кобилев, работающие на должности преподавателей Новочеркасского индустриального института. Бориса Орлова, как геолога-разведчика, больше интересовала практика. Он стремился в горы, к реальной работе. Его поддерживал профессор П. Н. Чирвинский. Он руководил отделом минеральных ресурсов Северо-Кавказского отделения Геокома, созданным в 1927 году на базе горного факультета. Это была первая геологоразведочная организация на юге России. Инженерная практическая деятельность Орлова проходила на Северном Кавказе с 1931 по 1941 год [5, с. 1].

Студенческая жизнь в это время кипела: спорт, интернациональная деятельность, художественная самодеятельность, профсоюзные и комсомольские мероприятия... Студенты стремились к знаниям, активно занимались научной работой. Богатый научный опыт преподавателей передавался студентам не только на лекциях и практических занятиях, но и в учебных экспедициях — полевой практике. Учебный

процесс в вузе был выстроен так, что практика начиналась с первого курса.

Первую полевую практику Вера Флёрова проходила в 1932 году в бассейне Малой Лабы, в Асбестовой геолого-разведочной партии. Во время своей первой экспедиции она писала письма родителям.

18 июля 1932 года:

«Дорогая моя мамочка, перестань же, наконец, обо мне беспокоиться. Ты пишешь, что я здесь простужусь; да у меня даже насморка нет, хотя ночью и промерзаю порядочно, днём хожу с мокрыми ногами, в следствие чего туфли совершенно разложились. Если прохожу в них ещё два-три дня, будет хорошо; спортсменки тоже совершенно развалились. Скоро ли ты мне пришлешь туфли? За туфлями, очевидно, последуют башмаки...

После того, как Бобенко дала мне 10 рублей стала брать молоко, за которым приходится ходить на асбест. Молоко здесь доставать очень трудно, раньше она мне давала 5 стаканов (70 к), а сегодня и дальше будет давать только три стакана. За 3 стакана 8 километров отходить надо! Четыре туда, четыре обратно, но всё-таки хоть небольшая поддержка. А есть я хочу всегда! Обессилить я тоже не могу. Сегодня приезжали Бобенко (всем семейством) и технорук асборудника. У нас имеются обнажения магнезии, которые они хотят эксплуатировать. Она (Бобенко) сказала, что я очень поправилась и поздоровела. Да, в такой обстановке ничего другого произойти не может. Сегодня великолепный солнечный день (как ни странно, а дождя не было) и я ходила (вместо бани) купаться на Лабу. Сначала загорала, а потом натерлась песком, а потом и мылом. И чисто! Сегодня получила твою открытку. Надеюсь, вы получаете мои письма? Мёду гостать не удалось, т. к. нигде его нет.

Стирать отдаю нашей «куфарке». Сегодня срок моего пребывания здесь истёк, но Прокуронов (руководитель экспедиции — Н. М.), проверяя мой дневник, остался им очень доволен и предложил мне остаться здесь до конца работ. Пока я согласилась остаться до 1-го августа.

Мне здесь очень нравится. Работа интересная и многообещающая. Возможно, мы откроем третье месторождение никеля. Этот объект полужасекреченный. Папа просит сообщить ему относительно асбеста. Пока, кажется, всё благополучно и фабрика работает. Сегодня очевидно, уже часов 11 вечера, все спят, а я сижу за столом у костра и при свете фонаря пишу вам

письмо. Ночь прекрасная, луна, звезды и очень тепло. Рядом ревет Лаба. Иногда моя фантазия представляет себе громкий оркестр музыки среди этого однообразного шума.

За молоком хожу вечером, т. е., туда иду в сумерки, а возвращаюсь в темноте. К дороге я уже привыкла и знаю, где какой камушек, где лужа, грязь; дорожку мне освещают светлячки, которых здесь очень много» [3].

18/VII-32 г. 9 час. веч[ера].

«Дорогая мамочка, сегодня Прокуронов послал меня на самостоятельные поисковые работы. По пути поискового маршрута попалась каменка, на которой я обнаружила глыбы кварцевых карбонатов. Сделала соответствующее описание в полевой книжке и взяла образцы. Выбивать образцы было очень трудно, порода твёрдая. Сегодня, так же, как и вчера великолепный солнечный день, я воспользовалась этим и потом разделась; т. к. всё время была в согнутом положении, то у меня обгорела спина и сейчас больно, но не очень. А пробыла на солнце 8 часов. Пришла с работы вся потная и грязная и сейчас же побежала на Лабу купаться, а потом уже стала обедать. Сегодня на обед у нас «свежие щи» — вода и три листочка капусты.

После обеда разлеглась под деревом, т.к. в палатке невыносимо жарко, и читала рассказы Бор. Лавренёва. Потом переписала результаты моих сегодняшних исследований, которые теперь являются материалом партии, и пишу вам. Как-то нам прислали по одному куриному яйцу, давали 1 раз по 200 гр. галет. Что делает папа? Собирается ли Надюша мне, наконец, написать. Я ей послала одну открытку и письмо. Думаю, что можно было бы ответить. Пришли-те мне марок, конвертов, а то этот последний, а письмо можно послать и без марок, ека важность. Целую всех крепко. Привет моему Новочеркаску» [3].

Даже по одному письму выстраивается образ автора. В 1932 году Вере было девятнадцать лет. Но уже ясно чувствуется незаурядность этой личности, характер, настойчивость, бесстрашие и принятие любых сложных условий экспедиции. Домашняя девочка, выросшая в любви, внимании семьи, хорошо образованная, тонко чувствующая природу, поэтичная и романтическая, не остановилась перед сложностями, не побоялась выйти «из зоны комфорта». Напротив, она положительно восприняла все стороны походной жизни, смирилась с полуголодным существованием, отсутствием обмундирования и элементарных удобств. Из строчек этого письма, спокойных, иногда ироничных, понятно, как важна для неё работа, самостоятельный поиск,

возможность реализовать себя, ощутить себя соучастником большого и значимого дела. Безусловно, здесь немаловажна роль отца: именно он заложил в ней эти качества, он научил её и правильно мыслить, и добиваться своей цели. Уже по тому, что в горах она читала Бориса Лавренёва, одного из основоположников советской героико-революционной прозы, можно предположить, что дух подвига, дух борца в ней был заложен, и давал силы для преодоления всех препятствий и проблем.

Следующая экспедиция Веры Флёровой в горы Кавказа состоялась в 1934 году в составе отряда студентов-геологов Новочеркасского индустриального института. Экспедицией в верховья реки Баксан руководил инженер Борис Орлов, ранее зарекомендовавший себя на полевых работах.

В июле 1934 года Б. Орлов с тремя студентами-геологами 3-го курса института — Понамарёвым, Садовским и Флёровой прибыл в селенье Верхний Баксан вблизи горных хребтов Большого и Малого Тырнауза.

Название Тырнауз переводится как «взборонённое ущелье», ещё его часто назы-

вают «ущелье ветров». Высота над уровнем моря — более 1300 м. Этот район чрезвычайно труден для восхождения: местность сильно расчленённая, крутые скалы, очень глубокие ущелья, ледники и быстрые, бурные реки. Путь к заоблачному Тырнаузу начинается в ущелье, где бурлят воды реки Баксан, которую питают ледники Эльбруса. Горы поражают своей красотой, проявляя наглядно силу и мощь земли.

Несколько дней у группы ушло на организационные работы, на обсуждение рекогносцировки, на отбор образцов, принесённых горцами. После этих мероприятий Б. Орлов принимает решение изменить район поиска: вместо рек Адыр-Су и Кыртак идти к подножию хребта Уллу-Тырнауз. Была составлена карта маршрута, затем Орлов провёл инструктаж группы и определил состав помощников — рабочих и проводников из местных горцев.

Разделив партию на отряды, в составе студентов и рабочих, Орлов дал каждому небольшое задание.

Условия работы отряда — более чем суровые. Дожди, грозы, туман мешали работе. Ветер

Слева направо: В. А. Флёрова, рабочий Хамаг, проводник Махмут Тебердиев, рабочий Асхат. 1934 г.

срывал палатки по ночам. Часто они оказывались отрезанными непогодой от базы, оставаясь без продуктов. Но наравне с мужчинами Вера стойко переносила все тяготы полевых работ.

Из писем Веры домой: *«Прошло 17 дней, как мы прибыли сюда. Чувствуется высота — 3 тысячи метров. Помню слова: "Работай, надейся и жди!" Так мы и работаем, надеемся и, конечно, не унываем».*

«Дождь, проклятый, идёт уже третий день без минуты перерыва. Густой туман окутывает окружающие горы. Вернулась до нитки мокрая (мой плащ-увы и ах! — промокает), Палатка течёт во всех местах... Руки замерзают, писать трудно».

«Сегодня у меня необыкновенный день — пришли ишаки, на которых привезли проговольствие, а то кроме свёклы и капусты, ничего не было».

Однажды она заблудилась в горах в тумане. И всю ночь провела на скале, боясь сорваться вниз. Её нашёл горец-проводник.

Но, несмотря на трудности, геологи успешно вели изыскания.

В первые же дни отрядом Орлова было открыто сурьмяное рудопроявление.

Вскоре в одной из каменных осыпей младший коллектор Вера Флёрова нашла два кварцевых обломка с примазками молибденита.

В письме от 3 сентября 1934 года Вера повторно сообщила своим родным о том, что, ведя геологическую съёмку в одной из балочек, она нашла образцы неизвестной ей породы: *«Вечером в этот день я пошла на съёмку по левому берегу Т. (Тырныауза. — Н. М.). И обнаружила то, чему, собственно говоря, ещё надо дать своё название. Мощностъ этого рудного минерала — 50—70. Он вкраплён в актинолитовый сланец, а простираение... — ?».*

Из письма В. Флёровой: *«30-го Асхат Геккиев с Хамидом Тебердиевым пошли на розыски коренного выхода молибденита, и нашли»* [6].

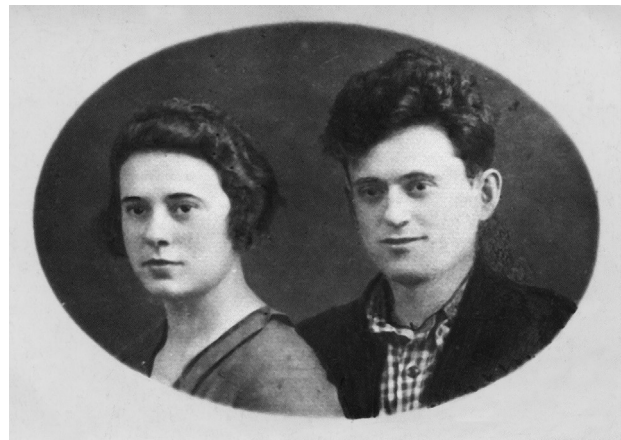
Борис Орлов подтвердил: это был действительно молибденит. При определениях ранее его часто путали со свинцовым минералом — галенитом и графитом. А местные жители, в том числе и проводники, эти рудопроявления и коренные выходы породы считали «бесполезной свинцовой рудой», потому что им не удавалось расплавить её для получения свинцовой дроби и пуль.

Так, в 1934 году на Кавказе было открыто крупное месторождение молибдена.

Орлов, чтобы подтвердить открытие месторождения, запросил приезда из Ленинграда знатока геологии и металлогении Северного

Кавказа профессора Л. А. Варданянца. Прибыв в Тырныауз, осмотрев месторождение, ознакомившись с ходом разведочных работ и геологическими материалами Орлова, Л. А. Варданянц полностью их одобрил и нашёл само месторождение перспективным и многообещающим. В том же 1934 году в журнале «Геология на фронте индустриализации» была опубликована совместная статья Б. В. Орлова и Л. А. Варданянца.

Зимой 1934—1935 года, проведя камеральную обработку полевых материалов по месторождению в Центральном научно-исследовательском геологоразведочном институте цветных и благородных металлов с использованием данных микроскопии лабораторных анализов, получив консультации у авторитетных специалистов, Орлов успел подготовиться к выступлению в марте 1935 года на краевой геологической конференции в Пятигорске, посвящённой природным ресурсам Северного Кавказа [5, с. 4].

Вера Флёрова и Борис Орлов. 1935 год

После подтверждения открытия из Нальчика, из управления Наркомата тяжёлой промышленности, последовал приказ от 16 сентября 1934 года, в котором отмечалась энергичная работа геологоразведочной партии. Начальника премировали месячной зарплатой, рабочую группу — полумесячной [8].

Вскоре закончился период практики. Студенты, в том числе, и Вера, вернулись в Новочеркасск для продолжения учёбы. Это был четвёртый учебный и значимый для Веры год: Вера стала женой Бориса Орлова.

Весь год Орлов с присущей ему энергией доказывал перспективность нового открытия. Наконец, нарком тяжёлой промышленности С. Орджоникидзе приказал Главредмету выделить Тырныаузскому месторождению особое

Геологический отряд в районе Сурмячного рудника. В центре геологи: Флёрова, Пономарёв. Рабочие балкарцы. 1935 г.

внимание. Это означало получение финансирования для дальнейших работ в горах.

Из письма Бориса жене: «17 мая 1935 г. я послал телеграмму А. Г. Кобилеву с просьбой откомандировать Пономарёва, Гершкевича, Пильтенко, Крылова. Отобрал уже часть имущества. Набираю людей. Молибден будет разведан. И это сделаем мы!..» [7].

В июле 1935 года на практику вернулись студенты в расширенном составе, и вместе с ними — Вера Флёрова. В связи с предстоящим дипломным проектированием Орлов усложнил задачи и поручения геологическим группам. Но, как всегда, консультировал их по различным вопросам.

После окончания преддипломной практики Вера получила следующую характеристику:

«За время пребывания на производстве т. Флёрова В. А. показала себя как хорошего работника производства. Не считаясь ни с временем, ни с расстоянием, если этого требовало производство, шла на работу, часто даже с риском для жизни. Показала хорошую теоретическую подготовку и умение сочетать последнюю с производственной работой. Непрерывный интерес к производству, аккуратность в работе и прекрасное товарищеское отношение, как к рабочим, так и инженерно-техническому персо-

налу, дали возможность быть в числе ударников производства. В лице тов. Флёровой В. А. производство встретит настоящего советского специалиста, знающего своё дело и хорошего организатора.

Зам. начальника Молибденового отряда КБРМ инж. Пономарёва» [2].

Летом 1936 года Вера защитила диплом и вернулась к работе уже дипломированным инженером-геологоразведчиком.

Погода в горах в тот год отличалась обилием дождей и гроз. В сентябре рано выпал снег, который не давал работать. Было решено ехать в Нальчик и заняться лабораторной обработкой собранных материалов.

На фотографии, сделанной Борисом Орловым 20 августа 1936 года Вера, улыбаясь, сидит в окружении гор: им она намеревалась посвятить свою жизнь, идя рядом с любимым мужем-едининомышленником и другом. Казалось, её счастьем не будет конца.

Последнее письмо Веры домой:

«Тырныауз, 4 октября 1936 г.

Дорогие мама, папа и Володя! Очевидно, как раз через месяц мы с вами увидимся. Спасибо вам за поздравление. Я как раз в то время была в Нальчике. День именин провела очень хорошо. Было столько цветов, что совершенно некуда

было ставить — не хватило посуды, да и тесно от них было в наших двух комнатах.

Несмотря на увещания, Мария Александровна напекла и наварила много вкусных вещей. Были гости — наши сослуживцы — Хрущов с женой, Пестовский с женой и Костя Савельев. *Погода мешает нам кончить работу, очевидно, опять придётся спускаться. Крепко целую. Ваша Вера»* [3].

9 октября 1936 года Борис Орлов, Вера Флёрова и рабочий Юсуп Дачиев с нагружёнными рюкзаками отправились к переправе через Баксан по подвесному мосту. По ту сторону Баксана их ждала машина. Борис шёл впереди, за ним — Вера, позади — Юсуп.

Внизу редела бурная река, ворочая камни. И вдруг, в самом конце перехода, неожиданно налетел шквалистый ветер, накренил мост. Веру и Юсупа мгновенно швырнуло через канаты. Борис, сумевший удержаться, с ужасом увидел, как его спутники оказались внизу: Юсуп упал в реку, но сумел выбраться, получив травму руки, а Вера неподвижно лежала на камнях на мелководье с разбитой головой. Она была без сознания. Из виска и рта текла кровь. На следующий день Веры не стало. Вере было двадцать два года.

В некрологе, подписанном инженерами-геологами Каббалкредмета Хрущовым, Орловым, Понамарёвым, Савельевым, Загумённым и Сакс, отмечен *«ценный вклад [В. А. Флёровой] в геологическое изучение металлогении Северного Кавказа и промышленность редких металлов»*.

Вера Флёрова 1936 г. 20 августа. Снимок Б. В. Орлова

Бугучи студенткой Северо-Кавказского геологоразведочного института, позднее Новочеркасского индустриального института, и работая в Эльбрусской поисково-съёмочной партии, она нашла небольшой штуф кварца с мелкой вкрапленностью молибденита, послуживший началу открытия промышленных месторождений молибденита в Западной Балкарии. Это был 1934 г. Через два года на месте её находки уже строится самый крупный в СССР молибденовый рудник. <...> Три последние года своей жизни Вера Александровна Флёрова отдала геологическому изучению Тырныаузского района Кабардино-Балкарской автономной области, увлекая своим энтузиазмом товарищей. Она погибла на работе, которой отдала всю свою молодую жизнь.

Её открытие и работа дали первое промышленное месторождение редких металлов на Северном Кавказе и развенчали легенду о рудной бедности Кавказского хребта, что служит ей лучшим памятником» [9].

Горы, которым Вера отдала последние годы своей, очень короткой жизни, показали свой нрав.

Телеграмма: *«Новочеркасск, профессору Флёрову. Вера скончалась 7 часов утра десятого октября. Борис Орлов»*. Похоронили Веру в Нальчике.

На биографии Веры, написанной её братом Владимиром, есть приписка: *«Была в положении, ждали Танюшку»* [3].

Понятно отчаяние мужа и соратника, на глазах у которого в одночасье не стало любимой жены и будущего ребенка: Борис тяжело и надолго заболел. В 1937 году он увековечил её память в названии одного из пиков хребта Тырныауза — Пик Веры. На вершине этого пика — скромный памятный обелиск. На мраморной доске Борис своей рукой высек надпись:

*Любовь до дна, до края,
И жизнь вся отдана
Тебе, моя родная,
Погруга и жена.*

Несмотря на тяжесть и горечь утраты, Борис Орлов продолжал работать, осознавая, что лучшим памятником Вере станет заработавший молибденовый комбинат.

Дела на Тырныаузском месторождении шли успешно. Здесь сформировался большой коллектив специалистов: горных инженеров и техников, проходчиков, взрывников, бурильщиков, рабочих других профессий, шло строительство горно-обогатительного комбината, обогатительной фабрики, автотрассы, канатной дороги, современного благоустроенного города.

Большие заслуги Орлова в открытии уникального вольфрамо-молибденового месторождения, стратегическое значение которого для народного хозяйства страны и оборонных нужд трудно переоценить. Они неоднократно отмечались в приказах по Каббалкредмету 16.10.1934 года, по Главредмету 25.07.1935 года, по Тырныаузскому комбинату 29.08.1939 года. В приказах подчёркивался приоритет Орлова в открытии месторождения, необходимость промышленного освоения его и активное участие Б. В. Орлова в дальнейшей разведке [5, с. 7].

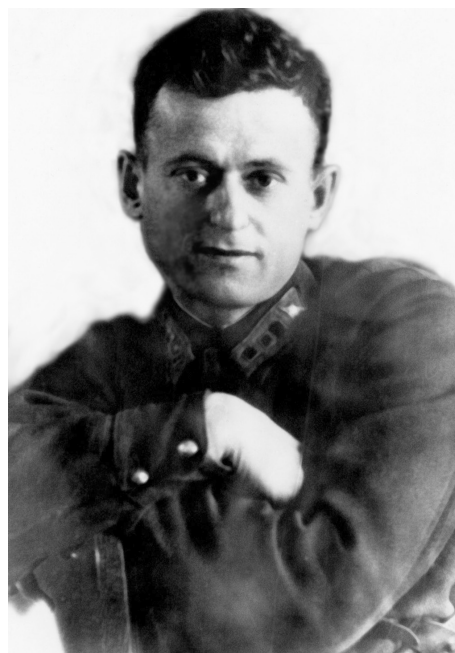
В 1948 году, спустя семь лет после прерванных Орловым своих исследований на Тырныаузе, фактический рукописный материал Орлова [10] в фондах комбината проанализировал в своей статье «О структуре рудного поля Тырныауза» С. А. Шафранов, главный геолог на месторождении (с конца 1941 года и до части 1946 года) [11]. Он дал им очень высокую оценку, подчеркнув открытие месторождения именно Борисом Орловым. С. А. Шафранов пишет: «Тырныаузское вольфрамо-молибденовое месторождение открытое геологом Б. В. Орловым в 1934 году в настоящее время обладает большими промышленными запасами, обеспечивающими эксплуатацию и развитие крупного горнообогатительного комбината» [11, с. 21].

Ранее заслуги Б. В. Орлова в открытии месторождения отмечали Л. А. Варданянц (1940 г.), И. Г. Кузнецов (1946 г.), А. В. Пэк (1946 г.) [13; 12, с. 45]. В 1980-е годы изучением жизни и деятельности Б. В. Орлова и В. А. Флёровой занимались доценты Новочеркасского политехнического института М. М. Лось [13] и С. И. Куликов [14].

Борис Владимирович работал на месторождении вплоть до августа 1941 года, когда он добровольцем ушёл в действующую армию и был демобилизован из района Германии лишь в октябре 1945 года.

Его влекло на любимую работу, в родной Тырныауз. Он приехал, но за четыре года его отсутствия на комбинате многое изменилось, появились другие сотрудники, цепко державшиеся за свои места, которые они успели обжить в тылу за годы Великой Отечественной войны [5, с. 7–8].

«Явная и открытая неприязнь к прибывшему Орлову, отстранение его от прежней должности, глумление и отказ в предоставлении сносных жилищных условий, всё это вконец сломило

Б. Орлов. Дальний Восток. 10 июня 1943 г.

до сих пор непреклонного, устойчивого в борьбе с превратностями судьбы, честного, горячего, одинокого человека¹, демобилизованного офицера-фронтовика...» [5, с. 8].

Душевное его состояние в какой-то мере объясняется в публикуемом ниже письме Я. К. Сакс родителям Веры, Елизавете Вениаминовне и Александру Фёдоровичу Флёровым.

Борис погиб. Без Веры он прожил всего десять лет. Ему было неполных тридцать восемь.

Послесловие

Так кто же открыл Тырныаузское вольфрамо-молибденовое месторождение: Борис Орлов или Вера Флёрова?

«При жизни Орлова подавляющее большинство специалистов и сотрудников комбината считали первооткрывателем месторождения именно его, сомнений ни у кого не было. Об этом свидетельствовали: 1) приказы с благодарностями, наградами и прочими поощрениями в 1934, 1935, 1939 годах по управлению НКРП по КБАО, по Главредмету, по Тырныаузскому комбинату; 2) краевая геологическая конференция в Пятигорске 1935 году; 3) отзывы крупнейших специалистов; 4) решение Центральной комиссии по запасам, утвердившей первые, подсчитанные Орловым, запасы по месторождению в 1936 году» [5, с. 10].

¹ Б. В. Орлов был женат вторым браком на Т. В. Волнягиной, которой не было рядом с мужем (она к тому времени ещё не вернулась из эвакуации). – Н. М.

Однако не прошло и полвека, а заслуги Бориса Владимировича Орлова забылись. Свидетельство тому решение коллегии Министерства геологии СССР от 21 марта 1985 года, в котором за открытие Тырнаузского вольфрамового месторождения в РСФСР «тов. Флёрова Вера Александровна награждена (посмертно) дипломом и нагрудным знаком "Первооткрыватель месторождения". Министр геологии СССР Е. А. Козловский» [15].

Сегодня вершина горы, где был найден молибден, носит название «Пик Веры»; её именем в Приэльбрусье названы цветы; в Тырнаузе — площадь. Уральский композитор Николай Пузей посвятил Вере Флёровой симфоническую поэму «Легенда-быль».

Не пора ли воздать должное незаслуженно забытому первооткрывателю Тырнаузского вольфрамо-молибденового месторождения Борису Владимировичу Орлову?

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Пашиньян К. Г. Корни и крона. Флёровы // Дон. временник. Год 2021-й. Вып. 29. Ростов н/Д., 2020. С. 5 — 13.

2. Память о Вере Флёровой вечна : альбом : [рукоп.] // Учебно-методический кабинет истории ЮРГПУ (НПИ).

3. Флёровы А. Ф., В. А., Орлов Б. : арх. папка // Учебно-методический кабинет истории ЮРГПУ (НПИ).

4. Новочеркасский политехнический /авт.: Г. В. Малашенко, Л. Г. Шолохов, Б. А. Федев, А. В. Сысоев; отв. ред. проф. А. Г. Кобилев. Ростов н/Д., : Изд-во Рост.ун-та, 1974.

5. Куликов С. И. Краткая информация о первооткрывателе Тырнаузского молибдено-вольфрамового месторождения Борисе Владимировиче Орлове и о перепетях, связанных с открытием месторождения : [машинопись] // Орлов Борис Владимирович : арх. папка.

6. Отрывки из писем В. Флёровой и рассказ об экспедиции 1934 г. Цит. по: Лось М. М. [Заметки об Орлове и Флёровой] : [рукоп.] // Учебно-методический кабинет истории ЮРГПУ (НПИ).

7. Отрывки из письма Б. Орлова цит. по: Лось М. М. [Заметки об Орлове и Флёровой].

8. Выписка из приказа по Управлению уполномоченного НКТП от 16 октября 1934 г.: [рукоп. текст С. И. Куликова] // Орлов Борис Владимирович : арх. папка.

9. Памяти инженера-геолога В. А. Флёровой (1913 — 1936) / подпись: инженеры-геологи Каббалкредмета Хрущов, Орлов, Понамарёв, Савельев, Загумённый и Сакс // Разведка недр. 1936. № 12. (Копия некролога, машинопись).

10. Орлов Б. В. Объяснительная записка к геологической карте хребта Улуу-Тырнауз : [рукоп.] // Фонды ГРК Тырнаузского комбината. 1939.

11. Шафранов С. А. О структуре рудного поля Тырнауза // Учёные зап. / Кабард. НИИ при Совете министров Кабард. АССР. Т. 3. Нальчик, 1948. С. 21 — 45.

12. Варганяц Л. А. Интрузивы Тырнауза : [рукоп.] // Фонды ВСЕГЕИ, 1940; Кузнецов И. Г. Основные черты геологии Кабардинской АССР; Пэк А. В. Структура Тырнаузского месторождения // Природные ресурсы Кабардинской АССР. М., 1946.

13. Лось Михаил Михайлович (1940 — 1993), доцент кафедры геологии Новочеркасского политехнического института, член редколлегии газеты «Кадры индустрии. Интересовался историей вуза и города, собирал материал о В. А. Флёровой и Б. В. Орлове. Публиковал статьи в газете «Кадры индустрии».

14. Куликов Сергей Иванович (1905 — 1996), инженер-геолог 1 ранга, кандидат геолого-минералогических наук, доцент. Известный геолог, большой знаток оценки качеств и запасов рудных месторождений. Изучал месторождение марганца на Северном Кавказе, открыл карбонатные руды марганца. *Погробрнее о нём*: Геологи Нижнего Дона. Ростов н/Д., 1999. С. 95. Статьи о Б. В. Орлове: Куликов С., Мосиенко Н. Человек, открывший Тырнауз // Знамя коммуны. 1983. 28 сент. С. 2; Их же. «Звезда» геолога Орлова // Кадры индустрии. 1983. 24 сент. С. 3.

15. Цит по: Лось М. М. [Заметки об Орлове и Флёровой].

Письмо Янины Климентьевны Сакс¹ –
Е. В. и А. Ф. Флёровым

Уважаемая Елизавета Вениаминовна и Александр Фёдорович!

Я в телеграмме обещала подробно написать об обстоятельствах смерти Бори. Но что я знаю? Я знаю только то, что Бори больше нет и его не подыметь. Что его толкнуло на это? Трудно сказать. Но, во всяком случае, не малодушие. Вернувшись из Тырны-Ауза, (так в письме. – Н. М.) Боря множество раз заходил ко мне и я почувствовала его страшно подавленное настроение. Я писала в декабре Вам об этом. Когда я рассказала Боре о последних днях жизни Лены (моей сестры), как она сильно сопротивлялась смерти, Боря сказал: мне это не знакомо. Анализируя его отдельные мысли можно сказать, что-то недоброе запало в его голову.

Говорят, что 2-го января он пытался покончить с собой, но предотвратили. Письмо к Алекс. Влад. и Марии Сергеевне² датировано 4/ I, а ушёл он от нас 8/ I.

И никто из окружающих его в Тырны-Аузе не нашёл возможным сообщить его родственникам в Нальчик от 2-го до 8-го. Такова уж у нас забота о людях. Хоронили Борю участливо. Верно, музыки не было, но друзей много. Его смерть восприняла так остро, что буквально не могу пи-

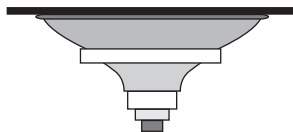

Могила Б. В. Орлова. г. Нальчик

сать. Я совершенно лишилась сна. Возможно, в январе-феврале поеду в Новочеркасск и тогда поговорим. Ваша Янка.

Нальчик, 15 января 1946 г.
Красноармейская 17, кв.14
Сакс Я. К.

Публикация Н. А. Михайловой

¹ Я. К. Сакс – инженер-геолог, сослуживица Б. Орлова см.: подписи под некрологом В. А. Флёровой в журн. «Разведка недр» (1936. № 12).

² Информацию об упоминаемых в письме личностях установить не удалось. – Н. М.

ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ

И. И. ГРУБМАЙР

ВОСПОМИНАНИЯ Е. Т. ЦЕРКОВНИКОВА

Воспоминания Евгения Тимофеевича Церковникова достались мне от Татьяны Витальевны Пушкадии-Рыбкиной¹, с которой мне повезло дружить и вместе работать над вторым изданием её книги «Эмигранты из России в научной и культурной жизни Загреба»². Евгений Тимофеевич, родившийся в начале XX века в Новочеркасске, в результате великого исхода 1920 года оказался в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Татьяне Витальевне он приходился дядей.

Тексты напечатаны на машинке на хорватском языке³. Они включают в себя 43 страницы формата А 4. В них входят генеалогические схемы семьи Церковниковых, подробная схема расположения их дома и дворовых построек, а также квартиры старшего брата Евгения Тимофеевича, Владимира, в станице Каменской. Кроме того, прилагается копия письма Е. Т. Церковникову от его матери, датированного 22 октября 1920 года, но из-за низкого качества печати оно едва читается. Ещё одно письмо — от сестры Евгения Тимофеевича Маруси от 27 декабря 1961 года, написанное от руки, в котором она сообщает о смерти их матери. Третье — из Парижа от 10 декабря 1963 года, присланное Александром Пелипенко, вторым мужем О. И. Будановой, тётки Евгения Тимофеевича, в котором он извещает о смерти Ольги Ивановны. К письму приложен некролог. Кроме того, в тексте дневника несколько раз рукою Евгения Тимофеевича записан перевод на русский язык цитируемых песен.

По содержанию дневник условно делится на несколько частей. Первую можно считать предисловием. В ней автор объясняет, что заставило его взяться за запись воспоминаний. «В 1961 г., когда я вернулся с похорон своей бывшей 28-летней студентки медицинского факульте-

та, каким-то образом дошло до моего сознания, что вскоре это может постигнуть и меня...». Здесь он перечисляет некоторые наиболее яркие события своей жизни и заключает такими словами: «Как иностранец, я добился всего в жизни только благодаря труду, а не посторонней помощи. Правда ли то, что я был рабочим на железной дороге Земун-Путинцы, продавал газеты и бензин, был статистом в театре в Загребе, а сейчас... сотрудник Прелога⁴, профессор в Загребе, а также на медицинском факультете в Риеке?.. Может ли быть, что меня разбудит голос мамы, которая скажет: „Женечка, надо встать и идти в гимназию“? Но голос мамы я больше никогда не услышу».

Следующая часть — страницы 3–19 — представляет семью Церковниковых. Здесь рисунок генеалогического дерева (два поколения до Е. Т. и четыре после него; интересно, что имя Евгений повторяется в трёх из них), биография прадеда, деда и отца Е. Т., упомянутые ранее планы дома Церковниковых и квартиры В. Т. Церковникова. Далее приводятся биографии матери, Софьи Ивановны, урождённой Долотиной⁵, старшего брата Владимира, младших сестёр⁶, семьи сестры Маруси, тётки Ольги Ивановны Будановой, дядей отца — Ефрема и Михаила Павловичей, а также двоюродного брата Евгения Михайловича и его сына и внука.

Затем следует биография самого Евгения Тимофеевича, которая на 24-й странице переходит в дневниковую форму, с датами каждого события, начиная с выхода из Каменской 11/24 декабря 1919 года, а потом снова возвращается в формат повествования. Даты приводятся одновременно по старому и новому стилю. Эти записи были сделаны на основании других, более ранних заметок. Даты приводятся в строгом со-

Инна Ивановна Грубмайр, кандидат филологических наук, г. Вельс, Австрия. Перевод с хорватского Инны Грубмайр.

¹ Татьяна Витальевна Рыбкина, в замужестве Пушкадия (23.01.1929, Загреб – 11.01.2021, Загреб), химик, реставратор, сотрудник Хорватского государственного архива.

² Второе издание вышло в 2019 году под названием «Эмигранты из России в Загребе. Жизни и судьбы».

³ Сердечная благодарность за помощь в переводе с хорватского Дубравке Кукич, г. Загреб.

⁴ Владимир Прелог (1906, Сараево – 1998, Цюрих), химик-органик. За свои достижения в области органической стереохимии удостоен Нобелевской премии по химии за 1975 год.

⁵ Биография матери сопровождается отрывками из её писем. Ранее из них датировано 22 октября 1920 года, а последнее 1947-м, с пометкой об отсутствии писем с 1931 по 1946 год.

⁶ Обоих звали Мария (Маруся), но первая прожила недолго и умерла в возрасте трёх лет от дизентерии.

ответствии с оригиналом, за исключением опечаток. Также автором часто используются сокращения: «ст.» в значении «станция», «г.» — «год», «ст. ст.» — «старый стиль». Не все упомянутые географические пункты удалось идентифицировать. Не идентифицированные отмечены *. Три звезды текст отделяется по смыслу (глава «Мои родные» и др.). При попытке проследить маршрут беженской колонны иногда складывается впечатление о нелогичности движения. Это можно объяснить либо ошибками в записях, либо тем фактом, что люди шли в сложных погодных условиях, по разбитым дорогам, часто под обстрелами. Скорее всего, маршрут строился в зависимости от обстоятельств.

Заканчиваются воспоминания рассказом о возвращении в Югославию из длительного морского путешествия со второй супругой в октябре 1966 года.

Кто же он, автор этих записей, которые вам предстоит читать? Один из тысяч русских беженцев, вынужденно покинувших родину в 1920 году. Оказавшись подростком на чужбине, он в 1924 году окончил Донской кадетский корпус, а в 1929-м — Загребский университет. В 1938 году получил докторскую степень. И, пройдя непростой путь, стал одним из крупнейших химиков-органиков Югославии.

В 1947 году Евгений Тимофеевич был назначен на должность доцента органической химии фармацевтического факультета Загребского университета, где до 1957 года руководил кафедрой органической химии. Основал Институт органической химии и стал его первым руководителем. На том же факультете в 1948 году он был избран экстраординарным, а в 1956 году — ординарным профессором. В то же время с 1947 года являлся внештатным, а с 1950 года — штатным преподавателем фармацевтики на ме-

дицинском факультете Загребского университета.

В 1957 году его пригласили на должность преподавателя химии и биохимии на только что открывшийся медицинский факультет в Риеке¹, где он основал Институт химии и биохимии и стал его первым руководителем. Вплоть до выхода на пенсию в 1975-м преподавал фармацевтику и в аспирантуре.

Евгений Тимофеевич Церковников — один из основателей, а в 1958—1974 годах — председатель Хорватского химического общества и Общества химиков и технологов (отделение по Риеке и Истрии). Он автор и соавтор нескольких учебников, активный участник научных конференций. Свои работы публиковал в хорватских и зарубежных журналах.

Профессор Церковников занимался антигистаминами и проблемами малярии. За свой вклад в научную жизнь Хорватии, помимо премий и грамот, в 1966 году он получил награду — орден Труда с золотым венком.

Скончался Евгений Тимофеевич 25 июля 1985 года и похоронен в Риеке. На его могиле выгравировано «Наука была для него жизнью».

Я позволю себе небольшую вольность и представлю воспоминания Е. Т. Церковникова в ином порядке, поменяв некоторые части местами, а также для удобства чтения, добавив к ним редакционные названия. В оригинальном тексте таковые приводятся лишь дважды: 1) Ретроспективный взгляд на карьеру (эта глава, наполненная деталями научного мира Хорватии, остаётся за рамками данной публикации), 2) Новая жизнь.

Все примечания и комментарии к воспоминаниям подготовлены публикатором.

Фотографии из семейного архива Т. В. Пушкади-Рыбкиной. Публикуются впервые.

Е. Т. ЦЕРКОВНИКОВ

ОТ ДОНА ДО АДРИАТИКИ

Из воспоминаний (1919—1966)

Пешком на чужбину

11/24.XII.1919. Колонны и колонны гражданских лиц и военных оставляют Каменскую. Издалека слышится стрельба пушек и «работа» пулемётов.

13/26.XII.[1919]. Мой день ангела, а заодно и день рождения². Покидаем Каменскую. Дорог нет. Идём пешком.

14/27.XII. Спим на Северном³ Донце в каком-то холодном, разрушенном бараке.

¹ Город в Хорватии, на побережье Адриатического моря.

² Позже, когда он был уже в Югославии, мать написала ему правильную дату его рождения — 4/17 декабря 1904 года.

³ Должно быть — Северском.

15/28.XII.[1919]. Утром прибыли в открытом вагоне в Лихую. Далее из Сулина пешком, а потом в открытом вагоне (холодно, голодаем).

17/30.XII.[1919]. Добрались в Новочеркасск. Остановился в семье полковника Мишитова. Семья уезжает в неизвестность. Посетил брата Володю... Жил там недолго на ул. Горбатая, 17 (у сестры братовой жены), на Кирпичной, 56 у сослуживца тёти Лёли и на Почтовой, 31 у Мишитова. Первый раз я пожалел, что покинул Каменскую.

19.XII.[1919] Мобилизация.

21.XII.[1919]/3.I.[1920]. Паника. Атаман покинул Новочеркасск. Поездов нет. Идём пешком в сторону Кубани.

22.XII.[1919]/4.I.[1920]. Покидаем Новочеркасск. Трагичные моменты происходят перед Аксаем. Дошли до Старочеркаска. Страшные сцены. Разбиты подвалы с вином. Люди напились и захлебнулись вином, разлитом по полу. Некоторые совершили самоубийство. Нет власти, паника...

23.XII.[1919]. Идём дальше. Дорога покрыта трупами, людьми и лошадьми. Видел, как по дороге и в домах плачут оставленные дети. В 10 ч. перешли мы реку Дон. Лёд был непрочный, некоторые утонули. Прошли хутор Бунты* и дошли до станицы Хомутовской. Мои друзья Ковалёв и Апольшин потерялись по пути.

24.XII.[1919]/6.I.[1920]. В 14 ч. дошли мы до станицы Хомутовской. Народ нас встречал не холодно, но и не тепло. Повсюду трупы людей и лошадей, потерянные вещи и дети. 500 домов жёг «атаман» Маруся.

26.XII.[1919]/8.I.[1920]. Идём. Кагальницкая, Сосыка¹, Гуляй Борисовка². Ветер, холодно, хочется есть.

27.XII.[1919]/9.I.[1920]. Встретили учителя Ивана Ивановича Попова, который идёт самостоятельно.

29.XII.[1919]/11/1.[1920] Воскресенье. Вышли в шесть утра. Перешли реку. Лёд треснул. Погибло шесть человек. Прошли Кугоейскую³, Кубань, Новую Пашковку⁴.

31.XII.1919/13.I.[1920] На заборах написано: «Солдаты, заходите к нам. Казаки, идите домой. Офицеров — вешать». Деньги ничего не стоят. С Богом, горестный 1919 год!

1.I.1920/14.I.[1920]. Начали двигаться (по-прежнему пешком). Новая Пашковская, Екатерининская⁵. Сентиментальные мысли. Вспомнилась мне песня того времени.

Моей тайной любви,
Моей сладкой мечты
Никому не понять
Никогда, никогда.
И любовь, и мечту
Я в себе схороню
И в могилу потом
Я с собой унесу
Навсегда, навсегда.

3/19.I.1920. Какой мороз! Крестьяне (казаки) меняют своих коней за бесценок, потому что боятся, что их могут реквизируют. Люди против белых и Деникина. Станица Крыловская.

5/18.I.[1920]. Дошли до станицы Екатеринославской⁶. У меня температура. Местное население не враждебно, но и не особенно доброжелательно. Идёт снег. Холодно.

6.I/19.I.[1920]. Отдыхаем.

7.I.1920. Огромная неприятность. Потерял 2000 рублей. Всё, что имел.

8.I/21.I.[1920]. Хутор Заречный. Плохо себя чувствую и физически, и морально.

9/22.I.20. Tres mal⁷. Встретил нашего знакомого подъесаула Фетисова. Нападают «зелёные». Это солдаты, которые ушли из Белой и Красной армии.

10/23.I.1920. Интересное явление. Утром видели на небе чёрную полосу.

11/24.20. Кубанцы веселятся, пьют, играют на гармошке, танцуют. Позже мы узнали, что они радуются «зелёным».

12/25.I.1920. Наконец, после месяца, сегодня искупался. Интересно, что мужчины и женщины купались вместе. Нет водки. Пьют так называемый самогон. Нет сигарет — курят так называемый самодур. Это что-то дурманящее, от чего человеку становится весело.

14.I.[1920]. Всё ещё болен. Температура.

15 — 18/28 — 31.I.1920. Холодно, — 20. Вспомнил моего лучшего друга Митю и его сестру Нину Никольских. Они были соседями. Мы вместе играли. Они были в 1920 — 21 г. расстреляны как дети священника. Ему в то время было 17, а ей 16.

¹ Возможно, имеется в виду река Сосыка, но в таком случае она здесь приводится ошибочно, так как эта река протекает по территории Кубанской области (Краснодарского края).

² Слобода Черкасского округа Области войска Донского.

³ Хутор Кугоейский, Кубанская область.

⁴ Хутор Новопашковский, Кубанская область.

⁵ Возможно, имеется в виду станица Екатериновская, Кубанская область.

⁶ Станица Екатериновская, Кубанская область.

⁷ Очень плохо, фр.

6/19.II.[19]20. Много думаю и задаюсь вопросом — а что дальше? Могу ли изменить судьбу?.. Всё кануло в никуда. Я потерял маму и Марусю. Увижу ли их снова? Умер Мамонтов, генерал который боролся против Красной армии. Это удар для «белых».

9/22.II.[19]20. Меня охватывает паника. Ситуация очень тяжёлая.

10/23.II.[19]20. Кубанцы говорят, что красные — люди и мы тоже люди. Почему воюем?

14/27.II.[19]20. Пятница. В 14 ч. вышли из станицы Екатериновской и дошли до ст. Михайловской¹. Глава — член Рады (правительства Кубани). Он оптимист, но против России и особенно против царя.

15/28.II.[19]20. Ст. Удимская*, хутор Белый*, хутор Куликовской*, ст. Уманская. Плохо себя чувствую, всё ещё болею. Слышны пушки. Куликова балка*.

26.II. (ст. стиль) 1920. Ст. Крымская, хутор Заморовский.*

23.II. ст. ст. [19]20. Ст. Переславская²

24.II. [1920]. Понедельник. Кловая*, Черноморская³.

25.II. [1920]. Недалеко «зелёные», стреляют по нам.

1/14.III.[19]20.Новая Дмитровская⁴ и, наконец, Екатеринодар. Останавливаемся в здании реального училища. Получаю деньги с Дона, а не добровольческие деньги.

2/15.III.1920. Видел трамваи. Первый раз в жизни обедал в гостинице «Мечта». В городе беспокойно и ожидание.

3/16.III.1920. Смог подстричься (после нескольких месяцев). Встретил друзей Валентина и Шуру Ковалёвых. Встретил дядю Витю, но он куда-то спешил и так и не спросил, что со мной.

4/17.III.[19]20. Восстание в городе. Везде стреляют и убивают. Каким-то чудом спасся — смог перейти реку по мосту, который был под постоянным прицелом тех, кто затеял восстание против белых. (Теперь я тоже «белый» и все мы, кто был эвакуирован только из-за того, что бежим от Гражданской войны!) Рассказывают страшные вещи, что было в Екатеринодаре, когда белый генерал Шкуро устроил кровавые беспорядки.

6/19.III.20. Уже несколько дней не было ни крошки хлеба. Спал в железнодорожной будке.

7/20.III.[1920]. Всё ещё слышны пушки и «машинки». Встретил А. Голшинскую и Нину Маль-

чевскую из Каменской. Это когда-то была моя компания вместе с Зоей Власовой и её братьями Серёжей и Колей. Я на них смотрел с большим уважением и восторгом, так как мне тогда было 13—14 лет, а им уже 16. Они были воспитаны как барышни. На нас смотрели с презрением и говорили, что мы ещё дети. За ними ухаживали поручики.

9/22.III.[1920]. Идёт дождь, холодно и нечего есть уже несколько дней. Дошли до ст. Хабинской⁵. Хозяйка была очень добрая, заплакала, когда нас увидела, что-то говорила по-украински, но я не понял. Ругала тех, по чьей вине дети голодают и оторваны от родителей.

10/23.III.1920. Ст. Абинская

11/24.III.[1920]. Всё ещё стреляют по нам. В 14 часов вошли в Новороссийск.

13/26.III.[19]20. Повсюду брошенные вещи, трупы. Французский военный корабль стреляет по Туннельной. Стараются эвакуировать как можно больше людей. Нам удалось попасть на кораблик «Зоя». Вижу в этом добрый знак — была у меня симпатия по имени Зоя.

14/27.III.[19]20. Мотор стал, плывём под парусами. Болею, ноги не работают, так как были в постоянном холоде. Добрались до Сухуми, это город в свободной Грузии. Не позволили сгрузиться, отправили нас в Батум (он под оккупацией англичан).

21.III. ст. ст. 1920. Прибыли в Батум.

22.III. ст. ст. 1920. Большой праздник. Вербное воскресенье, воскресенье перед Пасхой. На набережной в городе весело. Люди поют и веселятся, а мы несчастные заключённые на корабле, и не знаем, что с нами будет?

23.III. ст. ст. 1920. Нас сгрузили, мы прошли дезинфекцию (какая радость...) Разместили нас в бараках на берегу моря, недалеко от маяка. Итак, наш доно-кубано-черноморский переход завершён.

24.III. ст. ст. 1920. Нам позволили выйти из бараков. Это просто чудо! Как будто и нет войны. Можно платить деньгами, которые выпустило Всевеликое войско Донское. На корабле были вещи, не знаю чьи (книги). Мы их продали, а деньги поделили. Кричал «Ура!». В бараке было полно клопов!!!

25.III. ст. ст. 1920. Мои ноги не действуют, так как были обморожены. Не хожу, а ползаю. Но всё равно счастлив, сижу на берегу, смотрю на море и щёлкаю английские орехи. Получаем ан-

¹ Посёлок Михайловский, Кубанская область.

² Станица Переясловская, Кубанская область.

³ Станица Черноморская, Кубанская область.

⁴ Станица Новодмитровская, Кубанская область.

⁵ Очевидно, имеется в виду станица Абинская, Кубанская область.

глийские продукты для армии. Кажется, что настал конец всем нашим несчастьям. Где-то там идет Гражданская война, а мы здесь живём, как будто её нет. Конечно, задаёмся вопросом: а что дальше?

3.IV.[1920]. Пасха. Все поют, играют, танцуют и пьют водку.

Песня наших времён:

Всё реже слышу укоризну.
Всё тише боль уснувших ран.
По милым грёзам справил тризну.
Смотрю вокруг — вокруг туман!

Души неясные сомненья,
Мечты чарующий обман.
В часы тоски, в часы сомненья
Смотрю вокруг — вокруг туман.

Никто уж больше не тревожит
Мечты тревожащей обман.
И только вы, быть может, сможете
Рассеять тот туман.

Как странно — мы всё потеряли, в том числе и Всевеликое войско Донское, а казаки пели далеко от Дона песню, которая стала гимном памяти о родине.

Всколыхнулся, взволновался
Православный Тихий Дон,
И послушно отозвался
На призыв свободный он.
Зеленеет степь родная,
Золотятся волны нив.
Из простора долетая,
Вольный слышится призыв...

Возвращаясь в детство

Прилагаю свою биографию, в которой приведу ещё некоторые детали.

Официально я родился 13/26.XII.1904 в Каменской (Дон). Между тем, от мамы позднее узнал, что родился я 4/17.XII.1904 в Новочеркасске (Дон), а моя родина — станица Новониколаевская. У казаков были не города, а станицы, не сёла, а хутора.

Помню, что было мне 6 или 7 лет, когда тётя Лёля была в 8-м классе гимназии Мазуренко. У неё была зелёная форма, и она занималась в саду. Должно быть, готовилась к экзамену. А я пробовал читать, ещё только по буквам.

Помню особенную радость, когда каждое лето мы ездили на хутор Атаманский. Возле дома был вишнёвый сад. Как же было красиво, когда он цвёл. Река Глубокая текла до Камен-

ской и там впадала в Донец. Атаманская примерно в 40 км от Каменской. Папа любил печь рыбу, а я постоянно был с ним на реке и тоже пробовал печь рыбу.

Время от времени приезжал Володя. Тогда было весело, так как с ним приезжали его друзья.

Запомнился мне 1910 год. Тогда родилась Маруся (первая) и умер Толстой. Я учился читать по книге, изданной им, и потому спрашивал: «А что теперь? Как буду учиться читать и писать?» В нашем доме была глубокая печаль. Приходили молодые люди, плакали и спрашивали, что будет дальше?

В 1913 году в Атаманской умерла наша королева. Мама плакала и говорила, что это случилось потому, что год 13-й, и ждала других бед. Что и случилось — не прошло и пары месяцев, как умерла от дизентерии сестра Маруся (первая). Приблизительно за год до этого была комета. Все были несчастны, так как верили, что будет большая беда на Земле.

В 1914-м умер папа от рака желудка. Долго болел и лежал на кровати. В последние дни перед смертью, когда его отпустили боли, он встал с кровати, оделся, надел галстук и сидел на террасе и смотрел на закат солнца.

За несколько месяцев до его смерти родилась Маруся (вторая). После смерти папы я переселился к Володе. Володя и Лёля стали заботиться обо мне. Так, например, без Лёли я бы не поступил в первый класс гимназии (1915).

Помню начало мировой войны. Брат разбудил меня ночью, и мы пошли посмотреть сообщение о войне и мобилизации. На улице патриоты организовали манифестацию и пели «Боже царя храни». Между тем, некоторые интеллигенты были против войны и говорили: «Чем хуже, тем лучше», так как тогда царь будет вынужден оставить престол.

В другой холодный день брат снова позвал меня на улицу и мы прочитали, что царь Николай Второй отрёкся от престола и что власть перешла ко Временному правительству. Не могу описать радость на улицах, манифестации, пение «Марсельезы»...

В России начались беспорядки. Восстание Корнилова, Гражданская война, оккупация нашего края немцами, основание казачьего государства Всевеликого войска Донского с голым казаком с саблей на бочке, что символизирует то, что казак может продать всё, потратить все деньги на водку, но никогда не продаст свою саблю. Тогда начали говорить, что новое государство зовётся веселым. Герб поменяли — на оленя.

В то время я выписывал журнал «Вокруг света». И вместе с журналом однажды получил книгу о скаутах. В то время приехала из Ростова одна девочка (забыл её имя), и мы договорились создать скаутскую организацию. Сделали два отряда мальчиков (бойскаутов) и мальчиков (гёрлскаутов) и один внешний в одной частной школе. Мне было тогда 13 лет. Начальником назначили Константина Михайловича Буданова, будущего мужа Лёли. Я был его заместителем. У нас не было настоящего инструктора. Мы купались, пели песни, ходили в походы. Были мы на одном сборе в Новочеркасске. Там я увидел, что значит быть скаутом.

В организации большую роль играл мой друг и сосед Володя Курувив, сын директора почты (главная почта была на Бульварном проспекте), и Катюша Нагольная. Можно сказать, что мы влюбились (теоретически) друг в друга. При эвакуации мы не попрощались, так как и она была неожиданно эвакуирована.

Моими лучшими друзьями были Коля Чукаков, Митя Никольский и Ваня Дьяченко. Все они пропали во время Гражданской войны. Были школьниками, не солдатами. Особенно помню Володю Титова. Он закончил среднюю школу, как и я. Мы долго переписывались. Умер он во Франции, в Лионе в 1935 г. в большой бедности.

Была у меня бабушка Соня. У нее было три сына: Пётр, Борис и Николай. Все погибли на войне. Были офицерами.

Шахтины¹, родственники первой жены отца Евгении, жили недалеко от нас. И пока был жив папа, часто с ними виделись. Они жили достаточно богато до революции.

13/26.12.1919. Я навсегда покинул Каменскую и... никогда не возвратился. Стреляли пушки. Станица переходила из рук Красной армии в руки «зелёных» и ещё какой-то группы с «атаманами»² на лбу. В связи с этим было решено эвакуироваться и двигаться в сторону Новочеркаска, Ростова, а если потребуется, и далее. Дома осталась мама и сестра Маруся.

В Новочеркасске навестил брата Володю. Просил остаться у него. Ветер, холод, голод. Через стрельбу со всех сторон добрался до Новороссийска. Там тоже была стрельба и, благодаря удаче и судьбе, взяли нас на небольшой корабль «Зоя». У него был маленький мотор,

который не работал, но были паруса. Через 15 дней дошли мы до Батума. Им владели англичане. Нас разместили в лагере, в бараках. Кормили нас. Для нас, после длительного голода, мясные консервы были райской едой. В одно пасмурное, холодное и дождливое утро пришли английские моряки и посадили нас на «Елпидифор», на котором мы прибыли в Евпаторию. Там я присоединился к Донскому кадетскому корпусу, поскольку за время эвакуации мы все растерялись. Снова оказался в пятом классе, со своими друзьями.

Была ранняя зима, Врангель потерпел поражение. Нас погрузили на судно «Добыча», и после Царьграда мы отправились в Бакар³, а потом в Стринишче при Птуе⁴. Разместили нас в бараках. В крыше были дыры. Снег падал прямо на кровати, работали мы на кухне, рубили дрова. Но сразу же начались занятия. Вместо школьной доски писали мелом на досках столов. Не было ни бумаги, ни ручек, ни книг. Честь и почёт нашим учителям, они интересно рассказывали. Некоторые из них вели уроки и на пароходе. Вспоминаются мне рассказы учителя истории Абрамова на пароходе в порту Царьграда, который рассказывал об историческом значении этого города и о многих событиях в связи с этим городом, о значении ислама и так далее.

Интересно вспомнить последнюю ночь в Евпатории. В конце октября 1920 г. директор корпуса, генерал-майор Рыковский, сообщил нам об эвакуации. Кадет Ермолов и я были отправлены в городскую управу для получения информации. Прошли ночь и утро, а новостей всё не было. Была неразбериха. Мы вышли из городской управы и пошли к морю. Там увидели наших кадет. Без еды прождали мы до ночи на пристани. Наконец нас погрузили на лодки и повезли к кораблям, но никто не хотел взять нас на борт. Наконец-то, нас взяли на корабль. Там было людей, как сардин в консервной банке. Было очень холодно, и, тем не менее, нас расположили на палубе. Самым страшным была нехватка туалетов. Кое-как была организована еда. Наш моральный дух поддерживал учитель истории Абрамов и наш директор. Как мы выжили на холоде почти без еды — не знаю. Мне кажется, мы чувствовали себя, как под наркозом. Другими словами, без осознания происходившего.

¹ В предыдущей части дневника фамилия записана иначе — Шлахтина.

² Этот объект не удалось идентифицировать.

³ Порт в современной Хорватии.

⁴ Город в современной Словении.

Мои родные

Димитрий Церковников, прадед, во время Екатерины Второй за воинскую доблесть был несколько раз награждён.

Наш дед, Павел Димитриевич Церковников, был храбрым казаком. В галопе на коне с одного удара мог убить волка. Был есаулом, умер на Урале. Папа говорил, что видел своего отца всего несколько раз в жизни, когда тот приезжал с границы на несколько дней домой.

Отец, Тимофей Павлович Церковников, родился, кажется, в 1859 году. В русско-турецкую войну (1778) служил добровольцем. Был на Балканах и в Болгарии. Рассказывал, как его впечатлил туман в долинах — вверху тумана нет, а внизу есть. Рассказывал также, как испытывали молодых офицеров. Бросали в огонь патроны. Те взрывались, а люди кричали: «Турки!»

Отцу очень сильно не повезло. Когда он нёс вахту, убежали политзаключённые. Он оставил службу (должен был) и стал работать учителем. Его первая жена, Евгения, урождённая Шлахтина¹, умерла очень рано от сердечной болезни, около 1900 года. Он женился во второй раз на Софье Долотиной, вероятно в 1902 году. Жил в Новочеркасске, а после моего рождения переселился в станицу Каменскую. У нас был сад и два дома (один крытый соломой, второй — железом) на улице Арсенальной, 21. (позже ул. Нововокзальная).

Помню, что отец был в своё время самых передовых взглядов. Часто критиковал порядок в царской России, положение казаков и их великую ответственность перед Россией. Он был современным человеком. Так, между этими двумя домами была проведена телефонная связь. Во дворе — водопровод. Мечтал провести воду в дом, чтобы туалет был в доме, а не во дворе, как тогда это у нас было. Были у нас конь, корова, птица. С нами жила большая семья (на схеме в т. н. «летней кухне») — муж, жена и пятеро детей — все девочки. Между самой младшей и самой старшей, вероятно, 15 лет разницы. Муж был на государственной службе (дворник), а жена помогала по хозяйству. Отец должен был много работать с утра и до ночи с учениками. Некоторые ученики из провинции жили с нами. Мама их кормила, а папа готовил к экзамену для поступления в первый класс гимназии. Особенно любил музыку, и поэтому у нас был граммофон.

У отца был домик на хуторе Атаманском неподалёку от железнодорожной станции Глубокая, на реке Глубочка (Глубокая — *И. Г.*). Там была только одна комната и кухня. Туда мы ездили каждое лето. Отец жарил рыбу, мы что-то сажали в огороде. Было много вишни.

У отца было слабое здоровье. Он умер в 1914 году от рака желудка. Похоронен на кладбище в Каменской. В то время это было недалеко от центра.

Мама, Софья Ивановна, урождённая Долотина, родилась в 1862 году. Она гордилась своим благородным происхождением. Жизнь её была очень тяжёлой. Пока жив был отец, Софья Ивановна проводила целые дни на кухне, имела несколько учеников на квартире, вела большое хозяйство, работала в саду. Вела жизнь, как и все матери и хорошие жёны, помогая своим мужьям, у которых было недостаточно денег для лучшей жизни. После смерти папы жила на то, что сдавала часть дома и распродала всё, что ещё оставалось в доме. Конечно, тяжелее всего ей пришлось позднее. Она была не пролетарского происхождения, а её сын (то есть я) уехал из Каменской и никогда больше не возвратился (так как гимназия была эвакуирована).

Брат Володя помогал нам до своей женитьбы (1918). После того он переехал в Новочеркасск.

Вот некоторые отрывки из писем моей мамы. Первое письмо я получил 22.10.1920² через Красный Крест.

22.07.1920. она пишет: «Живём очень плохо. Жизнь ужасна. Всё, что имела, пропало. <...>Болела.<...>Не буду описывать болезнь. (Позже узнал, что это была тюрьма). Жалко мне Мусеньку (Муся, Мария — сестра).

3.06.1923. <...>Живём так трудно.

26.08.1923. <...>Учись!

10.11.1923. <...>Учись. Заканчивай университет. Муся (сестра. — *И. Г.*) — первая в школе.

1924. Учись. Не думай тосковать по дому.<...>Продаю на площади хлеб.<...>Мы не голодаем. Как-нибудь проживём — учись.

24.08.1924. Не была дома (в тюрьме. — *И. Г.*). Всё у нас украли. Меня выгнали из дома.<...>Муся написала Владимиру письмо. Он отказался помогать. Был очень холоден.

2.05.[19]25. Холодно. Хочется есть. Нечего обуть или надеть. Живу надеждой, что ты закончишь университет и сможешь нам помогать. У

¹ В другой части дневника фамилия записана иначе — Шахтина.

² Копия того письма включена в воспоминания. «Дорогой Женечка! Я и Муся живы и здоровы. Почему ты не пишешь?».

меня не в порядке печень. Володя (брат. — И. Г.) дал немного денег, и обули Марусю.

25.08.[19]25. Когда же мы будем вместе? Сколько же я пролила горьких слёз и сколько страдала и мучилась... Работаю помощницей по дому. Получаю 3 рубля в месяц. Если мне откажут в этом месте, будет большая беда.

22.12.[19]25. Не писала тебе, не было денег на марки. Работаю помощницей по кухне. Муся болеет. Береги своё здоровье. Мне нечего обувать или надевать. Дома как нищенка. Зима не будет страшной. Ты родился в Новочеркасске.

23.02.[19]26. <...>Праздники провела ужасно. Живём у незнакомых людей.<...>Всё для меня тяжело и чёрно. Нет ничего, кроме самого горя. В доме разбили потолок. Сад уничтожили. Не смей горевать — будь мужчиной! Что зарабатываю, плачу за обучение Маруси.

12.05.[19]26. Не писала тебе, у нас нет ни копейки. Нет сил жить.

8.08.[19]26. <...>Не буду описывать тебе нашу бедность.

30.08.1926. Тяжко начинается работа тех, кто возвращается. <...>У них нет ни куска хлеба. Заканчивай учебу. Инженеры очень востребованы.

9.10.[19]26. <...>Почему ты не писал, что болел? Приезжай. Ты уехал по решению школьного начальства. <...> Очень тяжело работать помощницей по кухне. Хозяева — хорошие люди.

27.12.1926. Отказали в визе для выезда из СССР жене твоего учителя математики.

1927. <...>Болела. <...>Не писала.

1.09.[19]28. <...>Почему не получаешь мои письма? <...>Работаю на производстве мороженого. Получаю 15 рублей. Нужно платить за Мусю, книги и так далее 17 рублей. А где их взять?

7.10.[19]28. Заплатила за учёбу Муси. Я без работы. Не могу послать тебе фотографии, так как нет денег. Не беспокойся обо мне.

30.12.[19]29. Первое письмо от сестры Маруси. Пишет: «Всё так плохо».

30.05.[19]30. Муся пишет: «Мама не может писать».

1930. Нет работы, нет денег.<...>Как платить за учёбу Муси?

1931. Живу как помощница по кухне у хозяев. Поздравляю с законным браком.

14.12.1946. Нет писем до 1946 года. Была так рада получить фотографии. Очень рада за тебя. <...>Работаю у Муси и помогаю ей, чтобы ей было легче.

V.47. <...>Похлопочи о возвращении.

На этом переписка с мамой заканчивается. Маруся пишет, что мама больше не может писать.

18.12.1961. Мама уснула и никогда больше не проснулась. Перед смертью была очень печальная, поскольку чувствовала, что скоро умрёт. Мама умерла на 85-м году жизни. Бедная мама. Тяжело ей пришлось целую жизнь. Тяжелее всего, что мы так и не встретились.

12.I.1962. Когда Маруся начала работать, мама жила с ней и маме было полегче.

Мама похоронена в Харькове. Был на её могиле¹. Не мог поверить, когда прочитал на надгробье: «Здесь покоится Софья Ивановна Церковникова».

Брат Володя родился около 1880 года. Он сын первой жены моего отца, Евгении, урождённой Шлахтиной. Закончил гимназию в Новочеркасске. Учился на техническом факультете в Харькове. За свои политические взгляды был исключён из университета в 1904 году. Продолжил учёбу в Москве на философском факультете, но не закончил из-за своих пристрастий к политике и музыке. В 1914 году, после смерти отца, вернулся в Каменскую и открыл частную школу для детей, которые готовились к вступительным экзаменам в гимназию, а также для взрослых, желавших сдать экзамены на аттестат зрелости. Кроме того, создал среднюю музыкальную школу, где был директором и преподавателем фортепиано и вокала. Он очень хорошо пел, у него был баритон.

В 1919 году женился на Людмиле Николаевне Вележевой, учительнице фортепиано в музыкальной школе.

Володя был самых передовых взглядов. Интеллигент, который боролся за лучшую жизнь бедных и угнетённых, но в равной степени осуждал всякое насилие. Был антимилитаристом. Разделял идеи Л. Толстого. В противостоянии Керенского и Корнилова поддерживал первого. Потом стал сторонником Ленина. В его квартире² всегда собиралась интеллигенция. Первый раз именно там я услышал о Марксе. Он был человеком своего времени.

В 1919 году его арестовали белые за пропаганду против них; должны были расстрелять, но каким-то образом ему удалось спастись, и он переехал в Новочеркасск. Там преподавал русский и историю, а его жена давала уроки форте-

¹ Во время научной поездки в СССР в 1964 году Евгений Тимофеевич навестил сестру в Харькове и побывал на могиле матери.

² Согласно плану в воспоминаниях — на Донецком проспекте, напротив женской гимназии.

пиано. Последний раз мы виделись 22.XII.1919, когда я проходил через Новочеркасск.

После смерти папы, до своей женитьбы, заботился обо мне (вероятно, и о маме и Марусе), платил за гимназию и музыкальную школу (уроки скрипки). Он часто гулял со мной, и я многому научился от него, а главным образом слушал высоких интеллектуалов, так как его квартира была центром интеллигентного общества. Я ему благодарен за своё музыкальное образование и за то, что он привил мне любовь к музыке. Я был в кругу образованнейших людей (Виноградов, музыканты, философы).

Больше всего мне жаль, что мы с ним не переписывались. Он никогда мне не писал и никогда не отвечал на мои письма. Вероятно, он боялся переписываться со мной, так как я жил за границей. То было время Сталина.

Умер Володя в 1952 году в Новочеркасске.

Сестра Маруся (Мария I) родилась в 1910 году, когда умер Л. Толстой. Умерла в 1913 году. Похоронена в Каменской. Позже папу похоронили в нескольких метрах от Маруси. Папа написал на её надгробье слова Христа: «Пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне...». Отец был очень верующим человеком.

Помню, был май. Бабушка позвала меня в сад. Что-то мне говорила. Маруся умерла от дизентерии. В то время не было лекарства. Тогда мы купили свечи, пошли в дом и положили их на мёртвое тело Маруси. Какова жизнь! В 1943 году я разрабатывал сульфогуанидин¹! Несколько таблеток — и Маруся была бы жива.

Ни мама, ни папа не могли забыть умершую сестру Марусю.

Маруся (Мария II) родилась 13/26 февраля 1914 года, незадолго до смерти папы.

Пишу в 1961 году. В последний раз видел Марусю с мамой 15.XII.1919 перед уходом из Каменской. Из писем мамы я знал, что она отлично училась в школе, окончила частную гимназию Мазуренко (эту же гимназию окончила и Оля-Лёля). Мама приложила много усилий, чтобы Маруся закончила школу. Мама писала, что Марусе было 12 лет и как было тяжело с ней, главным образом, не было денег на учёбу. Она получила образование геодезиста. В 1930-х годах работала в группе по ликвидации безграмотности.

Мне посчастливилось в 1964 году попасть в Харьков. Познакомился с семьёй Маруси. Жи-

вут, по нашим меркам, в очень тяжёлых условиях. Нет ни канализации, ни воды. Пара километров до остановки трамвая.

Маруся была у меня. Как мне было жалко. В СССР нет некоторых основных вещей. Маруся бы скупила весь Загреб. Купили подарки для неё и её семьи.

Ольга Ивановна Долотина (Оля, Лёля), в замужестве Буданова, сестра моей мамы, родилась в 1893 году. Окончила частную гимназию Мазуренко в Каменской. (Гимназистки носили зелёную форму и белые фартуки, в государственных гимназиях — коричневую форму и белые фартуки.) После того уехала в Москву и училась на Высших педагогических курсах. Жила в одной квартире вместе с моим братом Володей, который тогда тоже был студентом. Закончила курсы сестёр милосердия и некоторое время работала в лазарете. До 1919 года преподавала в частной школе моего брата в Каменской. В 1919-м она вышла замуж за Михаила Константиновича Буданова и уехала с мужем в Болгарию. Там она была директором русской гимназии², а потом они переехали в Париж.

Работала в русском ресторане «Садко» на 76, rue de Javel. Во время войны ей приходилось очень тяжело. Работала в прачечной.

После войны устроилась поваром в ресторан русских шофёров. Работала на кухне вместе со своим мужем и его братом Михаилом.

Рассталась с мужем и вышла замуж за Александра Пилипенко. Жила на 113 б rue St. Charles. У неё было слабое здоровье. Лёля была необычайно доброй женщиной. Всем помогала и ни от кого ничего не ждала. Была очень передовых взглядов и последовательницей Толстого.

Лёля была мне второй матерью. Она заболела обо мне. По разговорам знаю, что когда я был очень болен и папа уже заказал гроб для меня, приехала Лёля и спасла мне жизнь. Согласно нашим приметам, я должен жить долго, так как мне уже купили гроб.

Она была образованной женщиной. К сожалению, судьба забросила её в Париж, где ей буквально пришлось выживать. Начала посудомойкой в ресторане, а закончила шефом кухни. Первый и второй муж Лёли были хорошими людьми, но не интеллектуалами в полном смысле этого слова.

¹ Противомикробное лекарственное средство бактериостатического действия из группы сульфаниламидов. Используется для лечения кишечных инфекций, включая бактериальную дизентерию.

² Подтверждения этой информации не удалось найти.

Тёте я обязан многим. Не только тем, что после смерти папы она вместе с Володей помогала мне и заботилась обо мне во время моей учёбы в кадетском корпусе (в Югославии — *И. Г.*), но тем, что в 1930 году пригласила меня в Париж, дала деньги, и я смог начать работать под руководством профессора Московского университета Алексея Евгеньевича Чичибабина.

Позже устроила так, что в Париж смогла приехать и моя жена Наташа. К сожалению, я не был силён и поддался настроению Наташи и мы вернулись через год в Югославию. Не могу себе того простить, так как Лёле жилось очень тяжело, она часто болела, и было бы лучше, если бы мы были с ней вместе.

Ещё был жив отец моей первой жены Наташи, и мы звали Лёлю к нам. Но она так любила своего мужа Александра, а он не хотел уезжать из Парижа.

Лёля умерла для меня неожиданно¹. Я начал хлопотать, чтобы она приехала к нам, потому что у меня были связи с клиниками и врачами. Надеялся, что и сам смогу ей помочь...

Такова судьба! Лёля была идеальной женщиной. Она жертвовала собой для других, всем доверяла. Умерла она в больнице для бедных.

Её второй муж, Александр Пиленко, очень её любил. Когда я его посетил в 1968 году, увидел, что он превратил квартиру в памятник Лёле. Он говорил, что когда сидит в комнате, ему кажется, что Лёля зовет его из кухни, как раньше: «Саша, чай готов». Хотел поскорее умереть, чтобы на том свете встретиться с Лёлей.

Он был очень отзывчивым человеком. Был офицером, случайно оказался эвакуированным, стал шофёром. Однажды, не по своей вине, сбил человека. Суд его оправдал. Но он стал необычайно религиозен. Постоянно молился. Говорил, что Бог послал ему Лёлю, которая, как и он, жила для других. В последнее время Александр работал ночным сторожем, и получал маленькую пенсию.

В Югославии

Когда мы ехали на поезде из Бакра через Загреб, в нас кидали камни и кричали: «белобандиты»².

В 1922 году корпус перевели в Билече³. Нас разместили в здании бывшей австро-венгерской военной единицы. Наконец-то мы могли начать нормально заниматься, так как получили бумагу, ручки и книги. Я работал в переплётной мастерской, а также служил ктитором в церкви — продавал свечи и заботился о чистоте.

Во время летних каникул при переходе из 7 в 8 класс месяц работал в саду и получил 225 динаров.

Мой друг Лысенко (кадет того же класса, но он жил с родителями) предложил мне поехать в Игало⁴. Там можно было за небольшие деньги (5 динаров в день) жить в доме Красного Креста. Можно было загорать. Было там и русское общество. Я познакомился с русской семьёй. Муж был врачом, умер, а мать — медсестрой. Было у неё три дочери: Люба (самая старшая, замужем), Мила 16-ти лет и Лида 14-ти. Провёл я, как в раю, две недели. Мы ходили купаться, пели песни, пили чай. Было весело, и мы были очень молоды. Конечно, мы все были влюблены (теоретически). Когда я вернулся в Билече, мы писали друг другу, но они вскоре повыходили замуж, и связь прервалась. До сих пор у меня есть фотография Милы.

В корпусе кадеты организовали казачье общество — курень. В нём наиболее активную роль играли кадет Беломеснов (погиб во время бомбардировки Белграда с женой в 1941 году) и Борис Кундрюцков⁵, очень талантливый, писал романы и стихи о казаках. (Умер в Белграде, совершил самоубийство, так как у него был рак.) Это общество хотело сохранить старые казачьи традиции. Пели песни Кундрюцкого.

Про казачество, про волю,
про Кубань и Дон
Мы теперь сердечной болью
Песню пропоём.

¹ В воспоминания включена копия некролога, а также письма Евгению Тимофеевичу от Александра Пилипенко. Ольга Ивановна Буданова скончалась 10 декабря 1963 года. Похоронена на кладбище в г. Шелль.

² Аналогичные воспоминания, бывшего юнкера Крымского кадетского корпуса М. Каратеева, приводит в своей книге «Крым — Галлиполи — Балканы» Н. Карпов (М., Русский путь. 2002. С. 121): «...на столичном вокзале в Загребе эшелоны с Крымским кадетским корпусом встретила толпа людей, выкрикивающих проклятия в адрес белогвардейцев. „Вы всю жизнь пили русскую народную кровь, — скандировали они, — а теперь приехали пить хорватскую“. По его словам, подобные случаи были и в Словении. В то время там были сильные прокоммунистические настроения».

³ Город в современной Боснии и Герцеговине.

⁴ Город в современной Черногории.

⁵ В работе А. Б. Арсеньева «Казачи в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (Югославия)» в перечне казачьих периодических изданий в Югославии под номер 6 числится: «Единство. Официоз белградской общеказачьей студенческой станицы в ведении Правления и литературной коллегии. Ред.-изд. Б. А. Кундрюцков и Н. Ф. Букин. Белград, 2 июня 1931 г. № 1 (единственный)». (*Арсеньев А.* Казачи в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (Югославия) // Берега : информ.-аналит. сб. о рус. зарубежье. Вып. 7. СПб., 2007. С. 15).

Слева направо: в верхнем ряду стоят Е. Т. Церковников и Виталий Рыбкин; в первом ряду сидят Николай Павлович (групп В. Рыбкина), Наталья Мурза, А. Я. Мурза, Е. С. Мурза, Екатерина Мурза, в замужестве Рыбкина. 1927 г.

Взрослая жизнь

В 1924 году закончил я корпус и получил аттестат. И что теперь? Куда? Мы получили деньги на билет до Белграда и ещё несколько динаров на два-три дня проживания. Ехали мы в поезде в Белград. Однажды один из нас, Шура Котов, говорит: «Ребята, сейчас будет Рума¹. Там живёт мой брат, он работает в гимназии учителем. Давайте, выйдем! Вы подождёте на вокзале, а я схожу к брату и спрошу, может ли он нам помочь». Так и сделали.

Сидели мы на траве возле вокзала и ждали час, два, три... Наконец прибежал Шура. Он кричал: «Ребята, ура! Идёмте к брату, он нас покормит, а с завтрашнего дня будем работать на железной дороге».

Это был наш самый счастливый день!

Сначала мы работали в Руме, а затем в Батайнице². Получали 25, потом 40 динаров в день. На питание тратили немного, только пару динаров

в день, и мало спали. Работали на ремонте железной дороги до октября и на съэкономленные деньги поехали в Загреб. Как сейчас помню, мы были очарованы Зриньевцем³, трамваями. Шли мы в зелёной форме, не зная ни слова по-хорватски, в студенческий дом, который был на Кунишчаке⁴ в бывшей военной австро-венгерской тюрьме.

Сначала я поступил на геодезический факультет. Не было у меня чертёжных приборов. Один однокурсник мне помог. С огромным трудом начертил своё первое задание. Но... пришёл однажды утром и увидел, что часть чертежа съела мышь! Я был в отчаянии. Познакомился со студентом Яворовским, который был лет на десять старше меня и уже на четвёртом курсе. Он вник в мою ситуацию и записал меня на химико-инженерное отделение. Также помогал мне деньгами и в учёбе.

На курсе было несколько русских: Васильев⁵, Наградский⁶, один инвалид (без руки), Наталия

¹ Город в современной Сербии.

² Пригород Белграда.

³ Площадь в Загребе.

⁴ Улица в Загребе, довольно удалённая от центра.

⁵ Васильев Павел Александрович (9.07.1903, Хабаровск – 18.08.1975, Риска), инженер-химик.

⁶ Наградский Георгий (ок. 1905, Славянск – 5.06.1938, Загреб), инженер-химик, секретарь Союза русских студентов в Загребе.

Венчание Е. Церковникова и Н. Мурза. 1928 г.

Мурза¹ и я. Я сразу же влюбился в Наташу. Мы вместе занимались. Она жила в матерью² и старшей сестрой Екатериной³ в маленькой комнатке. Отец Александр Мурза⁴ был военным врачом в Сараеве.

Во время первых летних каникул я получил возможность пройти практику в лаборатории Второй армейской области в Сараеве (с помощью отца Наташи). Экономил деньги и, в конце концов, смог купить себе туфли, пальто и шляпу (это была до сих пор недостижимая мечта!).

В 1926 году я стал демонстратором профессора Франьо Ханамана⁵ (Институт неорганической технологии и металлургии, пл. Марулича, 20). Зарплата 400 динаров — это для меня целое богатство. Кроме того, был статистом в театре. За спектакль получали мы 25 динаров, а за репетиции 15. Разносил газеты и так далее. В июне 1927 года сдал первый госэкзамен, стал кандидатом в инженеры. С какой гордостью я подписы-

вался с. ing. (с. — сокращение для кандидата. — И. Г.). С помощью протекции проф. Ханамана получил место заводского химика на сахарной фабрике в Осиеке⁶. Первый раз в жизни имел меблированную квартиру и 2 400 динаров зарплаты. Обед стоил 10 дин. Таким образом, я не тратил в день больше двадцати динаров. Я много занимался — готовился к экзамену — и нигде не ходил. Первый раз в жизни съел чевапчичи и выпил 200 г. красного вина! Заплатил за меня мой шеф инженер Антич.

В 1928 году мы с Наташей поженились в Блини⁷. Венчал нас отец Александр Волковский⁸ (в воспоминаниях ошибка — Василий Волконский. — И. Г.), русский священник. Он нам предоставил и жильё в Блини. Сразу после свадьбы я уехал во второй раз как заводской химик в Осиек вместе с Наташей. Она тоже получила там место практикантки.

В июне 1929 года я закончил университет, а в октябре и Наташа. Настали тяжкие времена. Не

¹ Мурза Наталья Александровна, в замужестве Церковникова (1.12.1903, Екатеринбург — 30.03.1982, Загреб), инженер-химик, ретушёр.

² Мурза Елизавета Семёновна, урожд. Медведева (1864, Ялутаровск Тобольской губ. — 28.12.1940, Бая Лука), акушерка.

³ Мурза Екатерина Александровна, в замужестве Рыбкина (24.12.1901, Екатеринбург — 17.01.1995, Загреб), врач.

⁴ Мурза Александр Яковлевич (25.08.1861, Кишинёв — 2.12.1935, Загреб), врач.

⁵ Франьо (Ференц) Ханаман (1878, Дреновци — 1941, Загреб), известный хорватский химик и металлург.

⁶ Город в Хорватии

⁷ Деревня в центральной части Хорватии.

⁸ Волковский Александр Константинович, 1868 — не ранее 1944, священник (с 1903), служил в Самаре, протоиерей (с 1909); с июля 1932 г. — приходской священник Сербской православной церкви в Блини, с июля 1942 г. — священник Хорватской православной церкви в монастыре Хопово (нынешняя Сербия). Расстрелян в конце Второй мировой войны. Место и точная дата смерти неизвестны. Был любим русскими прихожанами в Загребе. Часто выступал в загребском Русском детском доме. Регулярно летом принимал в своём доме в Блини детей из малообеспеченных русских семей. (Požar P. Hrvatska pravoslavna crkva u prošlosti i budućnosti. Zagreb, 1996. S. 242, 248, 255).

мог найти место инженера. Продавал бензин, был ночным сторожем на Тушканце¹, чиновником у Халуца — производство печатей на ул. Влашкой. Наташа начала обрабатывать фотографии (свадебные, у русского фотографа Орехова).

От тётки Лёли из Парижа получил деньги и приглашение приехать и начать новую жизнь там. В это время там проходила международная ярмарка, и можно было поехать туда со скидкой. К тому времени я получил гражданство Югославии. В Париж из СССР приехал академик профессор Московского университета Алексей Евгеньевич Чичибабин². Он искал молодого химика, который знал русский язык. Я начал работать у него в лаборатории в Hôtel Dieu³ осенью 1931 года. Получал 500 франков. Профессор привил мне любовь к органической химии. Я также научился от него многому в связи с научной работой и жизнью.

1932 год встречал с тяжёлым сердцем (в ресторане «Садко» на rue de Javel, 76). Не успел ещё освоиться, не имел разрешения на работу и

потому не мог нигде официально работать. Потихоньку учил французский язык.

Примерно в феврале Наташа выразила желание приехать ко мне (она оставалась в Югославии. — И. Г.). Наташа увеличивала свадебные снимки и сразу же нашла работу, хорошо зарабатывала. Мы с нею обошли и посмотрели всё, что нужно увидеть в Париже, и почти каждый день ходили на какие-нибудь мероприятия.

Между тем Наташа хотела, чтобы мы вернулись в Загреб. Она была беременна и хотела родить в Загребе. Все мне говорили, а особенно проф. Чичибабин, что я должен остаться в Париже и получить докторскую степень. Между тем мы уехали в Загреб.

Нас приняла сестра Наташи, Екатерина, в замужестве Рыбкина. Начались ужасно тяжёлые времена. Не было возможности найти какое-нибудь место вообще. Наташа обрабатывала фотографии. Я был ночным сторожем, а днём работал бесплатно в Институте неорганической технологии и металлургии у проф. Крайчиновича. Кроме того, с мужем сестры Наташи Ви-

Старый новый год 1927 года. Е. Церковников первый слева. Рядом с ним Наталья Мурза.

¹ Район Загреба.

² В Париж Чичибабин приехал в 1930 г. Там он в течение двух лет работал в фармацевтической лаборатории профессора М. Тиффано в Hôtel-Dieu. Затем руководил исследовательской лабораторией одного из крупнейших химических концернов Etablissements Kuhlmann, был ведущим консультантом известной международной фармацевтической компании Schering и американской компании Roosevelt & Co. С 1931 г. преподавал в Коллеж де Франс. Отказался вернуться в СССР. Был лишён звания действительного члена Академии наук СССР и советского гражданства. (URL: <https://ru.wikipedia.org>)

³ Самый старый госпиталь Парижа.

Слева направо: В. Рыбкин, Н. Павлович, А. Я. Мурза, Е. Церковников. 1927 г.

талием¹ мы пробовали работать с фотоплёнкой. Это получилось. Но нужно было оборудование, которое стоило несколько сот тысяч динаров. Денег не нашлось.

Наташа родила мёртвого ребенка. Такова судьба...

Из Сараева вернулся отец Наташи и тётя Аня (сестра Елизаветы Семёновны, жившая с ним в Сараеве — И. Г.). Отец получил небольшую пенсию, так как работал на основе гонораров и не был гражданином Югославии. Мы все вместе сняли дом на улице Шкрлчева. Внизу жили мы с отцом и тётей Аней, а на втором этаже Рыбкины (Ромеры) и мама Наташи.

В 1935 году я перешёл волонтером к Владимиру Прелогу, который стал доцентом органической химии (после проф. Марека). У меня было две публикации с проф. Крайчиновичем, но я потерял всякую надежду на докторантуру (он не хотел). Сначала я не получал никакой оплаты, а позже ассистентом был назначен инженер Тринастич, который получал 1000 динаров, а мне отдавал лишь 100. Я не мог стать ассистентом, так как была такая ситуация в Загребе — как русский я не мог сделать карьеру.

Работал заводским химиком на сахарной фабрике в Осиеке. Один год и Наташа работала заводским химиком. Я как заводской инженер получал 3 000 дин., Наташа как химик 24 000. Кроме того, мы имели бесплатно удобную двухкомнатную квартиру и прислугу. Это дало мне возможность спокойно закончить докторантуру.

20.03.1935 родилась Нина². Перед этим я начал готовить докторскую диссертацию у Прелога.

Работал в Институте органической химии (пл. Марича, 20) с 7 утра до 20 вечера, а часто и ночью. В июне 1938 года защитил диссертацию и стал доктором технических наук. Не всё прошло хорошо. Не хотели меня допустить к защите докторской диссертации, так как в то время в Бановине Хорватии³ для людей, родившихся за её пределами, не было мест. Благодаря проф. Ханаману и Прелогу стал доктором наук, но должен был сразу же уйти из университета и стал научным сотрудником фармацевтической фабрики «Каштел» (сейчас «Плива») в Загребе. Руководил ею проф. Прелог.

У Прелога я работал с 4.03.1935 до конца июля 1938 года.

¹ Рыбкин (Ромер-Рыбкин) Виталий Макарович (5.05.1897, Ейск — 26.09.1973, Загреб), инженер-машиностроитель.

² Церковникова Нина Евгеньевна (20.03.1935, Загреб — 16.04.2010, Загреб), инженер-химик.

³ Бановина — административно-территориальная единица в Королевстве сербов, хорватов и словенцев/ (Королевство Югославия) в 1929–1941 годах.

В декабре 1935 года умер Александр Яковлевич Мурза, отец Наташи. Я его очень любил, так как он был человеком широких взглядов и доброжелательным.

В 1935 году был первый успех — публикация с Крайчиновичем, а потом с Прелогом. В памяти всегда слова Чичибабина: «У научного сотрудника нет личной жизни. Научная работа — это личная жизнь научного сотрудника». Научную жизнь нужно любить, а это значит, что нужно жертвовать, а на жертву ни в коем случае нельзя смотреть как на жертву, но как на радость.

В ноябре 1937-го тяжело заболел. Ишиас. Не мог поворачиваться. Это случилось, когда я работал на сахарной фабрике. Работал в котельной. С одной стороны, от печи шёл жар, а с другой — сквозняк. Прелог мне говорил: «Не теряйте терпения. Продолжайте свою докторскую». Что я и делал. Лежал в жару. Никакие лекарства не помогали. Через несколько месяцев смог встать с кровати и сразу же пошёл в лабораторию. Движение и движение, был совет врача. Было очень тяжело и больно, но я всё равно ходил и ходил, и то с палкой. Но я это пережил, и началась нормальная работа.

Между тем Наташа начала работать у Прелога над элементарным анализом. Прелог был ею доволен. К сожалению, Наташа не хотела работать химиком ни на сахарной фабрике, ни у Прелога. Она не одобряла моё желание получить докторскую степень. Это была одна из причин, почему мы расстались. Она хотела, чтобы в духе христианства, мы были очень скромны и не выпячивались. Наташа была очень верующей, как и её мать, Елизавета Семёновна. Между тем моё желание получить докторскую степень не было связано с какими-то особенными амбициями. Это была борьба за выживание человека, который родился не в Югославии и не был связан ни с какой политической партией.

Работал у Прелога с утра и до ночи, но, к сожалению, Прелог был холоден со мной в отличие от некоторых других коллег.

Я работал над проблемой малярии.

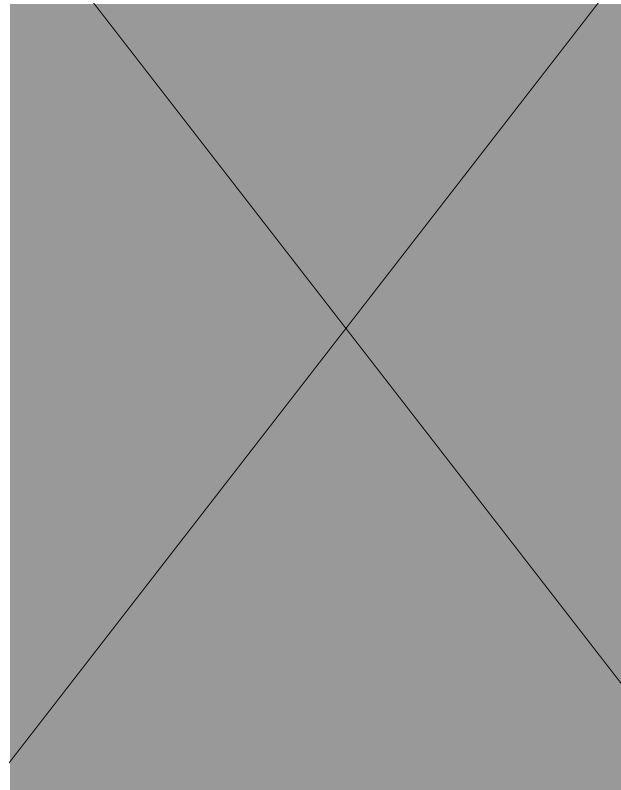
Война

В 1939 году началась война между Германией и Францией. Мы нашли прекрасную квартиру (ул. Даничичева, 27, второй этаж направо): две комнаты, комната для помощницы по кухне и две террасы.

24 декабря 1940 года умерла мама Наташи в Бانيا Луке¹. Тётя (Аня — И. Г.) жила с нами.

27 марта 1941 года наместник Павел (князь)² подписал вступление в Тройственный союз. Восстание в Белграде, принц Пётр³ стал королём, но 7 апреля бомбардировка Белграда, а 10.04 немцы вошли в Загреб и Павелич⁴ с усташами захватил власть. Образовалось НГХ.

Подвергаются гонениям православные и евреи. Директором «Каштела» стал д-р Банич, который не был усташа, но член НСС⁵. Он нам всем

Слева направо: В. Рыбкин, Н. Церковникова, Е. Церковников и Нина Церковникова. 1943 г.

¹ Бانيا Лука — город в современной Боснии и Герцеговине.

² Князь Павел Карагеоргиевич (1893, Санкт-Петербург — 1976, Париж), регент Югославии с 9 октября 1934 по 27 марта 1941 г., в период малолетства короля Петра II. Сын князя Арсена Карагеоргиевича, генерал-майора Русской императорской армии, и Авроры Демидовой, старшей дочери промышленника Павла Павловича Демидова.

³ Пётр II Карагеоргиевич (1923, Белград — 1970, США), старший из троих сыновей короля Александра I Карагеоргиевича и королевы Марии, урождённой принцессы румынской. С 9 октября 1934 по 17 апреля 1941 года номинально являлся королём Югославии. Фактически же до его совершеннолетия страной правил его дядя, принц-регент Павел Карагеоргиевич.

⁴ Анте Павелич (1889, Босния и Герцеговина/ Австро-Венгрия — 1959, Мадрид), основатель и лидер фашистской организации усташей, в 1941–1945 годах — глава («поглавник») Независимого государства Хорватия (НГХ), основанного в апреле 1941 года при военной и политической поддержке стран «оси».

⁵ НСС — Хорватская крестьянская партия

Слева направо: Е. Церковников, Н. Церковникова, В. Рыбкин и Нина Церковникова. 1943 г.

гарантировал свободу, только при условии, что мы не будем заниматься политикой.

От фабрики получали мы продукты, уголь и даже кофе. Я частным образом работал в парфюмерном магазине и за свою работу получал продукты.

Уже третий раз в жизни видел сон, что мама очень печально смотрит на меня. На следующее утро была бомбардировка, но мы остались живы. (После первого сна был взрыв в «Каштеле», а во второй раз — большой пожар органических растворителей в «Каштеле»).

В июне Нина перешла в третий класс средней школы. Её как православную не приняли в хорватскую среднюю школу.

Июль. Падение Муссолини. Начало конца войны в пользу союзников.

Август. Умер болгарский царь Борис. Таким образом, всё развивается хуже и хуже для Германии.

Синтезировал новую производную деформацию. Отравился. Весь опух, одним глазом не видел. Позже всё вернулось в норму, но хуже всего было то, что врачи не знали, как помочь.

Сентябрь. Италия капитулировала. Теперь всем ясно, что фашисты проиграли войну. Надо выжить и дожить до лучших времён.

С утра и до сумерек воеет сирена. Мы уже привыкли к бомбардировкам. Самолёты летят на Венгрию и там сбрасывают бомбы. На обратном пути тут и там сбрасывают оставшиеся бомбы на Загреб.

Мы получили известие, что инженер Сюзанна Хайнбах, еврейка, ценная сотрудница Прелога была убита около Црквеницы. Она была трудолюбивая и умная, милая, интеллигентная и пользовалась особенной симпатией у Прелога, да и у всех нас. Мы работали вместе.

Январь 1944 года. Запрещено выходить из дома. Органы безопасности проводят обыски. Как собаки напали на мои печатные работы, которые были в красных папках, но они были опубликованы в немецких научных журналах. Много арестов и расстрелов. Вой сирены без конца и без края. На наше счастье самолёты летят бомбить другие объекты, а не Загреб.

5 мая. Нина начала учить французский язык.

6 июня. Вторжение союзников в Европу.

15 ноября. Витя (Виталий Рыбкин — И.Г.) и его дочь Таня приехали из Баня Луки и поселились у нас. Витя познакомил нас со своей коллегой Боженой Робиц, которая тоже бежала из Баня Луки.

Наш знакомый Саша Тарасов тяжело ранен. Божена была его симпатией. Я с нею навестил его в больницу на Ребро¹.

Октябрь, 7-е. Бои около Белграда.

Из Загреба бегут усташы и их помощники. Читаем о новом оружии — «летающей бомбе». Мобилизация. К счастью, я православный и поэтому не подпадаю под закон о мобилизации. «Каштел» работает по ночам.

Канун Нового 1945 года. Общая депрессия. Никто ничего не знает. Все ждём.

1945 год. Всё говорит о продвижении и победе Красной армии. Немцы бегут.

Апрель. Обыски, аресты и расстрелы.

1 мая бомбардировка Загреба.

7 мая. Кончено. Смерть Гитлера. Совершил самоубийство. Капитуляция Германии.

8 мая в 11 часов в Загреб вошли войска Югославской армии. Перед тем три дня не было никакой власти. Народная оборона, которая была организована ещё во время Югославии как защита от авианалётов, выполняла функции власти. Я с другими инженерами и работниками был в «Каштеле». У нас была одна пушка, которую мы держали наготове. К счастью, никто на нас не покушался и не пробовал ограбить, так как боялись отравления ядами. Сразу же начали разрушать бункеры и приводить в порядок дворы и цеха. Никак не признали тот факт, что я был начальником группы рабочих «Каштела» в то время, когда три дня не было никакой власти в Загребе. Настоящего начальника вообще не было на фабрике, вероятно, был дома, но я был не в такой ситуации, чтобы бороться за свои права.

...Замена денег. 1000 кун = семь динаров.

Получили из Баня Луки новость, что Виталий тяжело болен и близок к смерти. Сначала был арестован и его хотели расстрелять. В маленьких местах русским было очень тяжело. В Загребе у меня всё обошлось.

Новая жизнь

Эта глава моей жизни самая тяжкая. Мой первый брак (с Натальей Мурза. — *И. Г.*) случился по молодости. Мы любили друг друга, но не обращали внимание, что совершенно разные люди. Мы, как иностранцы, должны были

бороться, чтобы жить и выживать. Я не хотел навсегда остаться русским, которому из сожаления подают кусок хлеба. Моя первая жена, Наташа, была противоположного мнения. Мы отдалялись друг от друга.

Заметил я в лаборатории (на медицинском факультете в Риеке — *И. Г.*), что одна наша демонстратор работает там с утра до вечера. Однажды позвали меня ассистенты на какое-то празднество. Эта демонстратор сдала фармацевтическую химию на «отлично». Спрашиваю её: «А когда вы учитесь?» Она отвечает: «В сутках 24 часа». Попросила меня о научном сотрудничестве. Пригласил её в Институт химии медицинского факультета. Сказал ей, что любая научная работа начинается с изучения литературы. Это было начало... Разница между нами была почти двадцать лет. Она меня подкупила усердием и умом, а также знанием языков и воспитанностью.

Мы поженились². Конечно, для общественности был шок. В университете признавали любовниц, а не официальных жён. Она усердно работала и получила докторскую степень.

Её амбиции и усердие огромны. Итак, окончила фармацевтический факультет, доктор наук и заканчивает медицинский факультет. Кроме того, прошла несколько курсов: судовая медицина, английский, итальянский и шведский языки и так далее.

С 31.07.1966 до 24.09.1966 Маргит была судовым врачом на корабле Клек «Юголиний», а я был там химиком. Брал образцы масла.

Давно-давно, когда я начал писать свою биографию, хотелось мне искренне признать свои ошибки, чтобы это послужило предостережением моим внукам. Может быть было бы неплохо рассказать о людях, которые сыграли положительную роль в моей жизни. Хотел бы описать и мою дочь Нину, и её семью, а также сестру Наташи Катюшу и её мужа Виталия и других близких людей, но для этого требуется концентрация. Попробую это в конце моей биографии³.

Публикация И. И. Грубмайр

¹ Больница в Загребе.

² Вторая супруга Е.Т. Церковникова – Маргит, урожд. Рилл (1922 – Риека, 2009).

³ Евгений Тимофеевич этого не сделал. Данный абзац так и остался последним в его воспоминаниях.

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

Н. А. КАЗАРОВА

ВОСПОМИНАНИЯ О РОСТОВЕ ПРОФЕССОРА ЛАДЫЖЕНСКОГО

Жизнь и деятельность профессора международного права Александра Михайловича Ладыженского была тесно связана с Ростовом-на-Дону. Здесь он провёл детство и юность, затем, в годы учебы на юридическом факультете Московского университета, приезжал к родителям на каникулы. В годы Гражданской войны с женой и дочерью вернулся в Ростов, где жил и работал до своего ареста в 1931 году.

В 1960-е годы А. М. Ладыженский написал воспоминания, многие страницы которых связаны с Ростовом-на-Дону.

Публикуемый отрывок из рукописи А. М. Ладыженского «Воспоминания и размышления» [1] относится ко времени его ареста и следствия по делу о контрреволюционной деятельности Северо-Кавказского краевого общества истории, археологии и этнографии, в котором он на момент ареста был председателем. А. М. Ладыженский был арестован 28 февраля 1931 года и выслан из Ростова в Сталинград 8 сентября того же года, сроком на три года [2].

О том, что в этом обществе состоять небезопасно, его члены почувствовали уже к 1929 году, когда началось наступление на краеведческие организации с последующим их разгромом. Мемуарист так описал обстановку, сложившуюся в Обществе: «Жизнь всё больше развивала взаимное недоверие. Ряд лиц стал подчеркивать свою лояльность, просоветские настроения, всё хвалить. Другие сделались молчаливыми. И в конце концов общество распалось, что не помешало ГПУ через два года после его ликвидации арестовать всех членов его правления и предъявить нам обвинения в антисоветской деятельности, слушании антисоветских анекдотов, которые тогда были везде очень распространены, привозились из Москвы, и, говорят, сочинялись Радеком. Никакой целенаправленной агитации конечно не было. Имелось только стремление к остроумию и занятости».

После закрытия в 1924 году юридического факультета Северо-Кавказского университета, где А. М. Ладыженский преподавал международное право, он вёл довольно замкнутый образ

жизни и обязанности председателя Северо-Кавказского общества истории, археологии и этнографии выполнял формально, редко посещая его заседания. Занимался изданием в Обществе политкаторжан воспоминаний покойного дяди, шлисельбуржца М. Р. Попова [3], и своего отца [4], врача, избитого до полусмерти казаками на баррикадах на Темернике в 1905 году. Замкнутому образу жизни способствовали и личные обстоятельства — трагическая смерть его тётки по материнской линии, персональной пенсионерки А. Р. Поповой [5], а затем и смерть матери Н. Р. Поповой-Ладыженской [6] после продолжительной мучительной болезни. Следует отметить, также и то обстоятельство, что А. М. Ладыженский, как и его предшественник на посту председателя общества профессор И. П. Козловский [7], был противником расширения состава общества, выхода его деятельно-

Нина Акоповна Казарова, доктор исторических наук, профессор, г. Ростов-на-Дону. Продолжение. Начало см.: Донской временник. Год 2019-й. Вып. 27. Ростов н/Д., 2018. С. 88–94; Вып. 28. Ростов н/Д., 2019. С. 144–151; Вып. 29. Ростов н/Д., 2020. С. 62–67.

сти за пределы академической работы, полагая, что это приведёт к снижению научного уровня и авторитета Общества. Не имея возможности противостоять этой тенденции, он фактически передал руководство секретарю Общества Б. В. Лунину [8].

Публикуемый ниже сюжет из воспоминаний А. М. Ладыженского позволяет представить повседневную жизнь и быт находящихся под следствием заключённых.

А. М. ЛАДЫЖЕНСКИЙ

АРЕСТ И СЛЕДСТВИЕ

Меньше, чем через год как мы её (мать А. М. Ладыженского Надежду Родионовну. — *Н. К.*) похоронили, я был арестован и выслан, а нашу квартиру захватил следователь ГПУ Комаров. В значительной степени мой арест был вызван желанием пожить в нашем действительно очень хорошим жильём. Наступило время, когда говорить было страшно, а молчать бедственно.

Осенью 1930 года арестовали бывшего секретаря нашего бывшего археологического общества Бориса Владимировича Лунина. Мы недоумевали за что. Прошло несколько дней и у всех бывших членов правления этого общества произвели довольно поверхностные обыски. У меня с любопытством рассматривали квартиру, которая явно понравилась, и гравюры на стенах. Бумагами почти не интересовались. Никого не арестовали, ничего не изъяли. Со всех бывших членов правления взяли подписку о невыезде. Сказали, что вызовут для допросов. Стало ясно, что фабрикуется дело археологического общества, что над нами занесли меч неправосудия. Но прошло более месяца, а нас не беспокоили. Или хотели проследить, будем ли мы что-то предпринимать, или вообще не спешили «работать». Но в один из ненастных дней следующего месяца я получил повестку явиться к 10 часам утра в ГПУ (ул. Энгельса, 33) к следователю Терновской. Никакого допроса не производили, а обыскали и прямо отправили в камеру.

Она помещалась в полуподвальном этаже и была очень переполнена. Сидело в ней 22 человека, а размером она была не более 60 метров, причём довольно низкая. Ошеломлённый всем произошедшим, я не сразу рассмотрел её. От дыхания и от курения заключённых в ней волнами ходили водяные пары, смешанные с дымом, который мутным ручьём тек в большую, всегда открытую форточку. У самого входа я заметил

Автор воспоминаний даёт яркую зарисовку тюремной камеры, колоритные портреты сокамерников, описывает их настроения и поведение следователей.

Рукопись воспоминаний Александра Михайловича Ладыженского хранится в отделе рукописей Российской государственной библиотеки [1].

огромную металлическую парашу с двумя ручками по бокам.

Когда засов на дверях закрыли, и послышалось пение запираемого замка, меня обступили заключённые. Это были очень разношёрстные люди. У самой параша на нарах помещался крестьянин. За что его арестовали, никому, в т. ч. и тем, кто его задержал, и ему самому не было известно. Несмотря на тесноту, никто не хотел занимать место рядом с ним, т. к. у него были вши. Когда кто-то сказал, что у крестьянина блохи, он обиделся: «Что я собака, что ли, что у меня блохи? У меня вши».

На некотором расстоянии от зловонного, но незлобивого мужика помещался какой-то восточный человек, обвиняемый будто он в контрреволюционных целях собирал разменную серебряную монету, которую у него нашли в изрядном количестве. Собирал он серебро, во-первых, потому что оно представляло собой более прочную ценность, чем бумажные «червонные» рубли, которые банковский агент давно уже не обменивал на золото, а до латунной разменной монеты тогда ещё не додумались.

Дальше шла группа инженеров, техников и рабочих нефтянников, обвиняемых во вредительстве, т. к. нефти добывалось меньше запланированного. Они яростно утверждали, что при тогдашнем оборудовании невозможно выполнить план добычи нефти.

За нефтянниками шли: юрист из Новочеркасска, анекдотист, обвиняемый по ст. 59 УК (ошибка в тексте; следует читать — ст. 58 УК. — *Н. К.*) в контрреволюционной пропаганде, железнодорожник, назначенный начальником камеры. Тюремное начальство обещало ему скорое освобождение, если в камере будет порядок, как он сам мне сказал. Это был открытый агент ГПУ. Но в камере был и тайный согляд

тай — «наседка» — бывший белый офицер. Вскоре он был выпущен, разыскал мою жену и говорил ей от моего имени, будто я сознался в своей вине.

На нарах у стены, противоположной той, где были двери, разместилась интеллигенция. Старый, умирающий от рака лёгких сенатор цивилист, по фамилии Никитин [9], не эвакуировавшийся с белыми. Это был очень воспитанный и мягкий человек, прекрасный знаток гражданского права. Единственная его вина заключалась в том, что он служил в гражданском кассационном департаменте правительствующего сената, т. е. рассматривал кассационные жалобы по крупным имущественным спорам. Он таял на глазах. Заставить человека с большими лёгкими дышать смесью паров, кишечных газов и табачного дыма значило очень ускорить его неизбежную смерть.

Начальник камеры (железнодорожник) возмущался, что сенатор не моет полы и не выносит нечистоты. Это за больного охотно делали другие. На нары около этой «интеллигентской» стенки попал и я. Так как у меня с собой не было абсолютно никаких вещей, ни подушки, ни одежды, ни полотенца, ни мыла, ни зубной щетки, ни самой необходимой посуды мне было бы очень плохо, если бы не помогли товарищи. На моё счастье в камере оказался муж моей студентки Елены Алексеевны Соколовой, он же отец второй моей студентки Любви Владимировны Соколовой — неоднократно сидевший в тюрьмах меньшевик-кооператор Владимир Михайлович Соколов. Он поместил меня рядом с собой и поделился со мной самым необходимым до получения передач, которые бывали раз в неделю по воскресеньям.

Среди интеллигенции был и один очень запуганный старый чиновник, который боялся, что нас всех расстреляют, и просивший, когда настала весна и появились мухи, их не бить, т. к. хлопанье газетой по мухам напоминает выстрелы.

Дальше у правой стены от двери разместились «золотая группа». Это были по преимуществу армяне и евреи, из которых выжимали кольца, броши и прочие ювелирные изделия с драгоценными камнями, которые они не хотели отдавать. Помню горе одного из них, когда возвратившись от следователя, он в отчаянии сказал: «Мне показали мои вещи». Я не сразу понял, в чём дело. Оказывается, драгоценности этого человека нашли и ему показали. Вскоре его вызвали «с вещами». Не знаю, освободили или сослали.

За «золотым фондом» были очень разные люди, многих из которых я забыл. Сохранился

в памяти один трамвайный диспетчер и мелкий эстрадный актёр, без конца рассказывающий похабные истории, чем чрезвычайно возмущался Никитин. Но многие слушали о его любовных приключениях с интересом. Эти темы всем доступны и безопасны.

Распорядок дня был обычный, тюремный. Подъём очень ранний, в 6 утра. Дневальные подметали, а иногда и мыли камеру. Потом строились вдоль своих нар, и надзиратель производил переключку. После этого вели на прогулку, в уборную и умываться. Строились парами, соответственно занимаемым местам на нарах.

Передний конвоир командовал: «Давай бери парашу, давай пошли». Отправлялись во внутренний двор ГПУ. Шествие замыкал задний конвоир. Так как на всю прогулку давалось полчаса, то в уборной торопили тех, кто засиживался. В здание тюрьмы опять вели парами. Новые стражники, сменявшие в это время тех, кто закончил своё дежурство рапортовали: «Товарищ начальник. Пост охраны врагов народа принял (имярек)». Когда я при допросе заявил, что поскольку мы подследственные, а не осуждённые, нас нельзя называть врагами народа, — следователь показал рукой в окно на улицу Энгельса, по которой обычно шло много людей и сказал: «Подследственные вон все, кто там ходит. А раз к нам попали, значит уже виновные».

Иногда прогулка затягивалась. Это значило, что в камере производят обыск, отбирают самодельные ножи из консервных банок, а также все, что по мнению гепоушников (так в тексте. — Н. К.) компрометирует заключённых.

Иногда со двора, где мы гуляли, выезжал «чёрный ворон» — грузовая машина с железным верхом, окрашенная в чёрный цвет. В ней возили арестованных. Когда открывались ворота, на короткое время были видны «вольные» люди, шедшие по тротуару. Но смотреть через ворота на волю не полагалось, и они быстро запирались. Во дворе иногда лежал ящик из оцинкованного железа. Говорили, что в нём увозили трупы расстрелянных.

Вернувшись с прогулки, арестованные ходили парами вокруг камеры — маршировали — это заменяло гимнастику. Затем дневальные приносили кипяток и казан с кашей, которую староста половником разливал по мискам. Кормили три раза в день, но очень скудно. Почти все получали передачи с воли и делились с голодными.

Раз в две недели водили в баню и изредка к парикмахеру.

На допросы вызывали каждого очень редко и почти всегда от 11 вечера до 3-х ночи. Днём

играли в самодельные шахматы, читали газеты, которые можно было покупать через надзирателей, дремали и «трепались», т. е. беседовали. Радио тогда ещё не было. После обеда, т. е. «щей с чёрным хлебом» и изредка небольшими кусочками требухи, спали, т. к. ночью до 4-х было не до сна, звенели замки в камерах, вызывали к следователям. Каждый волновался, не его ли? Тогда подследственных ещё не пытали и не избивали, но лишали права получать передачи, а наиболее упорных, т. е. таких, которые не хотели давать показаний, сочинённых следователем, сажали в тёмный карцер.

После ареста меня не вызывали на допрос более двух недель. «Моим» следователем был не Комаров, который захватил мою квартиру, а «беспристрастное» другое лицо — Терновская. Как полагается, началось с анкетных вопросов об имени, отчестве, фамилии, возрасте, семейном положении, образовательном цензе, местожительстве и т. д.

Затем Терновская стала меня поучать, как я должен себя вести: «Вы всецело в наших руках. Никакие защитники здесь не помогут. Мы не суд, а политуправление. На закон мы смотрим вот как — и она растопырила пальцы. Поэтому, лучше всего давать чистосердечные показания и тем доказать, что вы готовы исправиться и стать человеком».

Затем она потребовала, чтобы я написал, с кем я встречался и дал каждому из них характеристику, особенно в отношении политической лояльности. Я перечислил своих близких родственников и знакомых, о встречах с которыми было всем известно. Никакой антиправительственной деятельности ни у кого из них я не заметил, все они относятся к советской власти лояльно.

Прочитав эти показания, следователь сказала: «Вот уже видно, что вы хотите меня дезориентировать. Нам известно, что вы очень дружны с профессором Лебедевым [10], а о нём не упомянули. Конечно потому, что он арестован».

Я возразил, что А. Ф. Лебедев три года как уехал из Ростова и я его это время не встречал. А о том, что он арестован, не знаю. Но вы мне задаёте вопросы не по тому обвинению, по которому меня привлекаете. Ведь полагается, прежде всего, объявить, в чём меня подозревают.

Терновская ответила, что меня привлекают по ст. 59 п.п. 10 и 11 — участие в контрреволюционной организации и за антисоветскую пропаганду (ошибка в тексте; автор привлекался по ст. 58 УК. — Н. К.), а в какой организации и какую вы вели пропаганду, вам известно лучше меня.

Затем она предложила мне папиросу. Я не курю и от папиросы отказался. Но отказался бы, если бы и курил. Задымив, Терновская сказала мне, что, впрочем, и без моих показаний всё известно, и что остальные члены контрреволюционной организации, именованной археологическим обществом, уже признались. На мой вопрос, кто и в чём признался, она ответила: «Это уже наше дело. Я вижу, что вы не хотите давать откровенные показания, поэтому вам придется ещё посидеть и подумать. Может быть надумаете, тогда сообщите».

После этого меня не вызывали всю зиму, хотя по закону следствие должно кончаться в течение двух месяцев и только в особо сложных делах может с разрешения прокурора длиться дольше.

Наконец меня опять вызвали, был разговор об анекдотах, опять выразили неудовольствие, что я за данное мне время не одумался. Это было уже весной.

В коридоре, где конвоир оставил меня ждать вызова к следователю неожиданно ко мне стремительно подошла Елизавета Александровна Лебедева [11] с восклицанием: «Вы что здесь делаете?»

Она приехала в Ростов хлопотать об Александре Фёдоровиче и не знала о моём аресте. Объяснив, в чём дело, я попросил её зайти к нам и передать, как идёт (или не идёт) следствие и сказать, что в шубе, которую я возвращаю, т. к. уже тепло, я зашью письмо. Чтобы я знал о его получении, пусть в передаче пришлют головку чесноку.

Обо всем этом я пишу, чтобы показать, что наряду со всеми строгостями (даже через ворота нельзя смотреть на волю) может произойти случайная встреча и совершенно бесконтрольная беседа с человеком с воли. В ГПУ, как и во всех до и послереволюционных русских учреждениях было и конечно есть очень много бестолочи и беспорядка.

Шуба с моей запиской благополучно дошла по назначению. В дни передач отправлялось заключёнными очень много грязного белья и верхней одежды. Просматривались они надзирателями, по-моему, в основном с точки зрения нельзя ли чем поживиться. Так, когда я неожиданно для себя не был выпущен из ГПУ, когда меня вызвали повесткой якобы на допрос, на мне была хорошая верхняя рубашка с отцовскими золотыми запонками. Я их всегда носил, как память об отце. Они стоили не более золотой десятки, но тогда это была значительная сумма. Поэтому какой-то гепоушник их тайком от других вынул из грязной рубахи и присвоил.

Вскоре после второго допроса меня сфотографировали. Опытные заключённые объяснили, что значит дело закончено. Об этом я догадывался, прочитав в «Молоте» объявление жены о распродаже мебели, причём адрес она указывала не наш, а мамы Сони [12]. Значит квартиру захватили, и она переселилась к тёткам. Имущество ей Комаров милостиво отдал за исключением люстры в прихожей и красивых рам для гравюр. Почему-то именно эти вещи очень понравились следователю, выбросившему мою семью на улицу.

В конце 1930-х годов следователи нередко захватывали всё имущество репрессированных. Так, когда в 1938 году арестовали мужа Матрёны Михайловны Поляковой, дочери того очень своеобразного купца, о котором я писал выше [13], то вывезли по описи все вещи репрессированного. Но, когда в 1958 году он был реабилитирован, в деле не оказалось описи вещей. Поэтому за отобранное имущество Матрёна Михайловна ничего не получила, а для неё «компенсация за конфискацию» была очень нужна, т. к. пенсию ей за невинно загубленного мужа назначили всего в 22 рубля, или по тогдашнему счёту 220 рублей в месяц.

В конце мая (ошибка автора; он был освобождён в конце августа. — *Н. К.*) меня неожиданно вызвали с вещами. Трудно было догадаться переводят ли из ГПУ в тюрьму для пересылки по этапу в лагерь, или освобождают, или дают вольную высылку. Поскольку конвоир повёл меня не во двор, значит, меня не повезут на «чёрном вороне» в тюрьму. Поскольку мы прошли мимо дверей в комендатуру — значит, меня не освобождают. Привели меня в канцелярию. Там я получил под расписку постановление Особого совещания почти месячной давности о том, что по решению «тройки» меня высылают на три года в какой-либо из «нережимных» (т. е. не областных) городов и не промышленных центров, и не близких к границе населённых пунктов. Сообщить, куда я намерен ехать, нужно было в трёхдневный срок, а выехать в пятидневный.

Одетый не по сезону (все в Ростове ходили уже по-летнему в белом), я с узлом вещей дошёл до угла, где нашёл извозчика и поехал на Крепостной к маме Соне. Мои родные уже знали к чему меня приговорили. Им за несколько дней сообщил об этом адвокат Поркшеян [14], который узнал через прокурора.

Оказывается, в Ростове хотели меня посадить на три года в лагерь. Но благодаря вмешательству Емельяна Ярославского [15],

которого просила Генриетта Николаевна Добрускина-Михайлова [16], лагерь мне заменили вольной высылкой.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. РГБ. НИОР. Ф. 743. Картон 16. Д. 6. Л. 524 — 533.
2. Архив УФСБ России по Ростовской области. Д, П.-41135. Л. 417.
3. Попов Михаил Родионович (1851 — 1909), революционер-земледелец, участник революционного движения на юге России в 1870-х годах.
4. Ладыженский Михаил Абрамович (1860 — 1922), доктор медицины Дерптского университета, участник революционного движения, отец А. М. Ладыженского.
5. Попова Анна Родионовна, сестра М. Р. Попова, тётя А. М. Ладыженского по материнской линии.
6. Ладыженская Надежда Родионовна, доктор медицины Бернского университета, сестра М. Р. Попова, мать А. М. Ладыженского.
7. Козловский Иван Павлович (1869 — 1942), профессор русской истории, председатель Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии в 1925 — 1926 годах.
8. Лунин Борис Владимирович (1906 — 2001), советский историк, историограф, источниковед.
9. Никитин Алексей Максимович (1876 — 1939), российский адвокат и политический деятель.
10. Лебедев Александр Фёдорович (1882 — 1936), профессор. Основатель физики почв в России, его работы по гидрологии почв относятся к классике науки.
11. Лебедева Елизавета Александровна, жена А. Ф. Лебедева.
12. Попова Софья Родионовна (1873 — 1952), крёстная мать А. М. Ладыженского, родная сестра его матери.
13. Поляков Михаил Андреевич, двоюродный дядя А. М. Ладыженского по материнской линии.
14. Поркшеян Христофор Акимович (1886 — 1970), адвокат, публицист, краевед.
15. Ярославский Емельян Михайлович (1878 — 1943), советский партийный и государственный деятель.
16. Добрускина-Михайлова Генриетта Николаевна (1862 — 1945), участница революционного движения, жена народника Адриана Фёдоровича Михайлова (1853 — 1929).

ПОСЕЛЕНИЯ

СОХРАНИМ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЦЕНТР РОСТОВА!

А. Ф. ВОЛОШИНОВА

ПЕРВОМАЙСКИЙ ПАРК В ЗЕРКАЛЕ ГОРОДСКОГО БЫТИЯ

Начало биографии

История ростовского парка имени 1 мая неотделима от освоения городом территории бывшей крепости Св. Дмитрия Ростовского. В 1845 году был составлен план крепостной территории с разбивкой на городские кварталы [1], но реально её стали осваивать после окончания Крымской войны, с 1856 года. Это связано с открытием в городе летнего Коммерческого клуба.

Краевед М. Б. Краснянский упоминает, что основание Коммерческого клуба относится к 1860 году [2]. По сведениям других старожилов (А. Зимин, А. Чардаров) правление клуба высказывало намерение иметь помимо наёмного помещения на углу Большой Садовой и Таганрогского проспекта в доме купца Мирошниченко свой клуб в саду в одном из кварталов у Нахичеванской межи. Но документально подтвердить это, к настоящему времени, не удаётся. Достоверно то, что в середине 1880-х годов Городская управа отдала в пользование Коммерческому клубу часть городского сада [3].

Тогда же после прокладки Ростово-Нахичеванского шоссе активно застраиваются кварталы восточной окраины у Нахичеванской межи. Крайний из них, у Большой Садовой улицы, отводится для комплекса городской больницы. На противоположной стороне появляются строения с садом Чарахчианца, впоследствии перестроенные в клуб-кафе «Марс» (он же «Палермо») с гостиницей.

А будущий квартал сада с начала 1890-х находится во владении В. И. Асмолова, предприимчивого владельца табачной фабрики, который устраивает здесь циклодром для велосипедистов. Он также периодически предоставляет место для шапито с цирковыми аттракционами, о чём свидетельствует объявление 1895 года в газете «Приазовский край»:

«В воскресенье 18 июня с. г. на вновь устроенном циклодроме по Б. Садовой улице в имени

В. И. Асмолова, против сага «Палермо», назначаются в 5 час дня ГОНКА. Велосипедисты Ростова и Нахичевани, а также иногородние приглашаются в воскресенье, 18 числа с. м. в 12 часов дня, на циклодром, где будет отслужено молебствие. Желющие состязаться благоволят обращаться в магазин Леона, под гостиницей «Гранг-отель» до 6 час. или с 8 часов на циклодроме» [4].

В таком качестве квартал используется до середины 1900-х, о чём свидетельствует ещё одно объявление 1902 года в той же газете:

«Циклодром В. И. Асмолова. Большая Саговая против «Палермо». Общество велосипедистов-туристов 2, 3, 4 июня 1902 г. трёхдневная борьба и велосипедные гонки.

Завтра 3 июня решительная швейцарская борьба между известным русским запорожским казаком борцом г. Подгубным и г. Ангерсоном. Премия 100 руб. с каждой стороны. 4 июня – тоже» [5].

Но, вероятно, ни гонки на циклодроме, ни использование квартала для размещения циркового шапито, не принесли владельцу ожидаемого дохода. И в 1906 году газета сообщает, что, *«23 октября в 8 час. вечера общее собрание членов Коммерческого клуба, кроме выбора трёх директоров и трёх кандидатов, будет обсуждать предложение о покупке у В. И. Асмолова места на Большой Саговой улице» [6].*

Дело о покупке затянулось, и ещё в середине 1907 года на территории бывшего циклодрома проходили цирковые гастролы. Скорее всего, покупка квартала состоялась в конце года. В этом смысле интересна информация из журнала «Зодчий», издававшегося в Санкт-Петербурге. Здесь опубликованы итоги конкурса на проект здания Коммерческого клуба в Ростове-на-Дону, который проводило Императорское Санкт-Петербургское общество архитекторов. Тогда, первую премию за проект под девизом «Венок» получили студенты института гражданских инженеров А. Самойлович и П. Нахман; вторую –

Любовь Феоктистовна Волошинова, архитектор, краевед, г. Ростов-на-Дону. Сообщение на Седьмых Коршиковских чтениях 16 сентября 2021 г. под названием: «Первомайский парк Ростова: проблемы сохранения исторического наследия»

за проект под девизом «Тайна» — архитектор М. М. Перегятович; третью — за проект под девизом «Заря» — архитектор М. С. Ляевич, четвёртую — за проект под девизом «Три карты» — архитектор А. Б. Минкус. Проект, рекомендованный к применению, разработал художник архитектуры А. Ф. Нидермейер [7].

Весной 1909 года правление Коммерческого клуба приступило к обустройству приобретённой территории. Началось всё с приглашения к торгам подрядчиков, которым предлагалось выполнить постройки на территории бывшего циклодрома, в т. ч. « а) *каменного полукруглого здания, б) музыкальной эстрады, в) бетонного глоретта, с таким же бассейном, общей стоимостью до 100 000 руб.*» [8].

В терминах садово-паркового искусства глоретта (глоретта — с франц. «беседка») — храм славы; небольшое парковое сооружение в форме открытого круглого колонного павильона. Обычно располагается на возвышенности или замыкает перспективу аллеи.

Сооружение мемориального павильона, впоследствии названного ротонда, предполагалось к 1911 году, к 150-летию основания крепости Св. Дмитрия Ростовского.

Закладка здания летнего Коммерческого клуба состоялась 7 июня 1909 года [9]. Строительство было ускорено неожиданными обстоятельствами. 27 июля 1909 года в городском саду на участке арендуемом Коммерческим клубом случился пожар, в результате чего сгорели деревянные павильоны [10], в которых в апреле проходила 4-я выставка Общества садоводства. После ликвидации последствий пожара правление клуба оставило участок в городском саду и все усилия направило на строительство в квартале бывшего циклодрома.

По сведениям А. П. Зимина возведение здания клуба велось по проекту архитектора Г. Гелата. Он же впоследствии весной 1913 года принимал участие в проектировании интерьеров зимнего Коммерческого клуба на Таганрогском проспекте [11]. Новый проект клуба был привязан к реальному участку строительства. Он был сложной конфигурации: с цокольным этажом, с многоскатными крышами над его разноэтажными объёмами. Основу композиции здания составлял блок двух обширных протяжённых залов (двухсветного и односветного), расположенных по оси север-юг. Парадный вход обращён к Большой Садовой улице, а само здание

ограничивало территорию сада с запада. По сведениям А. М. Ильина, историка начала XX века, незадолго до начала строительства клуба на его месте были скрыты остатки земляных валов Дмитриевской крепости [12].

Фасады клуба оштукатурили и оформили с использованием стилизованных классицистических деталей в стиле модерн. Облик восточного садового фасада определял ряд больших проёмов в залах клуба, обращённых к перспективе главной садовой аллеи. Односветный пониженный зал имел центральный парадный вход по высокому крыльцу с распашной лестницей. Его крышу ограждали тумбы парапета с решётками ограждения и аттик над входом.

Фасад по Большой Садовой ассиметричен и сформирован ризалитами с треугольными фронтонами, наиболее широкий, пониженный — выделяет вход. Лаконичный лепной декор фасадов был представлен широкими орнаментированными фризами ризалитов, лепными венками с лентами под их проёмами, акротериями фронтонов и карнизов, навершиями тумб парапета кровли (большая часть лепного декора ныне утрачена).

Клуб выстроили менее чем за год. 7 мая 1910 года газета «Приазовский край» сообщала:

«Вчера состоялось торжественное освящение нового летнего помещения ростовского Коммерческого клуба. В 12 час. дня в большом клубном зале был отслужен молебен, на котором присутствовали: г. градоначальник И. Н. Зворыкин, начальник порта контр-адмирал А. К. Дриженко, полковник Б. П. Вельден, городские головы Е. Н. Хмельницкий и М. И. Балабанов, управляющий местной конторой государственного банка И. Ф. Чернявский и др. почётные гости...» [13].

Одновременно со зданием клуба на высоком цокольном этаже возвели ротонду в виде шестиколонной беседки с куполом, парадным фасадом, обращённым к главной аллее. С широкой видовой площадки полукруглые лестничные марши спускались в сад. По обе стороны ротонды стояли перголы¹ на столбах (ныне утрачены). Высокий цокольный ярус ротонды включал помещения по обслуживанию фонтана, примыкающего к ней. Центр цокольного яруса выделен центральным арочным входом, боковые участки — узкими экседрами². Видовую площадку и лестничные марши ограждали изящные балюстрады, тумбы которых украшали лепные вазы.

¹ Пергола — в садово-парковом искусстве — навес первоначально из вьющихся растений для защиты прохода или террасы от палящего солнца

² Экседра — полукруглая глубокая ниша, обычно завершаемая полукуполом. А также полукруглый в плане выступ, примыкающий к основному объёму здания и открытый в его интерьер.

Купол ротонды венчал двуглавый венценосный орёл — символ российского государства. Оформление сооружения в неоклассическом стиле лучшим образом соответствовало сохранению памяти о крепости Св. Дмитрия Ростовского, валы которой располагались поблизости от мемориального сооружения.

Последние археологические исследования на территории парка имени 1 мая в 2020 году [14] подтвердили существование подземных галерей, проложенных под фонтаном для его обслуживания. Обследование иных предполагаемых подземных сооружений на территории парка не выполнялось. Возникло предположение о сооружении части цокольного кирпичного яруса в основании ротонды ещё в 1890-е годы. Эти гипотезы требуют новых археологических изысканий.

Фонтан, сооруженный в 1910 году, органично был вписан в конфигурацию цокольного яруса ротонды. Его чашу ограждал невысокий бетонный фигурный парапет. Две лепные фигуры дельфинов и три скульптурные группы из дикого камня подчёркивали изящество лепного убранства ротонды. Строителем ротонды и фонтана был гражданский инженер Валентин Артурович Туловский [15; 16].

К востоку от клуба у северной границы парка возвели летнюю крытую эстраду с партером. Фасад эстрады оформляла большая высокая арка, фланкированная пилонами с декоративными навершиями. Нарядность арке придавал фриз, украшенный гирляндами, карниз с акротериями, декоративные башенки над крайними лопатками; в замке арки — женская маска.

Главным композиционным акцентом парка стала центральная диагонально расположенная широкая парадная аллея. Основу её составили протяжённые газоны с клумбами по торцам, скорее всего вписанные в изначальный овал цирклдрома. На газонах размещались ковровые цветочные композиции. Клумбы, примыкающие к ним, включали кадочные растения, выращенные в оранжерее, которая размещалась у северной границы сада, за зданием клуба. В ходе завершения строительства по обе стороны газонов высадили два ряда лип, которые стали деревьями-долгожителями города.

В 1911 году по красной линии застройки Большой Садовой была устроена садовая ограда с полукруглым курдонёром перед главным входом с улицы. Он представлял собой высокие фигурные столбы центральных ворот, увенчанные вазонами и боковые калитки с пониженными столбами, завершёнными шарами на

тумбах. Ажурные кованые створки ворот и калиток создавали впечатление торжественной нарядности парадного входа. От них в обе стороны продолжалась ограда. Её основу составляли оштукатуренные столбы, (аналогичные калиткам), объединённые невысокими стенками, на которых размещались ажурные кованые решётки с навершиями в виде крылатых посохов Гермеса над большими волютами. Решётки ворот и ограды представляли собой высокохудожественный образец кузнечного искусства, один из лучших в Ростове тех лет.

По северной границе сада возвели глухую кирпичную ограду. К ней примыкал протяжённый деревянный навес на фигурных стойках. В центре и по краям его украшали треугольные ажурные фронтоны. Впоследствии часть навеса переоборудовали в шахматный павильон и бильярдную.

После установки ограды вдоль Большой Садовой улицы, между ней и проезжей частью высадили три ряда лип. От главного входа вела поперечная аллея к северной стороне сада, диагональная — к ротонде, другая аллея — параллельная ограде по Большой Садовой. Главная и вспомогательная аллеи имели тырсовое покрытие.

Строители (на ступенях) и члены Коммерческого клуба (на площадке) ротонды. Третий слева В. А. Туловский. Фото из семейного архива В. А. Дигенко. Публикуется впервые

*Ротонда в саду летнего Коммерческого клуба. Ростов, 1912 г.
Фото из коллекции Ростовского областного музея краеведения (ОФ-11016/55)*

*Общий вид сада летнего Коммерческого клуба. 1913 г.
Фото из коллекции Ростовского областного музея краеведения (ОФ-11016/58).*

*Вид летнего сада Коммерческого клуба со стороны Большой Садовой.
Фото из коллекции Ростовского областного музея краеведения (ОФ 11016-57)*

тие. Липовые деревья, насаженные вдоль аллей, обрамлялись невысоким сетчатым ограждением на фигурных металлических стойках. Аллеи имели электрическое освещение. Вдоль них установили садовые скамьи. Такие же скамьи составляли обширный партер возле крытой эстрады.

Активная культурная жизнь в летнем саду клуба началась уже в 1911 году. Особенно востребованной оказалась летняя эстрада, где проходили выступления оркестров, хоров и певцов.

В залах Клуба также сменяли друг друга танцевальные балы, маскарады, благотворительные, пасхальные и рождественские вечера. Проходила здесь одна из выставок Ростово-Нахичеванского общества изящных искусств. О ней сообщал «Приазовский край»:

«10 октября 1913 года открылась первая выставка картин, организованная нахичеванским литературно-художественным кружком в летнем помещении Коммерческого клуба. На выставке подавляющее количество работ местных художников (Ростов, Нахичевань и Новочеркасск. Две вещи И. Айвазовского, три — Н. Дубовского и одна Киселева).<...> Участвовали А. Арцатбаниян, Абашев, С. Агаджанян, А. Черчопов, Карибов, Добриловский и др.» [17].

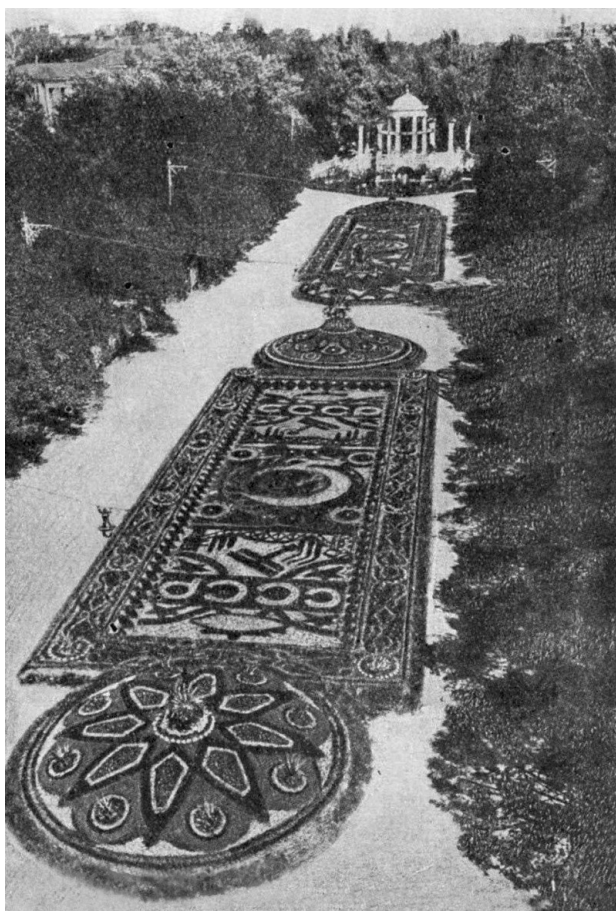
Между мировыми войнами

Жизнь здания изменилась с началом Первой мировой войны. Как и в других клубах Ростова и Нахичевани, здесь был устроен лазарет на 300 кроватей [18].

Но сад летнего Коммерческого клуба оставался местом отдыха и проведения различных благотворительных вечеров. Гастроли проходили на летней эстраде. Так, в мае-июне 1915 года состоялись семь симфонических концертов оркестра под управлением дирижёра музыкальной драмы Павлова-Арбенина с участием пианиста Миндлина, виолончелиста Могилевского, скрипача Полякова, выпускников Петербургской консерватории. Концерты собирали многочисленную публику, отзывы публиковались в местной прессе [19].

С середины 1918 года на летней эстраде состоялись благотворительные выступления в пользу раненых и вечных воинов. В аллеях сада стали снимать первые русские киноленты.

В начале 1920-х сад Коммерческого клуба переименовали в Первомайский. Тогда же демонтировали малое изваяние двуглавого орла на куполе ротонды и изображение крылатого посоха Гермеса с решёток ограды по Большой Садовой.

Газоны и клумбы с цветочными орнаментами. Конец 1950-х гг.
Фото из коллекции автора

В последующие годы сохранялась традиция цветочных садовых партеров на базе существующей оранжереи. Пример мастерства садовых рабочих мы видим на фотоснимке главной аллеи 1934 года, выполненном с крыши клуба. На ней представлены газоны и клумбы, включающие изысканные геометрические узоры, а в центральной части газонов советскую символику и надписи.

Здания клуба использовалось по первоначальному назначению, менялись только его названия. В годы НЭПа — «Деловой клуб», впоследствии — Клуб коммунальщиков (Клуб трамвайщиков), недолго — Клуб ГПУ.

В 1928 году это уже был единый городской клуб и сад, где объединившиеся пять союзов — «коммунальщики, металлисты, совработники, медсантруд, местран — ежедневно показывают самодеятельность клубных кружков. Хор сменяется струнным оркестром, грамкружок уступает место куплетистам-эстрадникам. Злободневные частушки заканчиваются русским танцем» [20]. Здесь можно получить сегодняшний номер газеты, посмотреть два-три десятка

журналов, сыграть с товарищами на бильярде, в шахматы, в шашки. Есть здесь баскетбольная площадка и небольшой тир, а также бассейн, где резвится бойкая рыба мелюзга [20].

В этом же году в Клубе коммунальщиков состоялась дискуссия о «Тихом Доне», в которой принял участие Михаил Шолохов [21].

В залах клуба проходили совещания, съезды, конференции профсоюзов. На одной из фотографий на крыльце и парадной лестнице садового фасада клуба запечатлены делегатки Северо-Кавказского краевого съезда крестьянок и казачек, проходившего 15–18 мая 1930 года в Ростове (см. фото на с. 47).

Но проходит шесть лет и большая часть здания уже используется в качестве спортзалов техникума физической культуры.

В предвоенные годы открытая площадка перед летней эстрадой, где продолжали выступать симфонические и духовые оркестры, была преобразована в крытый летний зал.

Великая Отечественная война поощадила главное богатство сада — его липовую аллею. Во время бомбардировок города уцелела ротонда и здание клуба, а подземная галерея под фонтаном служила мирным жителям укрытием во время бомбардировок.

Трудные послевоенные — мирные семидесятые

Возрождение мирной жизни сада началось с мая 1943 года. На летней эстраде выступала группа Ростовского театра миниатюр.

В начале 1950-х здание бывшего клуба передали Дому физической культуры. С 31 октября 1952 года в его залах проходили соревнования тяжелоатлетов спортивного общества «Динамо». Тогда же входы со стороны парка были заложены, крыльца с лестницами разобраны, выполнена частичная перепланировка здания для его нового использования.

В 1950–1960-е годы парк переживает обновление. Изменяется состав его древесных пород: появились ели, тополя, клёны, ивы, каштаны, берёзы. Территория парка расширилась: в него вошёл соседний Клинический сквер, отделённый пешеходным проходом Нахичеванского переулка. Этот сквер был разбит между Николаевской городской больницей и Большой Садовой улицей в 1892 году. Он насаживался лиственными породами деревьев, имел продольную и поперечную аллею, ведущую от улицы к воротам больницы.

В ноябре 1941 года после первого освобождения Ростова на территории Клинического сквера в братской могиле захоронили 257 воинов

Северо-Кавказский Крепвой С'езд Крестьянок и Казачек
Ростов н/Д. 15-18 / 5/1930 г.

Северо-Кавказский крепвой съезд крестьянок и казачек. Ростов н/Д, 15-18 мая 1930 г.
Фото из коллекции Ростовского областного музея краеведения (КП — 5994)

56 армии и Ростовского полка народного ополчения, погибших при обороне и освобождении города. На могиле к 1949 году установили памятник из чёрного гранита высотой 1,5 метра со звездой и посвятительной надписью [22]. Ныне памятник не сохранился, могила на газоне не отмечена.

После объединения сада и сквера с площади, окружающей мемориальную ротонду, выполнили спуск по лестничным маршам к Нахичеванскому переулку, а вдоль него возвели подпорные стенки. В восточной части бывшего Клинического сквера построили кафе «Белая акация». Вдоль северной ограды Первомайского парка обустроили читальный павильон с наружной крытой террасой, кафе «Май», кинолекторий, летний кинотеатр, занявший место былой эстрады (его назвали «Первомайский»). Все эти парковые строения со временем стали культурным центром прилегающего района города. Возле читальни 28 мая 1955 года членами делегации государства Гана, участниками V Всемирного фестиваля молодёжи и студентов в Варшаве, был посажен однолистный ясень, который в те годы называли Деревом дружбы [23].

Знаменательным для парка стал 1957-й — год VI Всемирного фестиваля молодёжи и студентов в Москве. В кинолектории демонстрировались короткометражные документальные фильмы о

городах мира и всемирном молодёжном фестивальном движении. В этом же духе выполнили цветочное оформление парка: «из ковровых растений рисунок: "Герб СССР", надписи "1917–1957", "40 лет Советской власти"; ежедневный календарь из цветочных растений;... на клумбах и партерах и в разных местах сада 30 тыс. цветов...» [24, л. 105].

Совет содействия Первомайскому саду принимал участие в проведении конференции посетителей сада, собрания голубоводов Кировского района по вопросу разведения голубей и выпуска их во время народных гуляний, посвящённых открытию VI всемирного фестиваля молодёжи и студентов и в других мероприятиях [24, л. 114]. Работали читальня, клуб любителей музыки, университет культуры [24, л. 115].

Возобновилась традиция городских выставок цветоводства. Выставки привлекали многочисленных посетителей. Проходили они до середины 1980-х годов. Несколько отзывов 1981 года:

«На выставку попала случайно. Очень много хороших работ со всех районов. Но особенно хочется отметить, композицию «Донские казаки» Кировского района. <...> Была с ребенком, сколько она увидела красоты донского нашего края. Обогатилась её душа. Если бы у нас побольше было таких выставок, то наши дети

Первомайский парк. 1955 г. Фото из коллекции Ростовского областного музея краеведения (ОФ – 16494/2)

были намного добрее, научились беречь всё созданное руками людей. Спасибо огромное создателем этого. Водитель троллейбуса А. Г.»

«Выставка очень оригинальная, особенно огромные кактусы и множество маленьких разнообразных кактусов. Прекрасна вогаянная мельница с казаком и казачкой. Всё радует глаз. Очень хорош букет "Новенькая в классе". Пенсионерка Я. А.»

«Каждый год посещаем выставки. Это настоящие праздники. И каждый год открываем что-то новое для себя. Очень благодарны за это организаторам. Остаётся сожалеть только об одном: очень быстро проходят эти праздники. Инженер Ф. с семьёй».

«Только побывав в этом уголке Ростова, мы поняли, что нам есть, что защищать. Мл. сержант М. и трое солдат» [25].

К 1979 году парадная восточная площадка у Театрального проспекта замкнула юго-восточный угол парка. Здесь на невысоком постаменте разместили скульптурную композицию «Мать и дитя» литовского скульптора Юозаса Микенаса.

Агрессия мирного времени (1980-е – 2020-е)

В 1986 году горела северная часть летнего кинотеатра «Первомайский». Пожар нанёс непоправимый ущерб оранжерее. Деревянную часть кинотеатра восстановили, уцелевшую часть оранжереи разобрали, что предопределило начало гибели всего цветочного хозяйства парка.

В 1992 году парку имени 1 мая был выдан государственный акт на право собственности на землю (Постановление Главы администрации г. Ростова-на-Дону № 516 от 30.03.92). В 1998 году здание летнего Коммерческого клуба и его летнего сада получило статус памятника регионального значения [26]. Но это никак не изменило отношения к нему администрации города.

В начале 1990-х, в эпоху безоглядной приватизации, администрация города передавала в долгосрочную аренду строения на территории парка. Летний кинотеатр оказался в собственности «Цветочной компании», павильоны у северной границы — в долгосрочной аренде у частных кафе. Городские чиновники, объясняли, что содержать эти строения не на что, а новые арендаторы будут заботиться о парковой территории.

Вопреки таким заверениям, арендаторы парковых строений стали их перестраивать и переоборудовать. «Цветочная компания» выполнила кирпичную обкладку деревянного па-

вильона, вторгшись в неприкосновенную липовую аллею. Владельцы кафе тоже выдвинули свои навесы и беседки за ряд лип. Агрессия на уникальную столетнюю липовую аллею города не вызвала никакого противодействия со стороны органов охраны памятников и охраны природы!

Этот факт отразил общегородскую тенденцию в Ростове в конце 1990-х — начале 2000-х годов, когда садово-парковые территории стали отдаваться под автостоянки, игровые и торговые центры, ресторанные сооружения, выполненные в вульгарно урбанистической манере.

В 1999-м, юбилейном для Ростова, году на входе с Большой Садовой у Нахичеванского переулка установили копию пушки XVII века и мемориальную стенку со схемой карты крепости Св. Димитрия Ростовского. А подлинная мемориальная ротонда, простоявшая более века, не удостоилась даже ремонта — денежные средства были потрачены на архитектурные формы чуждые садовому пространству парка!

В XXI веке стало забываться исконное назначение парка: исцелять горожан аурой деревьев, запахами цветов, созерцанием цветочных композиций и раскидистых крон деревьев, тихой беседой и живой музыкой. Не возобновлялись в прежнем ухоженном виде садовые газоны и клумбы, не проводилась реконструкция деревьев. На территории парка утверждались чуждые садовым интерьерам бетонные элементы малых архитектурных форм.

В 2010-е годы была выполнена реконструкция фонтана. К тому времени все его исторические элементы оформления (фигурный парапет, фигурки дельфинов, скульптурные группы из дикого камня) были утрачены. Тогда было заменено всё его техническое оснащение, включая водопроводную линию. В бассейне с упрощённым парапетом устроили современную чашу с разбрызгивающими водными струями. Возобновление работы фонтана порадовало посетителей парка, а вот обновлённый примитивный вид вызвал недоумение и разочарование. Это впечатление усугублялось упрощённым видом мемориальной ротонды, которая уже несколько десятилетий существовала без боковых пергол, без изначальных изящных балюстрад с вазонами, с заменёнными бетонными ступенями парадных лестничных маршей, не говоря уже о забытом навершии купола с двуглавым орлом, утраченным ещё в 1920-е годы. Да и все обветшавшие капители колонн ротонды уже давно требовали реставрации.

А о безобразном отношении администрации города к парку наглядно свидетельствует то, что

на его территории вопреки здравому смыслу и Закону об охране объектов культурного наследия РФ на месте павильона «Цветочной компании» нагло выросла каркасно-панельная многоэтажка. И теперь её хозяева претендуют ещё на часть парковой территории (бывшего читального павильона) для своей автопарковки!

Разумной альтернативой этому абсурду звучит инициатива Ростовского регионального отделения ВООПИК о придании парку имени 1 мая исторического статуса. Для этого есть серьёзные основания, ибо в его границах сохранились: памятное сооружение в честь крепости Св. Димитрия Ростовского — мемориальная ротонда; территория сада летнего Коммерческого клуба — ценный объект садово-паркового искусства начала XX века; место братской могилы защитников города времени Великой Отечественной войны; место культурного центра возрождённого города и цветочных выставок 1950 — начала 1980-х годов; ценный археологический культурный слой XVIII — XIX века, требующий основательных исследований.

Сегодня приоритет всех преобразований в парке должен быть отдан восстановлению подлинных исторических образцов малых архитектурных форм сада и его озеленения, а не загромождению его территории псевдомемориальными сооружениями.

В конце 1950-х годов существовал Совет содействия парку. Возрождение его сегодня жизненно необходимо. Вот только название, я думаю, следует изменить на Совет защитников парка.

В настоящее время формируется направление экскурсионно-туристического развития исторического центра Ростова. В этом русле статус исторического парка может кардинально изменить подход к Первомайскому парку как к неотъемлемому объекту многих городских экскурсионных маршрутов.

А предложений как возродить былую культурную жизнь парка от ростовчан звучит немало: и о создании в парке галереи исторических видов садов и парков Ростова, и о возрождении цветочных выставок, и об экспозиции исторических костюмов XVIII — XIX веков, и о проведении здесь театрализованных свадебных туров и городских театрализованных праздников.

Для реализации этого, зная, что речь идёт о памятнике садово-паркового искусства и памятнике археологии, необходимо разработать комплексный проект реставрации и воссоздания элементов сада Коммерческого клуба, начиная с его садового уникального наследия — липовой аллеи, цветочных газонов и клумб.

Особого внимания заслуживает мемориальная ротонда, её необследованные помещения в цокольном ярусе. Уже не раз звучала инициатива об устройстве в них музея истории крепости Св. Димитрия Ростовского. Однако же, без обследования современного технического состояния этих помещений, невозможно делать никакие прогнозы. А внешний исторический благородный облик ротонды, несомненно, должен быть воссоздан в его подлинном неоклассическом убранстве в единстве с фонтаном.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАРО. Ф. Р-2613. Оп. 1. Д. 135. Л. 2.
2. *Краснянский М. Б.* Культурная жизнь старого Ростова // Зап. Ростовского на Дону общества истории, древностей и природы. Т. 1. Ростов н/Д., 1912. С. 63.
3. Отчёт Ростовской на Дону городской управы за 1884, 1885, 1886 годы. Ростов н/Д. : Типо-литогр. И. А. Тер-Абрамиан, 1888. С. 170.
4. Приазовский край. 1895. 16 июня. (№ 154). С. 1.
5. Там же. 1902. 2 июня. (№ 145). С. 1.
6. Там же. 1906. 19 окт. (№ 276). С. 3
7. Зодчий. 1907. № 15. С. 159.
8. Приазовский край. 1909. 12 апр. (№ 93). С. 1.
9. Закладка здания Коммерческого клуба // Приаз. край. 1909. 8 июня. (№ 148). С. 2.
10. К пожару в Коммерческом клубе // Приаз. край. 1909. 29 июля. (№ 199). С. 2.
11. Жизнь Ростова. В Коммерческом клубе // Приаз. край. 1913. 21 марта. (№ 75). С. 5.
12. *Ильин А. М.* История города Ростова-на-Дону : очерк. Ростов н/Д. : Мини Тайп, 2006. С. 24.
13. Освящение Коммерческого клуба // Приаз. край. 1910. 7 мая. (№ 119). С. 3.
14. Археологические исследования выполнялись сотрудниками НП «Южархеология» с участием автора статьи в 2020 году. По мнению археологов подземная галерея использовалась для прокладки водопровода и обслуживания фонтана.
15. Весь Ростов н/Д. : Адрес-календарь, торгово-промышл. справ. кн. на 1913 г. : Весь Ростов и Нахичевань н/Д. Харьков : Типо-лит. «Художественный труд» Р. Родомышленского, 1913. Стб. 378.
16. По сведениям В. А. Диденко, внуки архитектора, её дед Валентин Артурович Туловский был приглашён из Киева в Ростов-на-Дону для ведения строительства ротонды и фонтана в саду летнего Коммерческого клуба. Ранее в Киеве он имел обширную архитектурную прак-

тику. По завершению сооружения ротонды и благоустройству сада он вернулся в Киев; в годы Первой мировой войны (1915 – 1916) служил инженером-строителем в отряде Союза городов. В разгар Гражданской войны В. А. Туловский вернулся в Ростов, где в последующие мирные годы работал инженером-строителем. Скончался в конце 1930-х гг.

17. Выставка картин // Приаз. край. 1913. 12 окт. С. 3.

18. Южный телеграф. 1914. 21 сент. С. 3.

19. Sandro. Сад клуба приказчиков // Приаз. край. 1915. 13 мая. (№ 123). С. 4; Sandro. Сад Коммерческого клуба. IV симфонический концерт // Приаз. край. 1915. 1 июня. (№ 142). С. 3.

20. *Нилин Л.* Под сенью лип // Молот. 1928. 5 авг. С. 3.

21. *Шолохов М. М.* Об отце : очерки-воспоминания разных лет. М. : Советский писатель, 2004. С. 124.

22. Список братских могил г. Ростова-на-Дону. 1949 г. // ГАРО. Ф. Р-4096. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

23. Ростов-на-Дону : крат. путеводитель. Ростов н/Д., 1959. С. 116.

24. ГАРО. Ф-4097. Оп. 1. Д. 118.

25. Альбом отзывов на выставку садоводства 1981 г. // Текущий арх. адм. парка им. 1 мая.

26. О принятии на государственную охрану памятников истории и культуры г. Ростова-на-Дону и мерах по их охране (с изменениями и доп.). : Постановление Главы адм. Рост. обл. от 9 окт. 1998 г. № 411. URL: <https://docs.cntd.ru/document/800002812> (дата обращения 24.11.2021 г.).

А. Ф. ВОЛОШИНОВА

САД У НАХИЧЕВАНСКОЙ МЕЖИ

Парк имени Вити Черевичкина в Ростове известен детскими и семейными праздниками, Театром сказок, бассейном, Александровской колонной, ярмарками по продаже саженцев, цветов, сельхозпродуктов. Расположен парк в конце Советской улицы рядом с управлением Северо-Кавказской железной дороги.

Это историческое место, связанное с основанием городов Ростова и Нахичевани-на-Дону, было обозначено уже на картах третьей четверти XVIII века (планы А. Медера 1768 г., Ф. Вернеза 1780-е гг.) [1], а в описаниях историков и краеведов называется слобода Полуденка или Полуденный стан [2, с. 15]. Населяли её выходцы из Азова после невыгодного для России Прутского мирного договора. Жители занимались рыболовством, ремеслом и торговлей. Слобода имела несколько кварталов, вытянутых по направлению север-юг, деревянную православную церковь, небольшое кладбище и «укрывища» в склонах донского берега. Вот как пишет об этом краевед Э. Вартаков: «...место это было чрезвычайно рискованным. Сюда из-за Дона с коварным постоянством набегали хищные орды нагайцев. Спасение давала лишь природная особенность этих мест. Слоистый ракушечный известняк донского крутого берега веками пронизывался и вымывался выходами грунтовых вод. За тысячелетия в толще берега образовались естественные лабиринты, что уходило на многие сотни метров вглубь донского правобе-

режья. Здесь, в подземельях, и приспособился укрываться от бедствий народ Полуденки» [3].

После основания крепости Димитрия Ростовского (1761) слобода становится одним из форштадтов крепости. В январе 1780 года в Полуденке встретили первых армянских переселенцев будущего города Нахичевани. Вскоре полуденцы переселяются в солдатский форштадт крепости к западу от неё. После недолгого проживания в Полуденке крымских армян, на территории к востоку от неё, весной 1781 года происходит торжество освящения нового армянского города. К юго-западу от бывшей Полуденки на спуске к Дону в 1787 году была освящена церковь Св. Георгия [4]. А бывшая слобода превращается в пустующую окраину Нахичевана (с 1838 г. Нахичевань-на-Дону) [2, с. 23].

Из примет нового города здесь возле дороги, ведущей из упразднённой крепости Св. Димитрия Ростовского в 1833 году появляются два шлагбаума-obeliska в виде колонн, установленных на постаментах, обозначающих въезд в армянский город.

Судьба этой окраины переменилась только в начале 1880 года, когда Городская дума определила:

«1) В ознаменовании высокоторжественного дня празднования 25-летия славного царствования Августейшего нашего монарха устроить в Нахичевани сад и поставить колонну с надписью на ней "В память торжества 25-летия славного царствования Государя Императора

Александра II в 19 день февраля 1880 года, от Нахичеванского-на-Дону Армянского общества";

2) Для устройства сада отвести городское место на Георгиевской площади в количестве в глину, т. е. параллельно с дорогой, идущей из Нахичевани в Ростов, 110 сажень, а в ширину, т. е. по направлению к берегу р. Дона 80 сажень;

3) К устройству сада приступить безотлагательно с начала весны настоящего года;

4) На первоначальные работы по устройству сада ассигновать из городских средств на сей 1880 год — 4 тыс. руб. Поручить городской управе в следующем заседании Думы представить проект плана сада и приблизительную смету;

5) По исходатайствованию Высочайшего соизволения на наименования сада "Александровским" и на постановку в нём колонны, Городской управе немедленно представить Думе об ассигновке суммы на проведение в исполнение этого желания» [5, л. 3].

Впоследствии Дума определением от 11 апреля поручила заведовать устройством сада С. Х. Арутюнову и М. Е. Шапошникову; одобрила проект плана [5, л. 15].

В отчёте по устройству сада приводится ряд интересных фактов и подробностей: «...Первоначальный вид местности представлял собой балки, овраги и неровности, значительный уклон к югу, не говоря уже о громадном количестве нечистот, накопившихся в течение многих лет. В виду этого, прежде чем начать какие бы то не было работы, нужно было очистить всю местность и снять значительный слой навоза, мусора и нечистот до почвы.

По исполнению этой, так сказать подготовительной работы, к началу правильных земляных работ, уполномоченные разбили участок, согласно определения Думы в количестве 110 саж. в длину, т. е. параллельно дороге, и 80 саж. в ширину. При разбивке участка согласно выше приведённому размеру, представлялось затруднение, устранить которое оказалось неизбежным. Затруднение представлялось в том, что при проведении южной линии участка, она захватила значительную часть глубокой балки, засыпка которой потребовала бы весьма больших расходов и долгого времени. Следовало во что бы то ни стало устранить это неудобство; в этих видах направление этой линии было изменено и принято, вместо прямой, кривую линию с южной стороны сада. Подобное же затруднение встретилось и при проведении линии участка параллельно с городом. Линия эта с южной стороны захватила угол ближайшей к городу балки, каковой угол оставлен пока вне

участка; балка эта засыпается постепенно навозом и другими материалами и со временем выравнивается, тогда только можно будет включить эту часть в границы сада.

Затем, с южной стороны балки, разделяющей сад на две половины, находилась возвышенность, которую по общему плану, следовало снять в уровень с полотном сада, но работа эта потребовала бы порядочной издержки, а потому заведующие устройством сада признали более выгодным оставить эту возвышенность в своём виде [5, л. 15 об]. <...> так как работа предстояла значительная и сопряжённая с техническими затруднениями, то прежде чем приступить к ней, уполномоченные признали нужным пригласить сведущего по этой части техника и действовать по его указанию. Для этого воспользовавшись случайным пребыванием инженера Грунера в Ростове, по делу Кавказского железнодорожного моста, пригласили его лично осмотреть местность и дать своё заключение технической стороны работ. <...> Заручившись указанием и советами инженера Грунера и под руководством городского техника, уполномоченные приступили к земляным работам по приспособлению местности сада и участок был приведён в такой вид, что возможно было, по одобренному плану приступить к разбивке сада и заготовлению необходимых ям и канав» [5, л. 16 об].

Стоимость всех работ составила 6 479 руб. 50 коп. В их число вошли, помимо земляных работ: устройство сторожевой будки, деревянной ограды, мощение откосов канавы и кюветов. Кроме того в перечень затрат были включены на 1880 год жалованье городского садовника, сторожа, оплата инженеру Грунеру, составившему проект распланировки [5, л. 17].

В июне уполномоченные по устройству сада Арутюнов и Шапошников подали заявление в Городскую думу о необходимости устройства цоколя ограды из аршинного камня [5, л. 13]. А в августе они изложили своё желание засадить сад доброкачественными деревьями разных пород (липа, клён, рябина, тополь, каштаны и т. п.). В ответ Дума выделила тысячу рублей на посадку деревьев [5, л. 19 об].

В последующие годы сажали деревья, прокладывали аллеи, сделали ограду.

В начале ноября 1892 года Городская дума вернулась к обсуждению установки в саду задуманной памятной колонны. К этому времени городская управа уже имела проект колонны, который был представлен на рассмотрение Думе.

В докладе об этом сообщалось: «По этому проекту колонна имеет 9 аршин вышины, её

предположено сделать из гранита. Осуществление проекта в том или другом размере зависит от суммы, которую пожелает ассигновать на этот предмет Городская дума. Как только сумма будет определена, городская управа войдёт с частными предпринимателями в соглашение относительно устройства её. Что же касается места постановки колонны, то, по мнению Городской управы, было бы всего целесообразнее поставить её на главной аллее в кругу, против здания ротонды» [5, л. 25].

Согласно чертежам колонны, разработанным городским архитектором Нахичевани Н. Н. Дурбахом, в конце ноября поступили предложения по её изготовлению от двух Санкт-Петербургских фирм: мастерской гранитных и мраморных изделий купца А. А. Баринова и Бронзово-художественной фабрики В. З. Гаврилова. Их рекомендовал скульптор М. А. Чижов, который в это время выполнял скульптуру императрицы Екатерины II для памятника в Нахичевани [5, л. 29, 30]. Но в начале декабря в управу поступило заявление на изготовление колонны от итальянского подданного С. А. Тонитто, проживающего в Нахичевани, который одновременно выполнял художественный пьедестал для того же памятника [5, л. 27].

Рассмотрев эти предложения, Городская управа поручила работы по сооружению мемориальной колонны С. А. Тонитто, определив их стоимость в 10 850 руб. [5, л. 34]. Так сэкономили средства по доставке, устройству фундамента, монтажке монумента.

3 мая 1893 года городской голова М. И. Балабанов пригласил в городской сад для выбора места постановки колонны уполномоченных Городской думы М. Я. Хлыгчиева, А. К. Салтыкова, Л. А. Аладжалова, Г. Х. Бахчисарайцева, И. С. Чарыхова, Д. Е. Ходжаева [5, л. 39].

После определения места и начала работ в Нахичеванскую городскую управу поступило уведомление, что «...завод Д. А. Пастухова принимает на себя отливку из чугуна нижепоименованных частей Александровской колонны, а именно: 1 орла, 1 постамент под ним, гирлянды под каждою из трёх досок со следующими надписями на них: "В память XXV-летия славного царствования Государя императора Александра II"; "В 19 день февраля 1880 года"; "От Нахичеванского-на-Дону армянского общества".

Орёл, постамент, гирлянды и надписи будут вызолочены золотом накладным способом. Стоимость всех частей с позолотой их и доставкой в городской Александровский сад — 450 руб. сер.». Условия были приняты и 25 августа все

указанные детали доставили к сооружаемой колонне [5, л. 35, 36].

Этим же летом проложили каменную трубу для стока воды из сада. О масштабе работ можно судить по нескольким пунктам сметы, составленной архитектором Н. Н. Дурбахом, в которую вошли: «выемка земли 26,5 куб. саж.; кладка из 400 блоков аршинного камня, кирпичный свог из 20 тыс. штук кирпичей и гр.» [5, л. 40]. Местоположение этой трубы, к сожалению, не указывается; логично предположить её в ложбине балки, разделяющей участок сада.

Работы по сооружению Александровской колонны завершились 10 апреля 1894 года. Тогда вокруг установленной колонны разбили мемориальный газон и установили восемь гранитных тумб, соединённых железными цепями. Их выполнил мастер С. А. Тонитто [5, л. 49].

Управа сдавала сад в «арендное пользование». «Весной 1894 г., утверждая постановление на этот счёт, Войсковой наказный атаман кн. Святополк-Мирский, предупредил, чтоб аренда с платой за вход не касалась неогороженной части сада, где гуляли малообеспеченные горожане» [6, с. 40].

Современники так описывали сооружённый монумент: «Колонна в тосканском стиле состоит из цельного красного гранита в 12 аршин вышины на тёмно-сером гранитном пьедестале в 3 аршина вышины. База и капитель колонны сделаны из киевского лабрадора. Колонна увенчана металлическим позолоченным двуглавым орлом. По сторонам колонны поставлены восемь гранитных тумб с подвешенными к ним железными цепями. На гранитном пьедестале колонны надписи...» [7].

Торжество открытия состоялось 18 сентября 1894 года. В тот день открывались сразу два памятника: Екатерине II и Александровская колонна. На торжестве присутствовал Войсковой наказной атаман и представители Нахичеванского городского управления. Вечером в Александровском саду было устроено праздничное гуляние и фейерверк [7].

Сад стал любимым местом отдыха жителей Нахичевани и Ростова. Особенно популярен он был среди гимназистов обеих городов. По праздничным и выходным дням в саду играл военный духовой оркестр и публике предлагались всевозможные развлечения. Зимой возле сада сооружались внушительного размера горки для катания публики в особых вагончиках. Славился сад и своими Пушкинскими вечерами. В огороженной его части проходили выступления приезжих знаменитостей. Как сообщала газета «Приазовский край»: «Антреприза нахичеван-

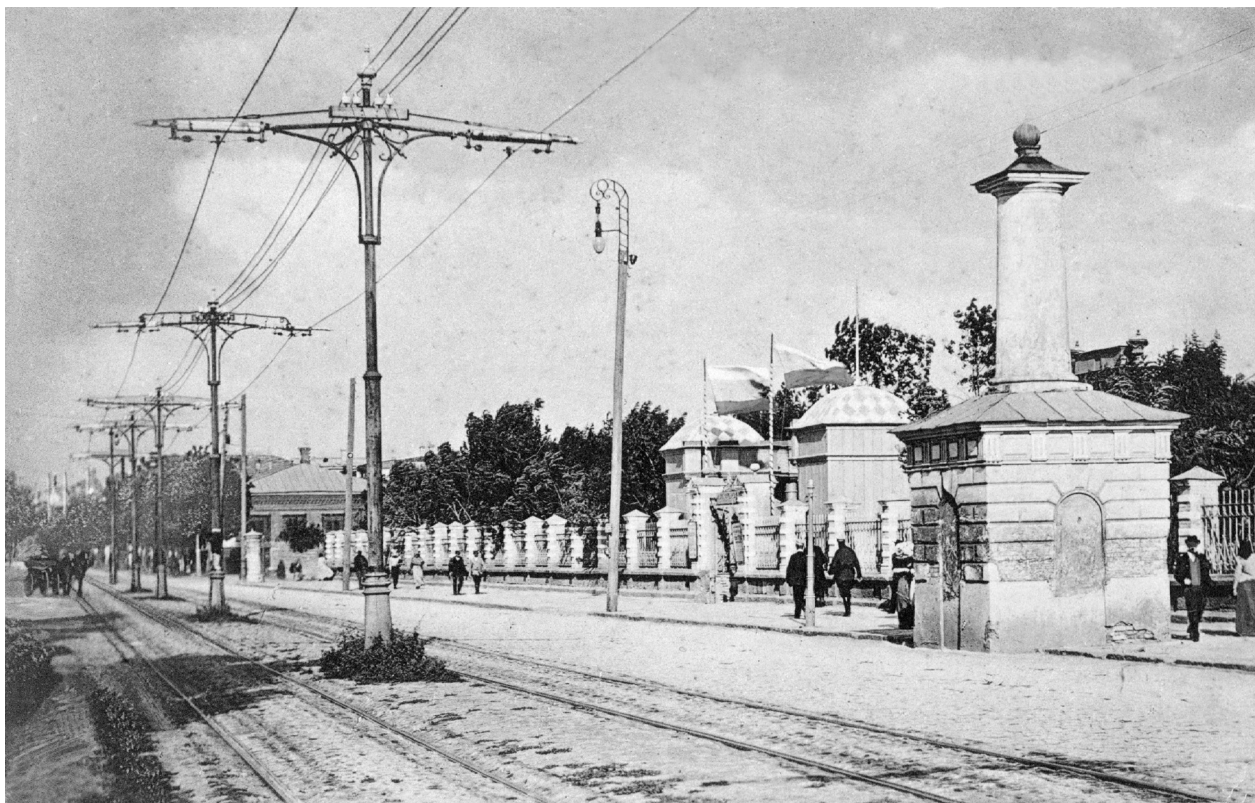
ского Александровского сада наконец состоялась. Видное участие в ней будет принимать артист г. Давыдов, который предполагает устраивать в саду в течение сезона всевозможные развлечения» [6, с. 40 – 41].

Через восемь лет, 24 апреля 1902 года, в той же газете сообщалось о «грандиозном открытии Александровского сада и театра с 1 мая. В сад на открытие были приглашены труппа исключительно для модной комедии и симфонический оркестр. В закрытом театре – большой дивертисмент... с участием первоклассных русских, французских, немецких, итальянских оперных и опереточных артистов и артисток» [8]. На летней концертной сцене намечали ежедневное выступление московского хора, песенников, куплетистов, рассказчиков, танцоров, гармонистов, жонглёров, балалаечников; по праздничным дням – большие гуляния, шествия, фейерверки, бега, скачки и дневные детские гуляния. Во время ежедневных обедов – «гамский оркестр и итальянский квартет манголистов». В вечернее время, обещала реклама, сад «будет освещён сильным американским светом до 80 фонарей системы Вашингтона ... электрическими разноцветными лампочками-эффектами» [8].

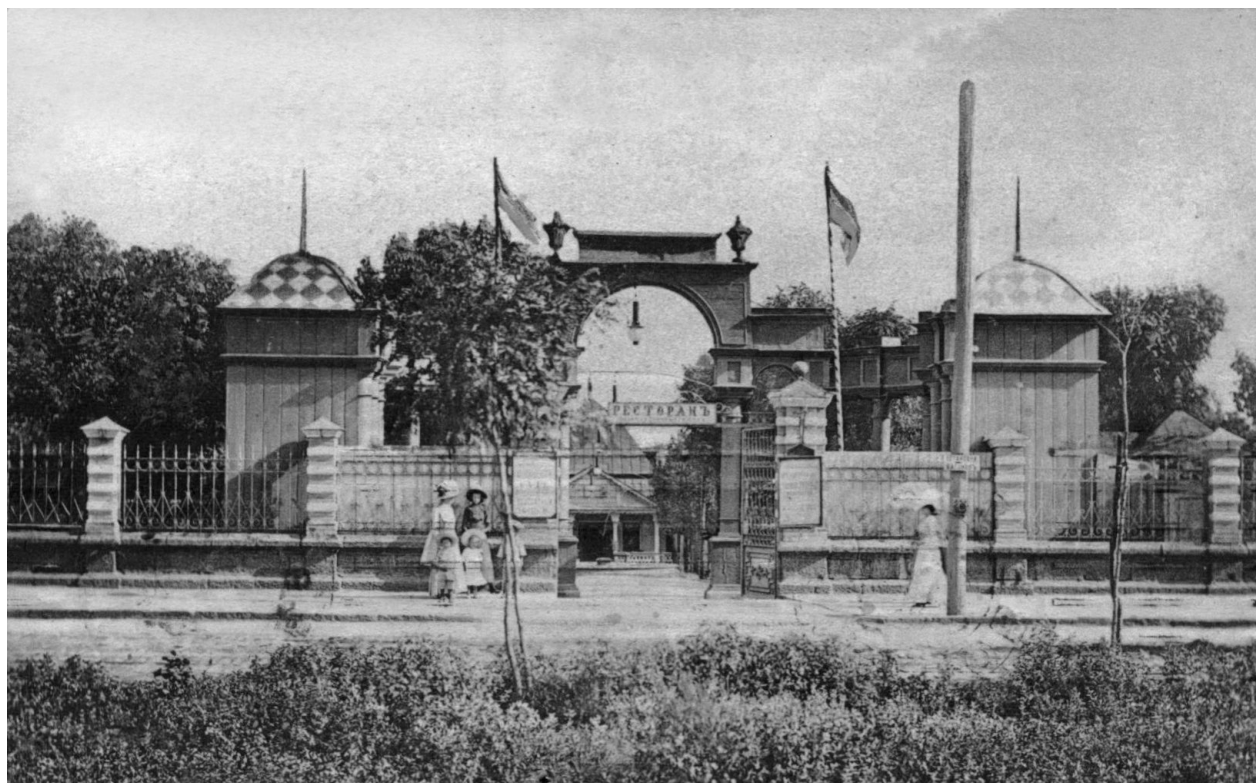
Рекламами развлечений пестрели страницы той же газеты в последующие 1900-е годы. К примеру, гастроль примы столичного балета Елены Чекетти (23 июля 1907), выступление знаменитого Анатолия Дурова с крысами и свиньями (14 июля 1907); дебют красавицы испанки Валенсии (25 августа 1907), комические сценки, карнавалы и многое другое.

Большое внимание родителей с детьми привлекали качели и карусели. Но ещё большей популярностью пользовались представления с куклами. К началу XX века, получили распространение механические театры, где наряженные куклы выступали под музыку. Были созданы, так называемые, «Виолино-оркестрионы» и «Пиколино-оркестрионы». В Ростове работала мастерская по их изготовлению. Представления с ними устраивались в садах и парках Нахичевани и Ростова рядом с качелями и каруселями. Об этом свидетельствует фотография 1905 года – «Пиколино-оркестрион» в Александровском саду [9, с. 233].

На другой исторической фотографии начала XX века – панорама и зелёный массив сада с птичьего полёта. На ней чётко видны шлагбаумы-obelisks на въезде в Нахичевань, между ними трамвайная линия и электрические столбы, тротуар вдоль ограды сада.

Александровский сад. Нахичевань н/Д. 1900-е гг.
Фото из коллекции Ростовского областного музея краеведения (11016-6).

Нахичевань-на-Дону. Александровский сад. Фото из коллекции автора

Сама ограда вдоль 1-й Соборной улицы на каменном цоколе в виде ряда кирпичных, рустованных столбов, увенчанных шарами, и решётчатых кованых металлических секций ограждения между ними. Ограда по Нольной линии по таким же кирпичным столбам, но с деревянными секциями.

Парадный вход предстаёт на другой открытке. За воротами ограды сооружены своеобразные пропилены из боковых высоких объёмов с пологим четырёхлотовым покрытием. Со стороны сада они украшены колоннами и центральной парадной аркой на таких же колоннах. В центре за аркой видно театральное деревянное сооружение с высоким шатром, тут же у входа реклама — «Ресторанъ».

Все постройки деревянные предназначены для использования в летний сезон.

Другой уголок сада представлен на открытке, где показан грот из диких камней, на дальнем плане бассейн и беседка. Перечисленные изображения свидетельствуют, что территория сада имела уже богатый массив деревьев и других зелёных насаждений, высокий уровень благоустройства, активно эксплуатируемые деревянные сооружения и павильоны.

Мирное благополучие сада оборвалось в 1914 году. 13 апреля в Александровском саду в результате пожара были уничтожены все

крупные постройки вместе с театром [10]. На плане Нахичевани, выполненном четыре года спустя, в границах Александровского сада показан лишь один павильон в юго-восточной части [11].

Это не помешало тому, что в 1917 году «... 19 июня, — сообщила меньшевистская газета "Вперёд", — Донским комитетом РСДРП был устроен митинг-концерт в пользу избирательного фонда <...> на митинг... явилось свыше 1000 человек. После концертного отделения, исполненного военным оркестром, выступал прекрасно спевшийся хор. <...> На митинге от имени Донского комитета выступали т. Швейцер, ...т. Коломойцев, ...т. Виляцер... Митинг затянулся далеко за полночь» [6, с. 41].

Первые годы советской власти ознаменовались в саду демонтажем двуглавого орла и по святительных досок с пьедестала Александровской колонны.

К 1924 году сад передали в ведение СКОПСа (Северо-Кавказский округ путей сообщения), переименовали в «Сад железнодорожный» [12]. В 1936 году название меняется на сад «Транспортник» [13], ещё через два года он передаётся в ведение города и называется «Сад пионеров» [14]. При этом сохраняются его границы и планировка. К этому времени 1-я Соборная

улица называется Советской, рядом демонтированы шлагбаумы-obelisks, у западной границы разобрана соседняя Георгиевская церковь, напротив — к северу насажен Парк революции. Объединение Ростова и Нахичевани (1928) предопределило включение бывшего Александровского сада в единый зелёный массив скверов и парков, объединяющих исторические центры бывших соседних городов.

О преобразованиях в саду между двумя мировыми войнами сведений не сохранилось. Планировка его, судя по плану 1939 года, оставалась прежней. А приметой новой вневедомственной принадлежности стало то, что сад стал местом гуляний малышей из дошкольных детских учреждений на недавних окраинах Ростова и Нахичевани.

Годы Великой Отечественной войны повергли сад в разорение и запустение. Частично вырубались деревья, а при освобождении в феврале 1943-го разрушение и пожар здания управления Северо-Кавказской железной дороги способствовал гибели деревьев в соседней части сада. В эти годы балка, пересекающая сад, вернулась в своё первобытное состояние: в неё сбрасывали мусор и нечистоты. У местных жителей это место в конце 1940-х получило нелицеприятное название «говняровка». К этому времени ограду сада разобрали до цоколя. Только в начале 1950-х годов после восстановления здания управления СКЖД началась расчистка и

благоустройство Сада пионеров (тогда его уже называют парком).

Редкие фотографии конца 1950-х годов представляют Александровскую колонну, окружённую газонами, и детскую площадку у восточной стороны с небольшими скульптурами на невысоких постаментах. В конце 1950-х появился здесь и летний кинотеатр «Спутник». Вдоль восточной, западной и южной сторон устроили невысокое решётчатое бетонное ограждение.

В 1961 году парк ещё раз изменил своё название. Теперь это был Пионерский парк имени 40-летия пионерской организации имени В. И. Ленина. В том же году возле западного входа в парк с Советской улицы установили бюст Вите Черевичкину на высоком постаменте (скульптор Н. В. Аведиков). Это определило его современное название — Парк имени В. Черевичкина (1965). В центральной части парка оформили Аллею пионеров-героев. У администрации парка налажился контакт с Домом пионеров и горкомом комсомола, которые оказывали парку практическую помощь.

К этому времени на склоне в очищенной и благоустроенной балке была устроена деревянная сцена и скамьи на сто человек. В парке начали работать кружок художественной самодеятельности, клубы любознательных, интересных встреч, книголюбов, позднее — юных художников. Открылся филиал областной библиотеки имени Величкиной, шахматно-шашечный па-

Фонтан с скульптурой Буратино. Конец 1960-х гг. Фото из коллекции автора

вильон. В юго-западном углу парка на спорт-площадке общества «Локомотив» работали спортивные секции (бокса, баскетбольная, волейбольная, теннисная) [15]. В 1965 году у южной границы парка в кратчайшие сроки возвели павильон летнего, спортивного зала для проведения концерта Московского балета на льду. Впоследствии павильон получил название культурно-спортивный комплекс «Экспресс» [9, с. 260]. Вскоре в этом же павильоне проходила, так называемая, американская выставка. Она впервые в послевоенное время представляла жизнь США в масштабных цветных фотографиях. Посетителям выдавали яркие значки и цветные иллюстрированные буклеты. 2 мая 1968 года здесь же открылась всемирная выставка «Интерпресс-фото». На ней были представлены 1200 работ фотохудожников из 71 страны [16].

В конце 1960-х годов в юго-восточном углу парка за летним кинотеатром выстроили двухэтажный кирпичный корпус, в котором размещалась Областная станция юных техников. В этом здании помимо работы с подростками в предперестроечные годы проходили интересные выставки. Такой стала в конце 1985 года выставка, посвящённая юбилею Велимира Хлебникова, поэта серебряного века. Организатором её был ростовский художник Олег Облаухов, участник Хлебниковских чтений на родине поэта в Астрахани. Он оформлял первые экспозиции, посвящённые творчеству Хлебникова.

Знаковыми для парка стали 1970-е годы. Тогда парк занял 2-е место во всесоюзном смотре парков культуры и отдыха и был занесён в Книгу почёта ВДНХ в Москве; в 1973 году награждён дипломом 2-й степени за благоустройство [17].

В те годы был составлен первый эскиз генплана парка художником Петром Ибалаковым [18]. Согласно проекту становились главными и оформлялись входы с углов парка, выходящих на улицу Советскую. Возле управления СКЖД устроили декоративную стенку, оформленную рельефом летящих голубей и титульной надписью парка, по другую сторону входа разместили рекламный стенд. Вход на углу Нижне-Нольной улицы фланкировали цветочницы, впоследствии дополненные невысокой декоративной стенкой. Тогда же бюст Вити Черевичкина перенесли в центр парка на благоустроенную площадку рядом с Аллеей пионеров-героев, оформление которой впоследствии изменялось.

В конце 1970-х в парке воцарились парковые сказочные скульптуры: у северо-западной аллеи выгнулось туловище огромного крокодила с открытой пастью, по соседству чашу фонтана украсила озорная фигурка Буратино на фигур-

ном постаменте, возле нового плескательного бассейна появилась фигура Осьминожки.

В 1977 году было принято решение Ростовского горсовета депутатов трудящихся «О решении парка культуры и отдыха им. В. Черевичкина строительства летнего Театра-сказок для детей на территории сада» [19]. Ростовский художник-дизайнер П. А. Ибалаков стал автором проекта и окружающего комплекса его оформления, за что был удостоен золотой медали ВДНХ. Сооружение Театра-сказок взяло на себя Волго-Донское речное пароходство. На его же средства был устроен металлический мост через балку. А Театр-сказок после своего открытия стал первым подобным в стране. Коллектив парка и участники строительства получили за него дипломы ВДНХ первой степени, а директор парка М. А. Самсонова, начальник штаба благоустройства В. Д. Веселов и ряд других энтузиастов были награждены серебряными медалями выставки [17]. Театр-сказок, устроенный в виде ступенчатого амфитеатра, обогнувшего северную оконечность балки, преобразил центральную часть парка. Спуск на сценическую площадку осуществлялся с верхней и боковых аллей. Верхнюю границу амфитеатра ограничивали невысокие помещения, кровельные парапеты которых украшались фигурками сказочных персонажей, этим утверждая общую сказочную идею оформления парка.

После завершения его строительства реконструировали остальную низину балки. Сюда перенесли детские игровые площадки, качели и карусели, городок аттракционов. А на верхней площадке, возле плескательного бассейна, соорудили монорельсовую карусель «Юнга», имитирующую палубу корабля и даже создающую качку. Появились тогда у парка и новые шефы: Крупяной завод, Ростовское производственное химическое объединение имени Октябрьской революции. Были здесь и зоны пионерского и комсомольского действия коллективов соседних школ.

В парке постоянно работал на базе кинотеатра «Спутник» кино клуб «Пионерия», а также танцевальный кружок, изостудия, концертная агитбригада.

В 1986 году в Театре сказок побывали гастролирующие труппы Северо-Осетинского театра со спектаклем «Василиса прекрасная», Пензенского театра с музыкальной сказкой «Красная шапочка»; для взрослой аудитории в субботние вечера были организована творческие встречи с ведущими артистами театров. А участники драмкружка в течение летних каникул показали музыкальные сказки: «Кот в сапогах», «Волшебник изумрудного города», «Золотой ключик».

В том же году по воскресеньям перед ребятами выступали артисты театра кукол со спектаклями: «Иван-царевич и серый волк», «Господин Ау», «Волк и семеро козлят», «Красная шапочка» [20].

В конце 1970 – 1980-х годов парк окончательно сложился как зона для детей и семейного отдыха. Популярностью пользовались лекторий «Природа нашего края», праздники «Птицы наши друзья», «Сохраним природу – сохраним жизнь», выставки цветов, встречи с голубеводами и работниками Дома природы.

Вторая половина 1980 – 1990-х стали испытанием для парка. Резко сократилось финансирование. Не было предприятий и организаций-спонсоров, которые всегда приходили на помощь. Знаковым эпизодом тех лет стало восстановление утраченного наверху Александровской колонны в виде двуглавого орла и памятных досок на её пьедестале (скульпторы Д. Бегалов и А. Скнарин). Средства предоставил глава фирмы «Ростов» Ю. Рошкован.

5 сентября 1994 года состоялась церемония торжественного открытия Александровской колонны.

В 2000-е годы значительный участок в юго-западном углу парка занял многоэтажный корпус «Парк-сити». Это строительство отразило губительную тенденцию в деятельности администрации Ростова отдавать участки исторических парков города под точечную застройку. Практически одновременно администрация города отводила участки под застройку на территории парков имени В. Черевичкина, 1 мая, М. Горького.

В связи с этим хочется напомнить, что в 2007 году питерские градостроители, разрабатывая новый генеральный план Ростова, назвали территории исторических парков в центре города неприкосновенным фондом грядущих поколений. Они объясняли это недостаточностью, по санитарным нормам, зелёных территорий в центре города и невозможностью их расширения.

Детский парк, пережив лихие 90-е, остался парком имени Вити Черевичкина. На его территории в мае и сентябре проходят выставки-продажи цветов и саженцев, ярмарки сельхозпродуктов. Но сохранилась главная сфера его деятельности – зона детского и семейного отдыха.

Ныне, благодаря сотрудникам администрации парка и новым спонсорам, реконструирован плескательный бассейн с прилегающими подсобными помещениями и навесами; обновлена Аллея пионеров-героев, установлена на

Александровская колонна в парке имени В. Черевичкина. 1990-е гг.

каменном цоколе-парапете невысокая ажурная ограда по южной, восточной и западной сторонам сада, отремонтирован Театр-сказок и детский городок.

Сегодня парк имеет своё лицо, своих посетителей и благотворителей, грамотных, заинтересованных в своём деле руководителей.

При этом от чиновников администрации города нередко можно услышать странные предложения об отдаче парка в концессию частным лицам. Это звучит абсурдно с точки зрения его исторической ретроспективы. Ведь сад был основан по инициативе городского сообщества, его благоустройство и озеленение выполнялось за счёт средств городского бюджета.

Парку сегодня, как никогда, нужна поддержка городских сообществ и меценатов. Необходима реконструкция деревьев и озеленения, восстановление малых архитектурных форм, возрождение Театра сказок. Рядом с Аллеей пионеров-героев, логично было бы увидеть стены, посвящённые основанию Александровского сада, сооружению мемориальной колонны, строительству Театра сказок. Хочется пожелать

парку возродить дружбу с городскими театрами: профессиональными и самодеятельными. Пусть оживут здесь детские праздники, в которых сказочных героев представят сами дети, а зрителями будут их родители, близкие и друзья.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Чеботарёв Б. В.* Новые картографические материалы по истории Ростова-на-Дону и окрестных селений второй половины XVIII века // Изв. Рост. обл. музея краеведения. Вып. 1(3). Ростов н/Д, 1959. Прил.: Карта 2 (к с. 58) План крепости Дмитрия Ростовского. 1768 г.
2. *Халпахчян О. Х.* Архитектура Нахичевани-на-Дону. Ереван : Айастан, 1988.
3. *Вартанов Э.* Донские хроники: донские армяне как факт истории и этно-фикция; хроники. Ростов н/Д., 2016. С. 183.
4. *Шахазиз Е.* Новый Нахичеван и новонахичеванцы. Монастырь Сурб Хач Нового Нахичевана. Пер с арм. Ш. М. Шагиняна. 1986 г. Ростов н/Д. : Книга, 2005. С. 70.
5. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 245.

6. Цит по.: *Сигоров В.* Энциклопедия старого Ростова и Нахичевани-на-Дону. Т. 1. Ростов н/Д., 1994.
7. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 491. Л. 139.
8. Приазовский край. 1902. 24 апр. (№ 106). С. 1.
9. Ростов-на-Дону : Страницы истории (1749—2009). Ростов н/Д. : Омега Паблишер, Золотое сечение, 2009.
10. Пожар в «Луна-парке» // Приаз. край. 1914. 14 апр. (№ 96). С. 3.
11. ГАРО. Ф-2613. Оп. 1. Д. 140. Л. 1.
12. Весь Ростов и Нахичевань н/Д, в кармане : адрес. и справ. указ. Ростов н/Д., 1925. С. 264.
13. Справочник по городу Ростову-на-Дону. Ростов н/Д., : Азово-Черномор. краев. хоз. изд-во, 1936. С. 244.
14. ГАРО Ф. Р-2613. Оп. 1. Д. 173. Л. 1.
15. ГАРО. Ф. Р-4096. Оп. 1. Д. 275. Л. 2, 7, 9.
16. *Тягленко Г.* Всемирная выставка «Интерпресс-фото» в Ростове // Веч. Ростов. 1968. 6 апр. С. 4.
17. *Колобова О.* Мир детской радости // Веч. Ростов. 1984. 27 сент. С. 3.
18. *Скобцова Г. С.* Из века в век : История РХУ в лицах. Ростов н/Д., 2009. С. 319.
19. ГАРО. Ф. Р-1817. Оп 4. Д. 1782. Л. 164.
20. Там же. Ф. Р-4096. Оп. 1. Д. 927. Л. 99.

В. А. МИНОРАНСКИЙ

ОЗЕЛЕНЕНИЕ И ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ

В нашей стране до 50-х годов XX века господствовали лозунги о покорении природы. В 1950—60-х годах выяснили, что благополучие и здоровье людей во многом определяются разумным использованием природных ресурсов. Тогда же уделили большое внимание природоохранной деятельности, изучению и сохранению биоразнообразия, признанию и развитию генетики, биохимии, экологии человека. Экология вошла в школьное и вузовское образование, научную и производственную деятельность, сознание населения. Провели обводнение, орошение и озеленение Ростовской области, построили очистные сооружения, регламентировали применение пестицидов.

Социально-экономические преобразования, начавшиеся в 90-е годы, развитие бизнеса и стихийное использование природных ресурсов, реформирование образования, науки и медицины, негативно отразились на экологиче-

ской ситуации. Этому способствовали изменения в законодательных, нормативно-правовых документах по охране природы [1]. Игнорирование биологических и экологических основ существования человека и окружающей среды привело к загрязнению воды, почвы и воздуха [2]. Положение усугубляется происходящей в последние десятилетия аридизацией климата, увеличением дефицита воды и иными условиями. Регион столкнулся с участвовавшими засухами, пыльными бурями, ландшафтными и лесными пожарами, наводнениями, а население с ухудшившимися качествами воды, воздуха, пищи.

Ухудшение условий окружающей среды привело к ослаблению защитных свойств организмов людей, их сопротивляемости паразитам, возрастанию показателей генетических, сердечно-сосудистых, онкологических и иных болезней, сокращению репродуктивных воз-

возможностей. В Ростовской области снижается численность населения, неблагоприятны показатели его смертности и рождаемости, продолжительности жизни. Население познакомилось с крымской геморрагической лихорадкой, СПИДом, африканской чумой свиней, птичьим и свиным гриппом, сотнями иных болезней, неизвестных ещё в середине XX века, в том числе с коронавирусом.

Пандемия унесла жизни миллионов людей. Ростовская область по заражению и гибели людей от COVID-19 находится в лидерах (4–10 места в РФ). Мы прошли три волны этой болезни; уровень ежедневного заражения населения в августе 2021 года побил предыдущие максимумы и превысил 450 человек, в октябре-ноябре у нас ежедневное заражение превысило 500–600 и специалисты говорят о 4-й и 5-й волнах ковида. У переболевших людей последствия заражения проявляются в течение всей жизни, т. к. этот вирус негативно влияет на все системы организма человека.

Паразит нарушил социальную, экономическую и другие стороны жизни. В его появлении виноваты сами люди и их отношение к экологическим проблемам, биоразнообразию, своему здоровью. Специалисты найдут способы лечения и предотвращения COVID-19, но будут иные паразиты, адаптирующиеся к плохим экологическим условиям и ослабленным людям.

Не имея возможности раскрыть все экологические проблемы Дона, остановимся на некоторых вопросах озеленения Ростовской области.

Климат степей отличается высокими температурами, жаркими ветрами и дефицитом воды в тёплый период, холодными ветрами в зимнее время. В июле-августе 2021 года в Ростове-на-Дону температура в тени доходила до 36–39 °С, а на открытых солнечных территориях «каменных джунглей» города — до 45 °С и более. С этими климатическими условиями население связано исторически, что заставляло его адаптироваться к ним. Одной из таких мер было озеленение.

Деревья и кустарники являются лучшими укрытиями от палящих солнечных лучей летом, гасителями сильных ветров, местом обитания многих видов живой природы и отдыха населения. Вместе с травой это основные очистители воздуха от вредных химических выбросов, пыли, запахов и шума (в т. ч. транспортных), многих вредных организмов. Озеленение Дона началось с XIX века, когда казаки высадили большие зелёные массивы в различных районах (Антиповский и Александровский леса, др.),

озеленили станицы и этим смягчили суровые климатические условия, остановили движущиеся пески, создали благоприятные условия для ресурсных видов растений и животных, людей. Интенсивное озеленение проходило и в 50–80-х годах XX века. Появились большие древесные массивы (например, Щепкинский лес в Ростове), «зелёные пояса» около городов и густая сеть лесополос, зелёным цветом покрылись на карте населённые пункты, а Ростов вошёл в число одного из самых зелёных городов страны.

С 1990-х годов работы по сохранению зелёных насаждений прекратили, началось активное уничтожение «зелёных поясов» около городов и лесополос, обеднение зелёных массивов, сокращение древесной и травянистой растительности в парках, на улицах. Постановление Администрации Ростовской области от 25.01.2008 № 18 «Об утверждении порядка охраны зелёных насаждений в населённых пунктах РО и методики исчисления размера вреда окружающей среде в результате повреждения и (или) уничтожения зелёных насаждений в населённых пунктах РО)» не остановило этот процесс. Руководитель Ростоблкомприроды Г. И. Скрипка сообщил на «круглом столе» ЗС РО 28.06.12 г., что в Новочеркасске зелёные насаждения занимают 40,4% от нормативной площади, Таганроге — 31,7, Ростове — 26,6% фактической площади. Аудитор контрольно-счётной палаты Ростова А. Корон отметил, что с 2014 по 2017 год в Ростове высадили 9681 дерево (часть из них засохло), а срубили 17780 (т. е. на 84% больше числа посаженных) [3].

Важнейшими элементами сохранения биоразнообразия, растительности и иных природных ресурсов является система особо охраняемых природных территорий. На территории Ростовской области располагаются 82 особо охраняемые природные территории (далее — ООПТ) федерального, областного и местного значения. Общая площадь ООПТ составляет 233,49 тыс. га (2,3% от общей площади Ростовской области). Такой она по всем документам остаётся до настоящего времени [4]. При оптимальной площади ООПТ более 10–11% территории страны, в Ростовской области она сократилась с 7,8% в начале XXI века до 2,3% — в 2019 году [5].

Памятники природы как основные звенья ООПТ, неудачно трансформировали. Постановлением правительства Ростовской области от 12 мая 2017 года «Об охраняемых ландшафтах и охраняемых природных объектах» [6], все памятники природы были переведены в другую категорию ООПТ с ослабленным режимом,

удобным для землепользователей. Памятники природы Дендропарк (Мартыновский р-н), Степь Приазовская (Мясниковский р-н), урочище «Церковный рынок» (Семикаракорский р-н), Дендрологический парк (Волгодонск), группа деревьев в Таганроге (дубы-долгожители и роща «Дубки»), насаждения Ростовского зоопарка (Ростов-на-Дону) и Ботанический сад Южного федерального университета по этому постановлению были ликвидированы.

Ростовский облсуд обязал восстановить ликвидированные памятники природы, а Верховный суд РФ 14 марта 2018 года утвердил это решение. В резолюции международной конференции «Заповедное дело: достижения, проблемы и перспективы» (Оренбург, 13 – 15.05.2019 г.) отмечена важная роль памятников природы в сохранении биоразнообразия и необходимость расширения их сети. И далее предлагалось «... выразить несогласие с политической ликвидацией памятников природы и/или изменением категории (перепрофилирование) существующих памятников природы (Ростовская, Оренбургская и др. области)» [7]. Так оценили реформу ООПТ в Ростовской области более ста учёных-степеведов разных стран.

Позднее Ботанический сад распоряжением Минприроды РФ перевели в федеральный статус ООПТ. Некоторым памятникам природы после протестов специалистов, выступления населения (например, в Таганроге) вернули статус местных ООПТ с другим режимом сохранения, а Дендропарк, Степь Приазовская, урочище Церковный рынок, насаждения зоопарка до сих пор остаются без статуса ООПТ, несмотря на решения всех судов. 18 февраля 2021 года Ростовский областной суд своим решением подтвердил правильность постановления первого областного суда.

Время и деньги были потрачены не на сохранение природных ресурсов, а на их сокращение.

Важнейшую функцию в сохранении благоприятной экологической обстановки и здоровья населения выполняют парки, сады, иная растительность в городах. Учитывая их оздоровительную функцию, врачи при различных болезнях, ослаблении организма пациентам всегда рекомендуют периодически отдыхать в парках и в местах с древесной растительностью, а во всех больницах, санаториях, здравницах обязательной процедурой являются регулярные продолжительные прогулки в зелёных парках.

Ситуация с парками в городах области претерпела глубокие негативные изменения, что можно видеть на примере самого старого в Ростове парка имени М. Горького.

С 1831 года состоятельные ростовчане передавали свои сады и усадьбы городу для организации городского сада для населения, а руководство города вместе с населением его сформировали. О нём писали, что «разведённый сад был раем» и таким оставался до 90-х годов XX века. После революции этот сад стал центральным городским парком. Это был зелёный оазис для населения всех возрастов с обилием тени от древесно-кустарниковой растительности, прохлады и влаги от растений и фонтанов. Парк утопал в пышной зелени местных видов деревьев и кустарников, на земле, покрытой травой, с цветущими кустами сирени, пионов, роз и других растений. Здесь ростовчане слушали песни соловьёв и других птиц, наблюдали за насекомыми, кормили белок, синиц.

На эстрадной площадке каждый вечер выступали артисты филармонии, самодеятельные коллективы, иллюзионисты. В 1950-е годы популярны были концерты ростовского симфонического оркестра, которым дирижировал Леонид Кац. Скамеек не хватало и многим приходилось стоять. Жители города охотно посещали обсерваторию РГУ (с 1948 г.), первый на юге страны панорамный кинотеатр «Россия» (с 1969 г.) с оркестром руководимым Кимом Назаретовым.

Рядом среди пышной растительности располагались маленькое летнее кафе с прохладительными напитками, бассейн с «золотыми» рыбками, открытое кафе «Зелёная горка» с мороженым. В северной части парка – небольшая площадка с аттракционами, всегда на 100% используемыми отдыхающими.

Парк выполнял важнейшие экологические функции, прежде всего, оздоровительную для населения. С учётом этих факторов велась организация других парков города.

В 90-е годы мы предлагали объявить этот парк и некоторые другие в области особо охраняемыми природными территориями. Так были созданы рощи «Дубки» в Таганроге и «Красная весна» в Новочеркасске, скверы «Дубовая роща» в Волгодонске и «Берёзка» в Азове. Парк имени М. Горького в этот список не попал. Постановлением Администрации РО от 09.10.1998 года № 411 его включили в группу объектов культурного наследия с иными подходами к содержанию и реконструкции.

Недостаток финансирования и «оптимизация» условий существования парков привели к передаче части земель бизнесу, а чиновники, бизнесмены, так называемые «специалисты» забыли о роли древесных насаждений в жизни населения. Сейчас в парке около пятнадцати объектов частной собственности. Кинотеатр

«Россия» снесли, многие годы территория огорожена забором с безобразнейшим пустырем и развалинами. Рядом место маленького кафе занял большой ресторан, который многие годы не работает. Большие рестораны и кафетерии появились на месте «Зелёной горки», около восточного фонтана, в северной части парка и иных местах. На улице Большой Садовой, рядом с памятником В. И. Ленина, «красуется» мрачное тёмное здание. Эстрадная площадка значительно расширилась, но она почти всегда пустует, даже во время праздников. На участке для симфонической музыки музыкантов не встретишь. Вторую половину северной части заняли многочисленные аттракционы. Они редко используются населением, их запускают даже для 1 – 2 человек при вместимости 20 и более.

Когда проходишь по аллеям парка, испытываешь душевную пустоту, видишь разруху, почти полностью уничтоженный кустарник и травостой, различные строения на месте вырубленных деревьев, отсутствие белок. Парк покинули даже вороны, скворцы и воробьи — наиболее адаптированные к людям птицы. С каждым годом увеличивается количество аттракционов, торговых ларьков и объектов питания, а число их пользователей уменьшается. По вечерам чистый воздух парка заменяют запахи жареного мяса, раздражающие громкие звуки ресторанной музыки, что отталкивает жителей среднего и старшего поколений, а также часть молодёжи от посещения парка. Предприниматели, стремясь получить максимальный доход, повышают плату за услуги (на аттракционах, в ресторанах), она недоступна для многих. Большие площади занимают открытые с каменной выкладкой территории, не создающие для людей благоприятную среду в экстремальных условиях степной зоны. Парк окружён наиболее загруженными автотранспортом улицами, образующими большое количество вредных выбросов и шума, а из-за недостатка зелёных насаждений он их не гасит.

Основной историко-культурной ценностью парка ранее была древесно-кустарниковая и травянистая растительность. Теперь ростовчане его называют «парк без деревьев», «безлюдная территория аттракционов и ресторанов». Этот «городской культурно-досуговый центр» утратил функции отдыха и оздоровления населения. Подобная ситуация наблюдается и в других парках города (Покровский, Первомайский).

Острые проблемы экологической ситуации, благосостояния и здоровья населения обусловили появление Указа Президента и распоряжения Правительства РФ по объявлению 2017 года «Годом экологии и особо охраняемых природных

территорий». Разработаны и реализуются национальные программы «Экология», «Здравоохранение», «Демография» и др. На Дону в последние годы обсуждаются вопросы создания «зелёных поясов» около городов, сохранения лесополос, восстановления и оздоровления бассейна реки Дон, благоустройства прибрежной зоны реки Темерник и многие другие, теснейшим образом связанные с проблемами озеленения и здоровья населения. В эти процессы всё шире включаются население, бизнес и власти.

Особое внимание привлекает «Проект реставрации, ремонта и приспособления объекта культурного наследия регионального значения "Парк имени М. Горького"». Приходит понимание, что зелёные насаждения, прежде всего в городах, остро нуждаются в восстановлении. Следует отказаться от использования в парках, скверах, на улицах насаждений европейского паркового типа с большой долей газонов, клумб и низких разреженных формовых деревьев, удобных для иных климатических условий. В засушливой зоне степей они не пригодны для улучшения экологических условий, дороги, несут риски эпизоотий и иных негативных последствий экспорта, а главное не создают комфортные условия для отдыха и оздоровления населения. Необходимо вернуться к традиционным зелёным насаждениям, включая парки с обилием густых массивов из наших проверенных временем и рекомендуемых профессионалами долговечных деревьев, кустарников в нижнем ярусе и травой на земле.

Ведущие ботаники и дендрологи Южного федерального университета разработали рекомендации по озеленению: их схемы, состав растений, приёмы сохранения и восстановления. В перечень рекомендуемых деревьев, кустарников, полукустарников и лиан включены растения, обладающие высокой зимостойкостью, засухоустойчивостью и пылегазоустойчивостью, способностью расти на урбанизированных землях, устойчивые к вредителям и болезням, иными словами обладающие необходимыми для наших условий свойствами. Применение такого подхода повысит экологическую эффективность зелёных насаждений в городе, регионе.

В парке имени М. Горького необходимо ликвидировать развалины кинотеатра и закрытый ресторан, резко сократить площади под ресторанами и кафе, аттракционами, слабо используемыми и не рентабельными сооружениями (площадка для симфонического оркестра, большие открытые территории с плиточным и иным покрытием около аттракционов и в других местах). Это позволит увеличить площадь для раститель-

ности, улучшить экологические условия в парке и вернуть населению города и его гостям территорию для отдыха и оздоровления.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Залиханов М. Ч.* Проблемы обеспечения экологических аспектов устойчивого (жизнеспособного) развития и необходимость восстановления в России природоохранного органа в системе федеральной исполнительной власти // У нас одна Земля. В гармонии с природой : материалы междунар. экол. форума (пос. Красная Поляна, Краснодар. край, 2–5 окт. 2015 г.). Ростов н/Д., 2015. С. 71–77.

2. *Миноранский В. А.* Экология, биоразнообразие, охрана природы и здоровье населения // Современная наука и образование: достижения и перспективы развития : материалы нац. науч.-практ. конф. (Керчь, 15 мая 2021 г.) Ч. 1. Керчь, 2021. С. 150–157; В воздухе Ростовской области на каждого жителя приходится 74 килограмма ядовитых веществ в год // Веч. Ростов. 2021. 30 июня. С. 1.

3. Цит по: *Курушина О.* В Ростове могут изменить нормативы компенсационных посадок деревьев // Веч. Ростов. 2020. 9 апр. С. 2.

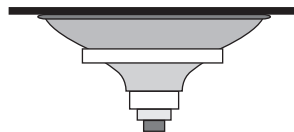
4. Экологический вестник Дона «О состоянии окружающей среды и природных ресурсов

Ростовской области в 2018 году». Ростов н/Д., 2019. С. 183–208.

5. *Миноранский В. А.* Экологические проблемы и вопросы сохранения биоразнообразия на Дону // Биологическое разнообразие: изучение, сохранение, восстановление, рациональное использование : материалы II междунар. науч.-практ. конф. (Керчь, 27–30 мая 2020 г.). Симферополь, 2020. С. 46.

6. Об охраняемых ландшафтах и охраняемых природных объектах : Постановление правительства Рост. обл. от 12.05.2017 № 354 //Право : офиц. портал правовой информ. Рост. обл. URL https://pravo.donland.ru/doc/view/id/%D0%9F%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_354_17052017_5793/ (дата обращения 24.10.2021).

7. Резолюция международной научно-практической конференции «Заповедное дело: достижения, проблемы и перспективы». 26 июня 2019 г. // Русское географическое общество. Оренбург. отд-ние : сайт. URL: <https://www.rgo.ru/ru/article/rezolyuciya-mezhdunarodnoy-nauchno-prakticheskoy-konferencii-zapovednoe-delo-dostizheniya> (дата обращения 14.10.2021 г.).

НАШИ КРАЕВЕДЫ

Д. А. ЩЕРБАК

ХАРИТОН БЕЛОВ

К биографии и родословной Х. И. Попова

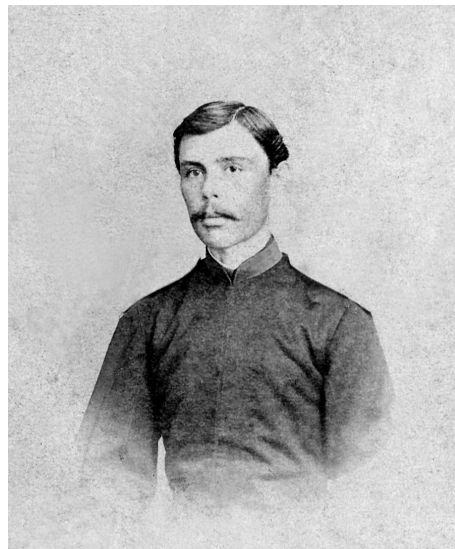
О жизни и деятельности Харитона Ивановича Попова писали современники [1], но значительный объём публикаций появился в постперестроечное время [2, 3, 4]. Реконструкции родословной Х. И. Попова много лет посвятил его праправнук Алексей Михайлович Помелов. Меня же интересовали сведения о родителях и родственниках, детстве и юности Харитона Ивановича, прошедшие на хуторе его деда [хутор Ежов Сухопесковатский станицы Слащёвской, в настоящее время — Ежовка Рябовского сельского поселения Алексеевского р-на Волгоградской обл. — Д. Щ.].

Значительно расширить и дополнить родословную семьи представилось возможным по фондам Государственного архива Ростовской области. Ценными источниками послужили личные документы Харитона Ивановича, семейная и служебная переписка, послужные списки периода 1795 — 1884 годов.

Харитон Иванович Попов родился 21 сентября 1834 года в станице Остроуховской [5, л. 46 об., 49] в семье урядника Ивана Авдеевича и Софии Ивановны Поповых, «по своему нравственному и материальному положению пользовавшейся уважением в среде станичного общества» [1, с. 397]. Был крещён в честь преподобного Харитона Исповедника [5, л. 48 об.].

«С достижением шестилетнего возраста он начал обучаться церковно-славянской и русской грамоте под руководством своего деда по матери, человека умного и начитанного... Образование мальчика шло в перемежку с сельско-хозяйственными занятиями на степном хуторе его деда. Всё лето мальчуган работал в поле или дома, а зима отдавалась учению и письму» [1, с. 397].

Дедушка Харитона, Белов Иван Артамонович (? — 1848), атаман станицы Остроуховской (1848), «... за отлично усердную его службу и хорошее поведение написан им Господином войсковым атаманом [генерал-лейтенантом Иловайским 1-м. — Д. Щ.] в урядники» (1825). Летом 1826 года спас «от утопления в реке Хопёр» купавшуюся малолетнюю девочку Агафью

Х. И. Попов. Около 1855 г. Фото из семейного архива А. А. Поляковой (Поповой), внучки Х. И. Попова

Фолимонову. «По докладу Государю Императору о таком человеколюбивом поступке урядника Белова Его Величество Всемилостивейше пожаловать Ему соизволил серебряную медаль с надписью За спасение Человечества на владимирской ленте и пятьдесят рублей ассигнациями» [6, л. 14, 15, 16, 21; 7, л. 1].

Стремление к знаниям было отличительной чертой семьи. Из церковно-приходской летописи о жителях бывшей станицы Остроуховской известно:

«〈...〉 Степень религиозного воспитания людей [возрастом] за 50 л[ет] находится на самом низком уровне. Они почти все неграмотны, и школы какой-либо в их время отрочества не было 〈...〉»

Степень умственного и нравственного развития прихожан не идёт вперёд, о чём ясно свидетельствует закрытие в 1900 г. [8], по малочисленности учащихся, церковной школы грамоты.» [9].

По свидетельству Харитона Ивановича «обучение грамоте получил домашнее, закон-

Дмитрий Александрович Щербак, краевед, член экспертного совета комиссии по канонизации святых Донской митрополии, г. Ростов-на-Дону

ченное путём самообразования» [5, л. 46 об., 49]. На учёбу родители отдали второго сына — Казьму. В домохозяйственной книге урядника И. Попова и «памятной книжке малолетка Харитона Белова» [10] сохранились записи, сделанные в 1852—1854 годах, о продовольственных и денежных затратах на «содержание Каз[ь]мы» в виде платы за квартиру, учителю и законоучителю [11], Забота о младшем брате и любовь к нему нашли своё отражение в письмах Харитона Ивановича:

«...» Братцу Каз[ь]ме Ивановичу свидетельствую мое братское искреннейшее почтение ...весьма рад, что он кончил курс наук с хорошою аттестациею — это очень лестно, желаю ему достигнуть бóльшего счастья и прошу стараться лучше выписываться [12, л. 8].

«...» Ещё радуюсь и тому, что братец Казьма Иванович находится в Слащове [станция Слащёвская. — Д. Щ.] у писарей, желаю ему достигнуть до совершенства настоящего предмета и прошу его как можно стараться писать, это для него со временем будет дороже всего, а Вас, милый батинька, убедительнейше прошу не закрывать его талант [13, л. 6 об.].

Сам же Харитон Иванович с 25 декабря 1849-го по 10 марта 1852 года служил «в письмоводстве» у дворянского заседателя, а с 13 апреля 1852-го по 12 февраля 1854 года — при дистанционном заседателе, где кроме навыков «делодейственного порядка» приобрёл «познания следственного порядка» [5, л. 60, 60 об.].

В 1850 году Харитон Белов составил родословную по материнской линии, состоящую из шести поколений.

«...Казак Трифон Казмич Белов, Остроуховской станицы, назад тому более 150 лет первоначально завёл хутор на р[еке] Сухой Песковатке [14], где до того не было населения... [7, л. 1 — 1 об., 4; 15, л. 1]».

Позднее, когда Харитон Иванович трудился в Донском статистическом комитете, по документам конца XVIII века он уточнил, что хутор был основан в 1720-е годы и первоначально назывался Трифоновский. Во второй половине XIX — начале XX века именовался хутор Ежов Сухопесковатский (Ежовский, Ежевский 1-й) станицы Слащёвской Хопёрского округа при реке Сухопесковатке [6, л. 1, 2 — 2 об., 5 — 6].

«Около 1846 года половину Остроуховской станицы за теснотою и недостатком земельных дольствий выселили (по жребию) в ст[аницу] Преображенскую... Позднее ...дальнейшее переселение остроуховцев было приостановлено» [16, л. 1, 1 об.].

В 1851-м, через три года после смерти дедушки Ивана Артамоновича, его наследники «урядничья жена София Иванова Попова и девица Стефанида Иванова Белова заблагодарасудили наследственное наше родовое имение разделить». Был подписан Раздельный акт, в котором оговаривалось, что «раздел этот как добровольный, должен быть сохранён нами свято и ненарушимо» [17, л. 1 — 1 об.].

Перечень имущества в акте от 29 мая 1851 года свидетельствует об уровне достатка атамана станицы Остроуховской И. А. Белова:

- деревянный дом «при посёлке Г.г. (господ. — Д. Щ.) Ежёвых — Сухопесковатском, с тремя амбарами и пристроем при нём имеющимся, два новых воловых воза, один старый, два рыдвана» и одна новая конская повозка «со всеми к ним принадлежностями, заключающимися в колесах и прочем»;
- разная домашняя рухлядь;
- четыре деревянных дома при хуторе Остроуховском;
- деревянная кухня, кузница, «состоящие при хуторе Остроуховском и один воловий старый воз со всею к нему принадлежностью»;
- рогатый скот, лошади, овцы [17, л. 1 — 2 об.].

Представить повседневные события из жизни семьи помогают вышеупомянутые домохозяйственная книга и памятная книжка, записи в которых вёл Харитон Иванович.

На хуторе у родителей был свой «деревянный дом о двух комнатах... амбар илимоваго леса [из древесины вяза. — Д. Щ.]», трёхстенный дубовый амбар, два хлева рубленных, кухня, рубленный забор. Владели «разной домашней принадлежностью». В хозяйстве держали лошадей, быков, коров, овец, домашнюю птицу. Сеяли пшеницу, ячмень, просо, горох. Занимались заготовкой степного и лугового сена.

Сыновья, как полагалось, «исправлены к службе», конь и седло были «даны ...отцом». «Впрочем конь» Харитону был подарен «тёткою Степанидою Ивановною Беловою» [5, л. 51 об., 52, 61, 61 об., 62]. Приняв присягу, он начал службу казаком с 1 января 1853 года [5, л. 1 об., 48 об.].

12 февраля 1854 года Харитон Иванович Попов венчался в Троицкой церкви станицы Мигулинской с дочерью урядника Василия Михайловича Калинина Надеждой (1836, ст-ца Вёшенская — 1862) [5, л. 48 об., 155].

В «краткой выписке» значится «при выходе на службу» и «на мою свадьбу употреблено... 211 р[ублей] 99 к[опеек]» [11].

В годы Восточной (Крымской) войны с 10 апреля 1854 года Попов служил в Донском № 68

полку [5, л. 1 об., 36 об., 51, 54] подполковника Алексея Никифоровича Краснянского [18]. И на военной службе продолжал участвовать в хлопотах своих родителей. В это время перед родителями встаёт вопрос о переселении. Харитон Иванович в Новочеркасске встречается с С. А. Курючкиным [19], служащим дьяком в Войсковом правлении, чтобы получить совет, как лучше действовать. По итогам этой встречи пишет письмо родителям:

1854 года июля 31-го дня. Селен[ие] Новониколаевка.

⟨...⟩ из письма Вашего не видно, чтобы начинали переселение на Бузулук... если угодно будет Вам остаться на месте, то очень возможно, только нужно взять от обоих станиц, т[о] е[сть] нашей и Слащевской свидетельства, и выставить следующие причины: 1) что хутор наш занят предками ещё в Войсковом владении назад тому за 150 лет, 2) что в прежней Остроуховской ст[анице] состоит дом с пристроем, который поблизости можно перевести в Слащевскую ст[аницу], и в хуторе дом с амбарным и другим пристроем, 3-я) что в минувшие бегственные года лишились скота, почему, а так же поодиночеству семейства, малолетству детей, за откомандированием меня экстренно на службу с издержками на исправление [20], и будучи сами обязаны службою [21], лишены средств к переселению за 150 вёрст, и должны, если переселяться притти в крайнее разорение... [12, л. 7, 8 об.]

⟨...⟩ Милый батинька! на вопрос ваш относительно переселения нашего, я не знаю как объяснить, ибо Вам самим лучше видно, но рассчитывая гальною переселку и одиночество семейства нашего, я полагаю выгоднее остаться на месте, впрочем как будет Вам угодно, дай Бог, то или другое начать и кончить благополучно.

⟨...⟩ Затем примите мое истиннейшее сыновнее почитание и нижайший поклон и прошу Вашего родительского благословения. ⟨...⟩ всем ежовским хуторянам кланяюсь. ⟨...⟩

22 сентября 1854 года. Местечко Кагальник [12, л. 19—19 об.].

Вероятно, ходатайствам был дан ход и семья окончательно переехала в юрт станицы Слащевской (хутор Ежов Сухопесковатский).

Город Таганрог. 18 марта 1855 г.

Милые родители: батинька Иван Авдеевич и маминька София Ивановна!

⟨...⟩ Вы пишете, что начинаете переселяться на новый юрт... желаю Вам милые роди-

тели, от Бога счастливейшего и благополучного успеха; я чувствую и понимаю, что переселка эта будет Вам с большими трудами и хлопотами, и рад бы помочь, но право не в состоянии теперь; дядиньку Василия Авдеевича чувствительно благодарю, что они помогают нам в перевозке, как Вы пишете, верно только они огни ещё ни лишают нас родственной помощи.

⟨...⟩ остаюсь доброжелательный и послушный сын ваш Харитон Попов [13, л. 5, 7—7 об., 8 об.].

Город Таганрог. 9-го мая 1855 года.

⟨...⟩ Относительно переселения в Слащевскую станицу, я с своей стороны скажу в добрый час! Это будет как я думаю выгоднее переселки на отдаленный Бузулук, все-таки менее издержек, впрочем Вам будет виднее; во всем желаю Вам счастливого успеха.

⟨...⟩ Ваш послушный сын Харитон Попов [13, л. 12, 13, 13 об.]

В архиве Харитона Ивановича сохранились письма к своей супруге, её отчиму и матери, братьям, наполненные взаимной добротой и вниманием.

1854 года июня 7 д[ня]. Сел[ение] Новобатайское.

Милые родители:

батинька Ефим Иванович и маминька Татияна Николаевна!

⟨...⟩ я и до сего времени слава Богу благополучен, чего и Вам душевно желаю и прошу принять мое истиннейшее почитание и нижайший поклон. ...отношу моё истиннейшее почитание ...всем милым родным.

⟨...⟩ остаюсь преданный Вам навсегда сын Харитон Попов [12, л. 23, 23 об., 24 об.].

Любезный Харитон Иванович! Сын неоценённый! [22] — так обращается в ответных письмах к зятю Ефим Иванович Попов [23].

...Христос Воскресе, любезный братец Харитон Иванович!

Приятное ваше письмецо ...я к совершенному моему удовольствию имел честь получить ...он[о] принесл[о] мне приятное известие и сердечную радость, во-первых потому, что вы не чуждаетесь и признаёте м[е]ня своим родственником, я этому сердечно радуюсь, и желаю чтобы это навсегда оставалось между нами как братьями ⟨...⟩ я спешу засвидетельствовать вам любезный братец мою искреннейшую благодарность ⟨...⟩ подобные письма очень радостно получать в

стране чужой, отдалённому от милого семейства и родины, и служащему еще в горах.

⟨...⟩ Братцу Калине Васильевичу от вас письмоце я отослал ...он здоров, кланяется вам, он служит в [г]орог[е] Тифлис[е] ⟨...⟩ я честь имею засвидетельствовать вам с супругою, а моею сестриц[е]ю, с Нагинькою моё чистосердечное почтение и ни[з]кий поклон, с каковым прибываю навсегда ва[ш] любезный братец, Карней Калинин [24].

12 марта 1855 года. С[таница] Аксайская.

...Милая Надежда Васильевна!

⟨...⟩ Бог миловал нас, ещё не случилось быть в сражениях ...теперь же может и придётся быть, так как неприятели наши англо-французы угрожают напасть на все города, какия есть по берегам моря, впрочем мы надеемся на милость Божию и на храбрость свою, а Вас просим молить о нас Бога ⟨...⟩

Батиньке и маминьке и всем родным и знающим Мигулинским и Песковатским передай от меня по нискому поклону...

И так прости безценная, желаю тебе всего лучшего, целую тебя не счесть раз и остаюсь по гроб вернолюбящий твой Харитон Попов [13, л. 18, 18 об. — 19, 19 об.].

Адьютант полка, в котором служил Х. И. Попов, Дмитрий Андреевич Сербинов [25] писал его родителям: «...добрейший Иван Авдеевич за сына вашего я приношу вам мою благодарность... свидетельствую вам мое почтение» [13, л. 6 об., 7].

С военной службы Харитон Иванович возвратился 31 октября 1855 года [5, л. 48] в комплекте полка находился по 15 января 1856 года [5, л. 3]. 16 января 1856 года начал службу по гражданскому ведомству в окружной станице Алексеевской, где был определён в штат писарей Хопёрского сыскного начальства [5, л. 1 об.].

В письме от 14 марта 1856 года он пишет — «...служба эта меня просто сокрушила и сам не знаю как избавиться от этой печали; но надеюсь на одно Божие милосердие» [26].

Об отце Харитона Ивановича известно немного. После 1855 года имя Ивана Авдеевича в письмах не упоминается и за 1856 — 1863 годы их сохранилось мало. Возможно переписка велась редко по причине не столь удалённого расположения хутора, где жили родители, от окружной станицы и по роду службы Харитон Иванович много ездит по Хопёрскому округу, имея возможность их навещать. Вероятно, Иван Авдеевич умер не позднее 1859 года, так в письме к жене от 2 июня 1859 года Харитон упоминает только маму.

...Милая Нагинька ⟨...⟩

⟨...⟩ маминьку разцелуй за меня, да смотри жалеет её всей душой.

Кланюсь всем Вам и остаюсь жив и здоров, желающий Вам всегда и всего лучшего, Харитон Попов [27].

После смерти Ивана Авдеевича, часть имущества была продана «на уплату долгов разным лицам». 30 декабря 1863 года оставшееся имущество «по добровольному соглашению между собою» разделили. Мать-вдова «оставляет за собою в хуторе... дом и лучший амбар..., одну пару быков, одну корову и четырёх старых овец». «Из остального досталось на части» старшему сыну Харитону, вдове [28] второго сына Казьмы Дарье Павловне с малолетним сыном Аполлоном и третьему сыну Степану» [5, л. 61, 61 об., 62].

О том, что в семье сохранились добрые отношения свидетельствует письмо, написанное Харитону Ивановичу его племянником Аполлоном:

27/VI 1884 г. [Хутор] Грачёв [29].

Любезныя дядюшка Харитон Иванович и тётушка Александра Петровна [30]

Свидетельствую Вам своё искреннее родственное почтение и от всей своей души желаю Вам от Бога счастья и во всех делах ваших скорого успеха.

⟨...⟩ с маминькой ездили проведать и обозреть всех своих родственников, живущих на Писковатке [31] и Ежовке. Бабушка София Ивановна и дядюшка Степан Иванович живы и здоровы Вам ниско кланяются; бабушка уже старинькая, а дядюшка по временам страдает с болью в сердце ...что уже было во время пребывания нашего на Ежовке.

⟨...⟩ Желаю Вам быть здравыми... [32].

В 1862 году Харитон Иванович приобрёл у своей тётки девицы станицы Букановской Стефаниды Ивановны Беловой за 400 рублей серебром деревянный дом («родовое имение») в хуторе Остроуховском, принадлежавший его дедушке уряднику Ивану Артамоновичу Белову.

Находясь на военной службе, в письмах к родителям Харитон Иванович часто передаёт поклон и «истинейшее почтение ...Его благородию дедушке [33] Захару Даниловичу» [13, л. 29 об.] — вероятно, в годы детства оказавшего влияние на его дальнейший жизненный путь.

Писарь Захар Данилович Белов (1784 — после 1855), «из казачьих детей», атаман станицы Остроуховской. В службу вступил казаком 1 января 1803 года. Урядник (1806). По указу Войсковой канцелярии — «в Черкасском сыском начальстве в должности повытчика». В начале

своего служения был замечен «за добропорядочное поведение, усердие к возложенным на него делам и справности по оным». Различные должностные лица Хопёрского и Черкасского сыскного начальства, под началом которых проходила служба Захара Даниловича, свидетельствуют, что он «проходил ...должность первоклассного писаря, и исправно расторопно, и рачительно, при том вёл жизнь добронравную, аттестовался достойным и был рекомендован к повышению», «при трезвом и добропорядочном своём поведении ...исправлял письменные дела со всяким рачением без всякого ухудшения» [6, л. 29, 30, 31].

С 14 сентября 1812 года — «во всеобщем с Дона ополчении во Второй войне с французами». Участвовал «в действительных сражениях» при Тарутино и Рождественском, «где за отличие награждён чином хорунжего». «При вытеснении неприятеля из города Смоленска, ...в преследовании онаго к городу Борисову в ежедневных перестрелках, ...при селении Глубоцыне и Хотове, ...при местечке Молодечно в сражениях, ... в преследовании неприятеля к городу Вильно [34] в неоднократных перестрелках, ... за городом Вильнов на Погулянке [35] и горе Полярской ... в разбитии неприятельских сильных колонн, ...при вытеснении неприятеля из города Ковны [36] и затем в преследовании онаго за границу до реки Вислы». В 1813—1814 годах участвовал в «блокаде города Данцига [37], где между тем в сражениях ...при бомбандировании Данцигской и Векселминской [38] крепостей, ...в походе на Рейне к городу Мангейму». «По заключению с Франциею мира ... в походе от толе на Дон». «В Грузии в содержании по картам линии и постов» (1816—1819). Был избран «дворянством в Хопёрском сыскном начальстве заседателем» (1820—1822). Сотник (1821), есаул (1825). Находился «на Кавказской линии в содержании по реке Кубани от стороны горских народов передовых постов» (1824—1830). В 1828 году «июня 9-го и 10 в сражении против горцев и за отличие в оных получил высочайшее благоволение». В декабре 1830 года вернулся на Дон. Служил в Донских казачьих полках № 2 (1803—1812), № 9 (1812—1816), № 1 (1816—1831). Награждён серебряными медалями «В память Отечественной войны 1812 года», «За взятие Парижа 19 марта 1814 года». Был «женат на казачьей дочери», детей не имел.

Сохранилось несколько послужных списков «о службе и достоинстве ...Захара Белова» 1813—1831 годов, в которых он отмечен как достойный к повышению [6, л. 32—33 об.; 39; 40; 41; 42; 43; 44; 45; 46].

По прошествии многих лет, когда Харитон Иванович жил в Новочеркасске, остроуховцы вспоминали о Захаре Даниловиче как о человеке «с большим весом в обществе и с большими причудами в своём характере» [16, л. 1].

О служении предков на духовном поприще Харитон Иванович не оставил свидетельств. Не удалось обнаружить сведений и о родных по отцовской линии. В письмах за 1855 год встречаются имена родных братьев отца — Василия Авдеевича и Савелия Авдеевича Поповых.

Среди прихожан Преображенской церкви [47] станицы Остроуховской были жители по фамилии Поповы [48]. Недалеко от хутора Ежовский в юрте станицы Федосеевской находился хутор Попов. На большем удалении, с названием Попов, были хутора в юртах станиц Еланской и Казанской.

В истории населённых мест Области войска Донского есть немало примеров, когда по фамилии, имени или прозвищу первопоселенца возникали названия топонимов. Процесс переименования топонимов на Дону, произошедший в XX веке, почти не затронул названий вышеупомянутых населённых мест, исключая административно-территориальное деление.

Ещё в отрочестве Харитон Белов начинает интересоваться прошлым своего края. Первые записи по истории датируются 1847 годом. В его фонде хранятся копии многих документов по донской истории, ряд которых ввёл в научный оборот доктор исторических наук А. П. Пронштейн [49].

В рамках родословной Х. И. Попова представляют интерес два ранее не публиковавшиеся документа — доношение прапрадедушки Харитона Ивановича, отставного есаула Иоанна Мироновича Белова (? — после 1814) в Военное правительство о притеснениях, чинимых войсковым старшиной Ежовым с племянниками, и мировое соглашение с ними (публикуются ниже). Вероятно, доношения обнаружены Харитоном Ивановичем в период его работы с архивом Хопёрского округа и датируются 1795 и 1796 годами.

Данные документы иллюстрируют процессы освоения земель казаками, научно обоснованные А. П. Пронштейном [49].

А. П. Пронштейн говорит о том, что уже к началу XVIII века на основной территории Донской земли сложился костяк станиц, а начало сельскохозяйственной колонизации происходило в бассейнах рек Дона, Хопра, Бузулука и Медведицы. Первоначально казаки могли заниматься земледелием и скотоводством, проживая в станицах, а когда свободной земли вблизи ста-